

Наталья Кравченко – поэт, литературовед, публицист, автор пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат 13-го Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк. 2003)

Всего четыре строки из стихотворения Натальи Кравченко, – и Вам открывается воспаленный, можно сказать, болевой мир существования.

Лев Озеров (из предисловия к книге «В логове души», 1994)

Книгу Вашу («Письмо в пустоту» – Н.К.) прочла с большим интересом от корки до корки. В стихах много горечи, одиночества, печали с просветлениями души.

Инна Лиснянская
(из письма от 02.05.2004)

Наташа, Вы – настоящий поэт, это для меня ясно, и мне приятно Вам это сказать.

Александр Кушнер
(из письма от 31.10.2006)

Наталья Кравченко Очаг

**НАТАЛИЯ
КРАВЧЕНКО**

ОЧАГ

Кто-то мудрый сказал, что определить, насколько хороша та или иная книга, можно по тому, сколько раз она затронет душу. При чтении стихов Натальи Кравченко загибать пальцы бессмысленно: их явно не хватит. Доверительный разговор не прекращается ни на минуту. Это разговор и о самом светлом, и о самом горьком. Кто из нас не терял близких, не хрустел черепками разбитых надежд? Но написать об этом так, чтобы твоя боль откликнулась в сердце другого, как его собственная, и при этом не увеличила сумрак, а, напротив, подарила капельку света, дано не многим. В стихах Натальи Кравченко есть эта щемящая нота и выстраданный свет.

НАТАЛИЯ КРАВЧЕНКО

УДК 882-1
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-5
К-78

ОЧАГ

СТИХИ

Кравченко Н.М.

К-78

Очаг – стихи, избранное – Саратов: Приволжское издательство, 2007. –

ISBN 978-5-91369-002-9

В книгу Наталии Кравченко «Очаг» вошли стихи, написанные за 30 лет. Очаг – устройство для разведения и поддержания огня, очаг пожара, очаг боли, культурный очаг, тепло домашнего очага – все слилось в этом многозначном названии. Темы любви и семейной жизни, смерти и памяти близких, большой и малой родины, мира природы и природы творчества, поэтические портреты великих поэтов и обычных сограждан, иронические стихи и афористичные четверостишия – все это найдет читатель в томе избранной лирики поэта.

Приволжское издательство
Саратов
2007

ISBN 978-5-91369-002-9

УДК 882-1
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-5

© Н.М. Кравченко

Сокровенное

ОТ АВТОРА

В эту книгу вошли стихи, охватывающие большой отрезок времени – от написанных в школьные годы до родившихся совсем недавно. Они расположены не по годам, а по темам и выстроены таким образом, что представляют собой своеобразную хронику жизни души, её взлётов и падений. Особенность этого сборника в том, что его нужно читать не вразброс, а строго по порядку, так как каждое стихотворение в чём-то проясняет, дополняет и продолжает предыдущее. Стихи словно протягивают друг другу руки, перекликаются, образуя цепь, хоровод, который трудно разорвать, чтобы не разрушить при этом целостность восприятия. Многие из них можно понять до конца только в общем контексте. Собственно, это то, чем отличается книга стихов с её продуманностью замысла, единством композиции от сборника стихотворений, напечатанных в хронологическом порядке. Можно сказать, что вся книга – это одно большое стихотворение о моей жизни, разбитое на маленькие главки – отрезки пути, своего рода «сказка странствий».

Если дойдёшь до конца этого путешествия, читатель, и захочешь поделиться мыслями и впечатлениями от прочитанного, можешь написать мне по адресу: 410009 Саратов пр.50-летия Октября д. 60 кв.45 или позвонить по телефону 65-52-92.

Копилка

Дождь. Туман. Заветная строка.
Вот мои несметные богатства.
Скажешь, что казна невелика?
Не спеши выказывать злорадство.

Вот сюда внимательно гляди:
Это чей-то взгляд, запавший в душу.
Фраза, что однажды из груди
Ненароком вырвалась наружу.

Вот напиток из полночных муз,
Голоса любимого оттенок.
Я все это пробую на вкус.
Я знаток, гурман, сниматель пенок.

Что это? Попробуй назови.
Так, пустяк. Души живая клетка.
Тайная молекула любви.
От сердечных горестей таблетка.

Теплых интонаций нежный след –
Словно ласка бархата по коже.
Я им греюсь вот уж сколько лет,
Он ничуть не старится, такой же.

И, скупее рыцарей скупых,
От избытка счастья умирая,
Словно драгоценности скупив,
Я твои слова перебираю.

Скажет пусть какой-нибудь осёл:
Ничего же не было, чудило!
Но душа-то знает: было всё.
Больше: это лучшее, что было.

Каждый волен счастье создавать,
Разработать золотую жилку.
Надо только миг не прозевать,
Подстеречь, и – цап! – себе в копилку.

Я храню в душе нездешний свет,
Свежесть бузины и краснотала.
И живу безбедно много лет
На проценты с этих капиталов.

Как алмаз, шлифую бытие,
Собираю память об умершем.
Я – самовладелица. Рантье.
Баловень судьбы, миллионерша.

Взгляд души и зорек, и остёр.
Он – спасенье от тщеты и тлена.
Никому не видимый костёр,
Огонёк мой, очажок вселенной.

Что бы там ни уготовил рок –
Настежь я распахиваю сердце:
Все, кто болен, беден, одинок, –
Заходи в стихи мои погреться!

Многим в жизни правлю,
Лишь собой – не в счёт...
Сердце, как кораблик,
По волнам плывёт.

А любовь – как ветер...
Только все года
Этот ветер вечно
Дует не туда.

Где же ты, попутный?
Догони мой чёлн!
Долго ль мне, беспутной,
Плыть по воле волн?

Скажут, виновата
Ты сама, и впредь
Управлять, мол, надо
Парусом уметь...

Белой ночью

Белой ночью, белой ночью
Тают в воздухе слова,
И следы – как многоточье,
Там, где шепчется листва.

И молчат осиротело
Одинокие огни.
Белой ночью, ночью белой
Так беспомощны они.

Полусумрак, полугрёзы,
Полупризрачно в судьбе.
Эти плачущие росы –
Словно слёзы о тебе.

Не смахнуть мне их руками...
И во сне, и наяву
Нежно-белыми словами
Я зову тебя, зову.

Белой ночью пахнет сладко,
Листьев шорохи тихи.
Жизнь красива и нескладна,
Словно белые стихи.

Небо

Какое небо неземное...
Стою, зажмурясь, не дыша.
Оно сияет надо мною,
Как обнаженная душа.

О как нелепо, как нелепо,
Как странно лишь предположить,
Что под таким открытым небом
Плохие люди могут жить.

Ночь неслышно спустилась к земле
И приникла к ее изголовью.
В невесомой безветренной мгле
Месяц весело дергает бровью.

Чьи-то тени срослись на пути,
Обжигает ночная прохлада...
Не печалься, мой стих, не грусти.
Никого нам с тобою не надо!

Твои лукавые глаза
И загорелость рук...
Как много хочется сказать
Тебе, мой милый друг.

Но всё, что я сказать хочу –
Поглубже я запрячу.
Я лучше просто помолчу
И о тебе поплачу...

Мой мир первобытен и прост.
Там слышится «баюшки-баю»,
Там травы встают во весь рост
И звезды к глазам подступают.

А дождик твердит, как урок,
Мне песенку эту босую
И мечет жемчужины строк,
А я их тебе адресую.

О дождя откровенье
Высоко в поднебесье!
Векового стремленья
Безыскусная песня.

Словно хочет в покое
Непомерном, безбурном
Небо слиться с землёю
В поцелуе лазурном.

О мой дождь скоротечный!
В мироздании блёклом
Наше счастье невечно,
Словно капли на стёклах.

Но с какою любовью,
Всё на свете приемля,
Ты поишь своей кровью
Эту жадную землю!

О, не верьте морозам,
И ветрам, и ненастьям,
Верьте в вешние грозы
Так, как верите в счастье.

Верьте в чудо рассвета,
В семицветие радуг.
Верьте в дождь над планетой
Так, как верите в радость!

Невидимка, Невидаль, Никто...
Я пишу как Богу или Другу.
Пусть ты даже будешь Чёрт в пальто –
Через вечность протяни мне руку.

Я гляжу до слёз на синеву.
Звать тебя никак, да и не важно.
Я пишу, спешу к тебе, плыву
На своём кораблике бумажном.

Я прошу: прими меня всерьёз.
Прочитай бесхитростные строки.
Шлю тебе отчаянные SOS –
Сердца позывные, биотоки.

Пусть тебе расскажут небеса,
Как ждала, звала, что было силы.
Может быть, найдётся адресат
И прочтёт их где-то кто-то милый.

Соловей отпустит мне грехи,
Ночь блеснёт улыбкой херувима.
Пока живы сказки и стихи –
Всё ещё на свете поправимо.

В сугробах валенки топя,
Иду по февралю.
Повсюду я ищу тебя,
Зову тебя, люблю.

Быть может, на свою беду
И на смех пошлых толп,
Я все равно тебя найду!
А после – хоть потоп.

Выше окон, выше крыши,
Выше солнца синева!
Неужели ты не слышишь,
Как во мне кричат слова?

А снега уж не отбелишь,
В лужах моют их лучи.
О тебе лишь, о тебе лишь –
И капли, и грачи.

В мире мне, как в шубе, тесно,
И сосулькой тает грусть.
Я шепчу тебя, как песню,
Как молитву, наизусть.

И несёт всё выше, выше
Тёплой нежности волна...
Неужели ты не слышишь,
Как во мне кричит весна?

Среди шума, среди смеха
Я печаль свою несу.
Даже Моцарт, даже Чехов
Не помогут, не спасут.

Что сонаты и сюжеты,
Что мне мудрые века?
Будут новые рассветы,
Будет старая тоска.

Ты уехал, ты уехал...
Гаснут звезды на весу.
Среди шума, среди смеха
Одиночество несу.

Кончился день. Опускается занавес
Мутной завесой дождя.
Столько людей улыбается радостно,
Мимо меня проходя!

Мне надоело бродить в одиночестве,
Тупо мешаясь с толпой.
Мне одного сейчас, веришь ли, хочется, –
Быть с тобой.

Чтобы ты ждал меня в изморозь мгlistую,
Шел бы, куда позову,
Долго смотрел бы в глаза мои пристально,
Спрашивал, как я живу.

Слухи, и сплетни, и злые пророчества –
Пусть для меня лишь одной.
Главного хочется, чистого хочется –
Быть с тобой.

Словно спартанец лисенка за пазухой –
Тайну в себе я ношу.
Пусть она мучит, терзает, зубастая, –
Я никому не скажу.

Буду смеяться, скрывать одиночество,
Буду держать хвост трубой,
Чтобы никто не узнал, как мне хочется
Быть с тобой...

Искренность – искромётна.
Она искрится в глазах.
Искренность так заметна
В радости ли, в слезах.

Сердце открыть хотелось бы,
Но ведь оно – одно...
Искренность – это смелость.
Это не всем дано.

А память печатает четко:
Как твой покидаю порог,
А дождь выбивает чечетку
И – землю с травой из-под ног.

Вдыхаю полынную горечь,
Под стынущим ветром бредя,
И тихо касаются горла
Холодные пальцы дождя.

Олегу Соколову

Так значит, ты уходишь с тою?
Ну, что тут попусту вещать...
Наверно, я тебя не стою.
Мне, право, нечего прощать.

Тот снег был белым, словно вата.
Он таял, пенясь и слепя...
Чего ты смотришь виновато?
Я, право, рада за тебя.

Лети, мой милый соколенок,
Из клетки сердца моего!
Олег... Олежек... Олененок...
Ну как теперь мне без него?!

Опять с тоской своею спору,
Скребущей кошкою в груди.
И чтоб облегчить это горе,
Мне голос внутренний твердит:
«Зачем терзаться, стиснув зубы?
Того, что было, не вернёшь...»
О разум, как ты неразумен,
Что слушать сердце не даёшь!

Казалось, что солнцу не будет конца,
И небо вздыхало от зноя...
Потом ты ушел, как улыбка с лица,
И радость простилась со мною.
Летели недели, года торопя.
Я стала и суше, и строже.
О солнце, мне видеть не нужно тебя!
Во тьме ты еще мне дороже.

Мой дом небесный, неземной,
Владенье сказок и видений,
Где хорошо в тиши ночной
Скользить мечтою запредельной.
Где, не живя, живу, как Бог.
Мгновенья в вечности застыли...
Мечта отчетливей, чем рок
Судьбы, банальной и постылой.
Мне нелегко между людьми
С душой, как небо, обнаженной.
Ищу защиты от любви,
От гнета нежности тяжелой.
Все в ожидании конца.
О мир безлюдный и безлюбовый!
Заря не подожжет сердца
И не затеплит чьи-то губы.
Немая музыка любви,
Лесная летопись печали...
И тонкий голосок травы,
И звезды мне о ней молчали.

Ноябрь с заплаканным лицом
Погасит тлеющее пламя.
Снежинок невесомый сонм
Летит несбывшимися снами.

Чернеет на излете синь.
Реки заломлены излуки.
И месяц на ущербе сил,
Как желтый парусник разлуки.

Скрипят и стонут дерева.
Ночные сумерки ложатся.
О жажда горькая родства
Душой к чужой душе прижаться!

Опять растопят лед в крови
Рассвета алые улыбки.
Опять всплывут со дна любви
Надежды золотые рыбки.

Небесный хлеб моей души
Нужнее мне земного хлеба.
Люблю тебя до звезд в тиши,
До радуг, до седьмого неба!

О небо сердца! В блеске гроз
Ты ослепляешь семицветно,
Чтоб мир, невидимый от слез,
Дарить любовью безответной.

«Было что меж вами или нет?» –
Я не знаю, что таким ответить.
Были вёсны, сны, в окне рассвет.
Ночь была в молочном лунном свете.
В темноте души включённый свет
Освещает этот мир постылый.
Было то, чего на свете нет.
Только это лучшее, что было.

Дождик шёл, беспокойно стуча о стекло,
А потом его сердце устало.
Просто время дождя истекло, истекло.
Вот покапало – и перестало.

Непривычной мгновенье ожгло тишиной,
Разорвалось в ушах, как граната.
Непонятна причина, и кто тут виной.
Это всё перестало, как дождик весной.
Это всё перестало быть надо.

Не трогай, душа, не буди.
И больно оно, и не нужно...
Хоть тысячу раз тверди –
Пред этим я безоружна.

Еще та ладонь тепла,
И чудится глаз мерцанье.
Не выболело дотла
Ненужное воспоминанье.

Ты спрашивал: «Ждешь меня?»
А я отвечала: «Подружку».
И гасли шаги, маня...
И мокла в слезах подушка.

Вот все, чем была жива,
Что будет все годы сниться.
А будущие слова
Томились еще в темнице.

Проявит судьба негатив,
Расставит все нужные точки.
Но вновь этот старый мотив,
Когда распускаются почки.

Ни щелочки в прошлое нет.
Вздохнут, обрываясь, струны...
Зачем-то хранится билет
На поезд, ушедший в юность.

Я о тебе давно не плачу,
Но это помнится до слёз:
Тот волжский плёс, песок и дача.
И сосен шум, и шум берёз.

Росою травы набухали,
И шишки падали в тиши.
Благоухая, колыхали
Речную заводь камыши.

И пароход гудел от боли,
Перекрывая гул берёз.
Всё то, что быть могло с тобою,
Он на борту своём увёз.

А я всё помню этот шорох,
И плеск заливистой волны,
И зелень глаз твоих весёлых,
Неотделимых от весны.

Раньше света вставала заря.
Занималась. (Привычное дело!)
В изголовье у неба горя,
Уходить до конца не хотела.

О печаль преходящего дня,
Я её от души понимаю.
Умирают, прощально звеня,
Подвенечные ландыши мая.

Как ни бейся и ни прекословь –
Шлёт судьба похоронку в конверте.
И клонится к закату любовь,
Как клонятся ко сну или смерти.

Поезд жизни застыл на путях.
Ночь безлюдная и ледяная.
Как земля о весенних дождях –
Я сейчас о тебе вспоминаю.

*В страну Мечты и Одиночества,
Где мы – Величества, Высочества...
М.Цветаева*

Ледяное царство одиночества,
Как строга твоя архитектура...
Прихожу сюда, когда захочется
Звездную послушать партитуру.

Королева замка поднебесного
Принимает всех в свою обитель.
Так прохладна ласка бестелесная.
Здесь никто не тронет, не обидит.

Вновь меня закужишь, одиночество!
В стиле ретро танец твой печальный.
Купола возвышенного зодчества
Излучают музыку молчанья.

Сердце – одинокий
Остров в океане.
От земли далекий,
Утонул в тумане.

Кто его заметит,
Кто его услышит?
И никто на свете
Писем не напишет.

Волны будут биться
До изнеможенья...
С кем-нибудь случится
Кораблекрушенье.

И кого-то чудом
Выбросит на берег...
В это так нетрудно
Каждому поверить.

Чайки там летают.
Морем пахнет остро.
Будет обитаем
Одинокий остров.

Ночь даёт обет молчанья
Всем, кто слушает её.
Месяц зорко и печально
В сердце смотрится моё.

Жизнь погасла на экране.
Телефонный спит звонок.
В этом мире каждый ранен,
Нелюбим и одинок.

Полуночное гаданье:
Карты листьев по воде...
Обещание страданья
И свиданья на звезде.

Зелье

Отведай мой – хвала Иисусу! –
Ночной коктейль (или чифирь?)
В него положены по вкусу
Луны лимон и звезд имбирь.

До самого явленья Феба
Тяни напиток тот в тиши
Из чаши драгоценной неба
Через соломинку души.

Испей – и не бывать обиде,
Беде... А сам виновник грёз
В глазах восторженно увидит
Полночный след луны и звезд.

Разноцветное счастье лоскутное,
Боль осколочная, минутная,
Дней жужжащее веретено
И души потайное дно –
Всё смонтируется в одно.
И, сама себе неизвестная,
Оболочка спадает телесная,
Скорлупа, кожура, чешуя...
Неприкрытая и ничья,
Вот тогда только я – это я.

Тайная музыка, голос души –
Всё так созвучно слилось, срифмовалось.
Звёздный мой час, подожди, не спеши!
Это последнее, что мне осталось.

Есть заповедный один уголок,
Тайный глухой островок во вселенной.
Там только неба ночного кусок,
Память и несколько строк сокровенных.

Внешне – как все, и работа, и быт,
Но огонёк запредельный искрится, –
Там, где так вольно дышать и любить,
Где, как в убежище, можно укрыться.

Там расцветают мечты, как цветы,
Рвутся, как птицы из клетки, наружу.
Там возвожу я дворцы и мосты,
Чтобы под утро самой их разрушить.

Я выхожу на полночный балкон,
Ворохи слов отпускаю на ветер.
Слышится эхо астральных веков.
Кажется, кто-то сейчас мне ответит...

Это волшебная сказка, игра.
Неба глоток мне пошлет исцеленье.
В свежести утра и в шелесте трав
Чудится Божье благословенье.

Только лишь в логове тайных миров
Можно душе отдышаться ночами.
Что б ни случилось – укроет покров,
Соткан из воздуха и из печали.

Весна началась не ростком, не цветком,
Не звоном ручьёв, переполнивших чашу,
А первым твоим телефонным звонком,
Как гром среди неба, во мне прозвучавшим.

Я радость свою отложу на потом,
Замедлю печали глоток родниковый.
А может быть, нам и закончить на том?
И больше ни вздоха, и больше ни слова...

Пью за всё, что в себе я убила
В зазеркалье несбывшихся дней.
Пью за всех, кого я не любила
И не встретила в жизни моей.

Как овал одиночества светел...
Пью и славлю его, возлюбя.
Я в твоём не нуждаюсь ответе.
Я беру всю любовь на себя.

О луна, моя высшая почесть,
Эталон золотого руна,
Воплощение всех одиночеств,
Я с тобою уже не одна.

Пусть не вспыхнет огонь из огнива,
И не высечь мне искр из кремня,
Но со мной эти жёлтые нивы,
И они согревают меня.

О любви и тоски поединок,
Луч зари, победивший во мгле!
Одиночество – это единство
Со всем сущим, что есть на земле.

Рождество

Утону в небесной нежности,
Позабыв, откуда шла,
Осененная безгрешностью
Белоснежного крыла.

Словно ангельские вестники,
Искры звездные летят.
Вьюга окна занавесила:
Спи, земля, мое дитя...

Чистота непоправимая
Непорочного листа.
Немота, переводимая
На живой язык Христа.

Птичий почерк иероглифом.
Воробей как ворожей.
Ставь, метель, свои автографы
На распахнутой душе!

Напиши там что-то нежное
О любви и о весне.
Город тихий и утешенный
Улыбается во сне.

Сказка длится, не кончается.
А поэмка за окном
Плачет, шепчется, печалится
Все о том же, об одном...

Утоли моя печали

Называется церквушка
«Утоли моя печали».
Кто-то скажет: «Это нужно»,
А иной пожмет плечами.

Я туда не заходила,
В эту милую церквушку.
Солнце храм позолотило,
Только самую верхушку.

В этот миг мне показалось,
Что там ангелы витали...
Пожалей меня хоть малость,
Утоли моя печали.

Люди шли и торопились,
Ничего не замечали.
Окажи мне эту милость,
Утоли моя печали.
Одиноко, беззащитно
Шпили куполов торчали.
Ах, не знаю я молитвы!
Утоли моя печали...
Я живу, не веря в Бога,
Но порой не сплю ночами.
Ты побудь со мной немного,
Утоли моя печали.

1993

В душе моей утешенной
Покой и тишина.
Там угол занавешенный,
Где я всегда одна.
Ночное это таинство
Ничей не видит взор.
Из слов и снов сплетается
Причудливый узор.
Как мина, сердце тикает,
Окутывает мгла...
Скажи мне что-то тихое
Для этого угла.

Хранили привычно
Молчанье глаза.
Всё было обычным,
Как сто лет назад.
Но, фразы все скомкав,
При свете огня
Ты вдруг как-то громко
Взглянул на меня.
С тех пор я печальна...
Всё снятся мне сны:
Аккорды молчанья,
Набат тишины...

21

Засыпаю я, засыпаю...
Как песком себя засыпаю.
Всё вокруг невесомо, зыбко.
Мир качается, словно зыбка.
До свиданья. Спокойной ночи.
Я сегодня устала очень.
Засыпаю я, засыпаю.
Душу в снах золотых купаю...

В душе есть озеро из сна,
Куда не прикоснулась скверна,
Где отстоялась глубина,
И в ней всё холодно и верно.
– Но как же быть тогда с людьми?
Ведь если быть всегда холодной,
Не будет счастья и любви,
И жизнь окажется бесплодной.
А если будешь не одна,
На страсть не налагая вето,
То замутится тишина...
Как совместить в себе всё это?
– Не надо это совмещать.
Два мира есть непримиримых.
И надо в каждом жить, прощать,
В себе души не укрощать –
По-разному, неповторимо.

На дно души спускаюсь я во сне.
Там русла рек моих существований.
Там смутный голос будет бредить мне
В божественной свободе и нирване.
Есть в сутках жизни заповедный час,
Когда иное видит глаз и сердце.
И в вечность, недоступную для нас,
С протяжным скрипом поддаётся дверца.
Там оживает прошлогодний снег,
Там конь крылатый напрягает жилы...
И всё, что ни приснится в этом сне,
Всей жизнью будет неопровержимо.

22

Во сне не лгут самой себе.
Бесстрашно растравляя ранку
Души, наперекор судьбе
Живёшь наотмашь, наизнанку.

И всё в тебе, что было тьмой,
Застыло, съёжилось, закисло –
Всё скажется себе самой
В обход и разума, и смысла.

Там только музыка и свет,
Там только облако и птица,
Там то, чего навеки нет,
Что может только мне присниться...

Памяти В.Козачи

Как сердце вздрогнуло и сжалось,
Когда ты в класс явился наш –
Учитель, практикант, Вожатый
И снов девичьих персонаж.

Я слов твоих не разумела,
Внимав, как музыке, в тоске,
И щёки заливало мелом,
Когда ты звал меня к доске.

Однажды, в переулке встретив,
Смешавшись с уличной толпой,
Я, позабыв про всё на свете,
Пошла тихонько за тобой.

Мы шли и шли, как будто вместе,
Бесшумный снег всё шёл и шёл,
И мне казалось, как невесте,
Он шёл к лицу, как белый шёлк.

Шли никуда из ниоткуда.
Огни мерцали вдалеке.
За нами шло неслышно чудо
Не с бритвой – с дудочкой в руке.

Снег опускался плавно-плавно,
И всё пьянило, как вино...
Тогда казалось это главным.
Как это было всё давно...

Всё тихо поглотило время.
Не состоялось randevу.
Ты жил и жил в стихотвореньях,
В воспоминаньях, сновиденьях,
Пока не умер наяву.

В поисках дождя

*Встретить Вас я должен был тогда,
В юности, по-блоковски туманной,
В час, когда, гонимый жаждой странной,
Я метался в поисках дождя.*

*Я Вас ждал, но Вы меня не знали,
Потому и не могли прийти, –
Угольки сгоревшей той печали
Вы б теперь сумели там найти.*

*Только разве интересно это –
Ту печаль угасищу искать,
Юнощу в мужчине узнать
Женщине в сиреновом берете?*

Н.Р.

Сто радостей назад и сто печалей
Брела и я, себя не находя.
Мне кажется, друг друга мы встречали,
Но не узнали в мареве дождя.

Та девушка в сиреновом берете
Была от Вас тогда невдалеке.
Мне хочется об этом Вам поведать
На медленном и нежном языке.

Где наши души – голые, босые,
Где тот сушивший губы летний зной?
А дождь прошёл – как все дожди косые,
Как мы проходим в жизни – стороной.

Дорог не разбирая, слёз не пряча,
Металась юность в поисках огней.
Судьба слепа, но души наши зрячи.
Я Вас узнала через толщу дней.

Мы в реку жизни входим лишь однажды,
Извечно в сердце что-то бередя.
Но Ваши строки утолили жажду
Необъяснимой свежестью дождя.

В этот раз природа промолчала,
Нужных слов для сердца не найдя.
Никакой надежды не звучало
В похоронной музыке дождя.

В облаках, безжизненных, как вата,
Как в душе, где пусто и темно –
Осени намёк холодноватый
На весну, что минула давно.

Опускаю веки, словно шторы –
Не хочу я видеть этот день
И речей, что выросли из сора,
Ощущать пустую дребедень.

Нам бы объяснить на наречьи –
Как там у поэта? – «Скрым-тым-ным...»
Наше междуречье. Междувстречье
Между этим светом и иным.

В памяти окно протаю снова:
Заструится поднебесный свет,
И увижу мальчика родного
В человеке неизвестных лет.

Так, бывает, в улице нездешней
Вдруг узнаешь прошлого черты,
Будто бы в далёкой жизни прежней
Здесь уже жила однажды ты.

Любовь без ответа. Вернее, ответ без вопроса
Застывшей зарницей на небе все длится и длится.
Душа под запретом. Туда не ворваться без спроса.
Заочные чувства, которым так нужно излиться.

Они не подвластны ни злым холодам, ни обману.
И, сколько ни трать – не дано их вовеки растратить.
Любовь – только повод к работе души неустанной,
А он многолик и, как эхо, – всегда многократен.

Снова не отогреться
Мне на костре зари.
Что-то стучится в сердце
И требует: отвори.

Как я их ни давила –
Снова плотину снесло,
Хлынула слов лавина
Из заповедных снов.

Сказанных неосторожно
В бреду или во хмелю...
Сплету я из них дорожку
И под ноги постелю.

Дорожку от сердца к сердцу –
Даром, что далеки.
Мы ведь единоверцы,
Однопланетники.

Поверх барьеров и наречий –
Не друг, не суженый, не муж –
Прошу тебя, назначь мне встречу
На перекрёстке наших душ.

Назначь мне встречу у аптеки,
Где улица, фонарь и дом,
В любом году, пространстве, веке,
На этом свете иль на том.

Среди дорог, ведущих к храму,
Иль на полях заветных книг,
Во сне, несбыточном и странном, –
Назначь мне встречу хоть на миг...

Прячу в сердца копилку, в тайник от людей
Всё, что дорого мне и до боли родимо.
Там цветут гладиолусы ласки твоей,
Поцелуев воздушных парят серафимы.
За окном так безвыходно серо, черно,
Всюду пятна фигур одинаковой масти.
Но внутри колосится золотое зерно –
Это чуточку даже похоже на счастье.

Я в тебе прорастаю всей памятью снов,
Всем ознобом и жаром несмелого тела.
Я хочу, чтобы ты догадался без слов
Обо всём, что поведать тебе не сумела.

Я не хочу припасть к твоей груди,
А в ней – пропасть, до дна разбередив.
Хочу пробиться к самой глубине
И там забыться с ней наедине.

Мне больно от касания руки.
Довольно мне ласкания строки.
Я так люблю, что лучше погублю,
Но никогда любви не пригублю.

Проникло вещество любви
И сладко плавилось в крови.
Неужто – думала – у всех так?
Любовь – единая из ста,
Стояла в воздухе, чиста,
Освобождённая от секса.

Был невещественен тот свет,
Но он светил десятки лет,
И оказался вечен след,
Как жизнь ни путала, ни била.
Любви весенней вещество...
Оно ушло – и нет его.
Но помнит ночи торжество,
Как я любила.

Это азбука без букв, музыка без нот.
Это сердца на бегу потайной бормот.
Это мостик из огней, ниточка и связь,
То, к чему в потоке дней не пристанет грязь.

Это песни естество, долгая педаль.
Это сердца твоего родственная даль.

Кто был слеп, а кто был зряч – узнаёшь к утру...
А душа душе – не врач, а тяжёлый труд.

Глаголов не люблю: они так грубы.
«Томлюсь», «пылаю», «мучаюсь», «хочу».
Как будто бы одни сплошные губы,
Что задувают тихую свечу.

Моя любовь легка и безглагольна,
Как летний одуванчик золотой.
Не потревожит звоном колокольным,
Не оскорбит невольной прямокой.

Но коль к тебе когда-нибудь, мой мальчик,
На помеле глагола прилечу –
Задуй меня, как этот одуванчик,
Как трепетно горящую свечу.

Моя любовь – неизданная строчка,
Строенье, что песочно и непрочно,
Безвучный выкрик, нота на бумаге,
Огонь без жара и слеза без влаги.

Одушевься, осуществись на деле,
Затепись свечкой, каплей солнца в теле.
Не соком клюквы – алой кровью брызги
Над этой сослагательной жизнью.

Вы где-то у самого сердца,
За тонкой телесной стеной.
Нельзя ни сгореть, ни согреться,
Лишь крылья растут за спиной.

Не знает ни слов, ни рыданья
Туманное облако сна.
И вечное длится свиданье,
И вечная снится весна.

Волшебный мёд таится в жизни сотах.
Сбирать, вбирать, покуда не умру...
Я только лишь вместилище чего-то,
Чему названья и не подберу.

В тайгу души я отправляюсь в ссылку,
В её глубины, недра, глухомань.
Любви моей предтеча, предпосылка
Проглянет сквозь мистический туман.

Сирень счастливо оживает в банке.
Луна нарядно обретает вид.
У изголовья тихо брезжит ангел.
Он где-то рядом, около любви.

По-польски дружба так: «пшиязнь».
На «пшик» похоже и «приятель».
Банальна вечная боязнь
Банальных слов, вещей, понятий.

Но лишь от них в душе свежо...
Я не ханжа – к чему лукавить,
Но то, что мучает и жжёт,
Пытаюсь в дружбу переплавить.
В себе так бережно ношу –
Не расплескать бы каплю света...
Я с Вами так давно дружу,
А Вы не знаете про это.

Пишу неизвестно зачем и кому,
Хоть адрес конкретный указан.
То, что просияло звездой сквозь тьму,
Зачем доверяю я фразам?
Звуча потаённо на все голоса,
Оно и без писем известно.
Как бабочки, ангелы и небеса –
Безадресно и повсеместно.

Пишу среди трезвого белого дня
При памяти и при рассудке.
Примите скорее избыток меня.
Смертельно – когда ещё сутки.
Не думайте: бес поселился в крови
Затем, что пишу по весне я.
Нет, это не объясненье в любви.
Скорее, в судьбе объясненье.
Простите, что я – в нарушение преград...
Писать – что врываться без стука.
Но Вы – мой вершинный заоблачный брат,
А это – единственной друга.
Давно не участвую в жизни своей,
Живу за какую-то гранью.
Но слышу, как ветер тугих скоростей
Стучится предутренней ранью.
Меня прибывает, как к берегу, к Вам
В любые года и погоду.
И я все стихии на свете отдам
За эту мою несвободу.
Я сердцем вросла в это русло в тиши,
В прокрустово ложе – без хруста...
Но что-то всё рвётся с пера и с души,
Избыток какого-то чувства.

Я – Кассандра, слепая провидица,
В колесе Вашем пятая спица.
Что за сны Вам сегодня привидятся?
Или, может быть, тоже не спится?

Как короной, луною увенчана
Полночь в звёздном своём покрывале.
И дрожит одиноким бубенчиком
Мой секрет, не разгаданный Вами.

Капель дождя свои диктует гаммы,
Их спинам крыш разучивать не лень.
Струится вслед за Вашими шагами
Тоски моей невидимая тень.

Любовь? Откуда. Вряд ли. Непохоже.
Нет ни причин, ни следствий, ни улики.
Но отчего вдруг холодок по коже
И лик луны так скорбен и велик?

Какое одиночество большое...
Какой роскошный из печали пир!
Струится вслед за Вашей душою
Души моей светящийся пунктир.

Ещё не явь... Ещё предсонье...
Не подымая грешных глаз,
Молюсь на Вашу колокольню,
Преувеличиваю Вас.

Ещё Вас нет в судьбе и в песне,
Но там, на подступах к мечте,
Между землёй и поднебесьем,
На зыбкой грани душ и тел...

Я грежу... Погружаюсь в царство...
Лазурна вязь из-под пера.
Какое, право, святотатство –
Любить с утра! (как пить с утра).

Ещё не явь... Но пуше, пуше,
Всё нарастая и слепя,
Взовьётся ввысь фонтан поющий
И вспаивающий сам себя.

И гордый разум мой немеет,
И блага блёклы и бедны
Пред тем, что вовсе не имеет
Значенья, смысла и цены.

Влечение, таинство, наитье,
Смешенье музыки и сна...
Но полно... Тс-с! Спокойно спите.
Вам ни к чему об этом знать.

Я не помню цвета Ваших глаз.
Помню голубой оттенок слова,
Тихий отзвук серебристых фраз,
Свет души сиренево-лиловый.
Чудится за ретушью ресниц
Некая прохладная астральность...
Я не помню милых черт и лиц –
Только звуко-образ и тональность.

Образ Ваш леплю я и малюю
На холсте души тайком, как тать.
Уходите – мысленно молю я,
Чтоб о Вас могла я помечтать.
Мне не надо приторного лета
С его жарким и липучим ртом.
Слаще тайна смутного рассвета –
Мятный поцелуй весны со льдом.

Моим стихом опять заговорила ночь.
Вот месяц воспарил, что как крыло у чайки.
Прислушайтесь ко мне. Молчать одной невмочь.
Лишь стих мой скажет Вам всю правду без утайки.
Мой тайный, мой чужой, роднее нет тебя!
Не верь дневным словам и закругленным фразам.
Любовь упразднена в системе бытия.
И уз не разорвать, и не совпасть по фазам.
Во сне мы видим то, что в жизни не дано.
Мой вымысел, мой сон, не дай мне Бог очнуться!
Волшебное кино, души двойное дно...
Не встретиться никак, но и не разминуться.

О сколь – забыть, проклясть, вернуться в мир людской –
Обеты я даю, не выдержав боренья, –
Одним ударом враз с надеждой и тоской
Расправиться! – увы, напрасны ухищренья.

Мой властелин, монарх, не знаю, как еще
Тебя именовать, чтоб было адекватно.
Ищи мою любовь. Теплее, горячо...
А если ты найдешь – то я не виновата.

...Не слушайте меня. И снова до утра
Ссылает стих меня на гауптвахту ночи.
Невольнице окна, тетради и пера,
Мне бредить и творить, и верить, и пророчить.

Я сделаюсь строга. Не ластюсь и не льщу.
А может, зря от Вас я нежность утаила?
Внутри своей беды блаженство отыщу,
И будет мне сиять созвездье Альтаира.

Прощайте, дорогой. Я затворю балкон.
Вы догадались, да? Я говорю не с Вами,
А с тем, кто сотворил и нравственный закон,
И звезды, что горят у нас над головами.

Вам хоть соври я, хоть умри я –
Не распознаете, увы,
Что всё лишь маска, мимикрия,
Самозащита от любви.

Нет, не наитье, не соитье
Моей владеют головой, –
Ищу убежища, укрытья
От этой боли вековой.

Прочитайте меня как строку между строк,
Как прозрачный намёк, молчаливый упрёк.
Как открытая книга – ладони у лба –
Нараспашку пред вами душа и судьба.
Незатейливый слог и нехитрый сюжет,
Ничего в ней такого особого нет.
Незаметен неброский её переплёт.
Я писала ту книгу всю жизнь напролёт.
Все слова ее немые, и строчки слепые.
Не вместить ей несжатого поля судьбы.
Лист дрожит на ветру, как пустое жнивье.

Ваши пальцы ещё не касались её.
Что там дальше? разлука? Счастливый конец?
Или выжженный пепел разбитых сердец?
Будет сказка банальной, классической грусть.
Пусть известно заранее всё наизусть,
Я пишу, не жалея страниц о любви,
Слов, нащёптанных Богом, забытых людьми,
Полных трепета леса и жара огня...
Прочитайте, поймите, простите меня!

Вы прозвучали мне нотой доверия,
И отворяю средь ночи и дня
Сердце своё нараспашку, как двери я.
Не покидайте Духом меня.

Всё понимаю, увы, с полуслова я –
Шёпот деревьев, воды и огня.
Старая песня сегодня как новая.
Не покидайте Духом меня.

Вальс-листопад, а за ним белый танец свой
Выдаст зима, пируэтом маня.
Мы никогда, никогда не расстанемся?
Не покидайте Духом меня.

Скажите мне слова, что мне – одной,
Что никому ещё не говорили.
Пусть будут они жалобной струной
Иль тишиной на шелковистых крыльях.

Пред ними даже музыка мертва,
Пред ними даже звёзды – в полнакала.
Скажите мне особые слова,
Которых я ни разу не слыхала.

От них доходит свет сквозь толщу лет.
От них и льды полярные тают.
Скажите мне слова, которых нет.
Мне очень их на свете не хватает.

О музыка, поэзия, нирвана!
В порывах ветра, сумерках, дожде...
Как обещание земли обетованной,
Которой нет и не было нигде.

Я вспомню всё, что не со мною было:
Как утро робко бредило во мгле,
Как, запрокинув голову, любила,
На цыпочках ходила по земле.

Я не прошу о нежности нездешней,
Я обращаюсь к Вашей высоте.
Ведь Вы – моя последняя надежда
На ту меня, которой нет нигде.

Внутри, на той свободе сна,
Где Вы мне ближе всех,
Парит, горит моя весна
И греет, словно мех.

В миру нас душат сушь и глушь,
Но есть иная высь,
И на приволье наших душ
Так весело пасть.

Резвясь беспечно и светло,
Не ведая крови,
Звеня бубенчиками слов
Привета и любви.

Не свысока, а с высоты,
Не ведав притяженья гнёта,
Люблю на Вы, а не на ты,
Люблю Вас с птичьего полёта.

На этом свете, как на том,
Иду не с Вами, а за Вами.
И осеняю, как крестом,
Вас белокрылыми словами.

В любую минуту – тихую, шумную –
О Вас я думаю.
Я Вас не достану рукой – звезду мою.
О Вас я думаю.
Когда ж со звезды долетит ко мне свет,
(Возможно, через миллионы лет),
И Вы обо мне захотите подумать –
То знайте, Вы думаете – в ответ.

Люблю Вас без слов и красивых фраз.
Люблю без себя и даже без Вас.
Люблю вот за эту мечту, маяту мою:
За то, что каждый свой божий час
О Вас я думаю.

Живу под гнётом Вашей немоты,
Под тяжестью глухого неответа.
Но и в обмолвках ненарочным «ты»
Лежит родства невидимая мета.
Не отвечайте – так ещё больней.
Я – дерево, что Вам шумит навстречу...
Вы – общий знаменатель дел и дней,
Вы – русло для моей безбрежной речи.
Вы – форма, пограничные тиски
Для бурной и безудержной стихии.
Вы – повод для печали и тоски,
Вы – то, из-за чего пишу стихи я.

Я непрестанно думаю о Вас
Под музыку Божественного гласа,
И трачу заповедные слова
Из неприкосновенного запаса.

Вот записи моих последних лет,
Как бюллетень, история болезни.
Всё тот же признак, тот же прежний след.
Лечение чем верней, тем бесполезней.

Пусть Ваше сердце взято под запрет,
И боль его не пробует на крепость,
И сон моими снами не согрет,
Пусть это слабость или даже слепость, –

Всем круглым одиночеством луны,
Всей высью Джомолунгмы и Синая,
Всей дрожью моря, криком тишины
Я обнимаю Вас и заклинаю:

Не променяйте первенства души
На чечевицу бытовой похлёбки,
Не промельчите то, чем дорожим,
На ум оглядки, мелочный и робкий.

Холодный май черёмухой пропах...
Я знаю, все бессонницы когда-то
Кончатся губами на губах
И очной ставкой душ и тел распятых.

Всё в мире изменяется, течёт,
Но неизменен путь высокий, Млечный.
Не принимайте же на личный счёт,
Что на другой направлено, на вечный.

Когда же мне придёт черёд не быть
И облаком лететь куда-то мимо,
Я и оттуда буду Вас любить
Любовью лютой и неутолимой.

Ах, не востребовал мой адресат
Облако нежности душевной.
Таёт ненужно оно в небесах,
Ждёт его замок воздушный.

Снова письмо голубое пошлю –
Эхо одно отзовется...
Я Вас по-прежнему жду и люблю.
Что мне ещё остаётся!

«Живем лишь дважды» – Вы оказали,
Как записали на скрижали.
И мне открылось: так бывает.
Две жизни каждый проживает.

Одну – земную и живую,
Другую – тайно-теневую.
И я вдвойне сейчас живу,
Как и во сне, и наяву.

То, что пребудет только снами –
Навеки остаётся с нами.
Мы задыхаемся от жажды
И в ту же Лету входим дважды.

Пять чувств, что миру не видны,
Обнажены, обострены.
Молчит вода под гладью льда,
Но ты живёшь, как никогда.

Две жизни... Разве это дело?
Одна – душе, другая – телу.
И обе мучают виной.
Две жизни – это ни одной.

Моток из несбывшихся снов и надежд
Распутая и размотаю.
И вот уже в облаке белых одежд
Над сумрачным миром взлетаю.

Взмываю, как голубь бумажный, легко,
Как к Господу Богу записка.
И то, что болело, – уже далеко.
А всё долгожданное – близко.

Весну мою уносит в просинь,
И лету наступил конец.
Но пусть уже не двадцать восемь –
Есть у меня в запасе осень,
Её и злато, и багрец.

Не веря тьме расхожих истин,
Смотрю на свет из-под руки:
Летят с небес сердечки листьев,
Их подвиг свят и бескорыстен,
Всем силлогизмам вопреки.

Я Вашу выдумала ласку,
Я Вам внимала не дыша.
Хоть знала: время смоем краску,
Но в эту песню, в эту сказку
Вцепилась намертво душа.

Я имя повторяла всуе,
Во сне витал крылатый дух...
И, воедино всё связуя,
Всё ждал свой звёздный час Везувий,
Но не дождался... и потух.

Судьба без страсти и без злости
Всё, что висит на волоске –
Разрушит, лучше сразу бросьте –
Все башни из слоновой кости,
Все наши замки на песке.

О нежность света, сладость мрака,
Тоска, сверлящая висок...
Схоронена на дне оврага
Под ворохом греха и праха
Любовь, ушедшая в песок.

У этой повести нехитрой
Сюжета нет. Всё между строк.
Но, может быть, сменив палитру,
Когда-нибудь, как в фильме – титры,
Судьба допишет эпилог.

Песня

Колокольный звон печалится.
Сердцу и хмельно, и больно.
Песня длится, на кончается –
Беспредметна, безглагольна.

Как луч света среди морока –
Эта малость, эта милость.
Почему-то сердцу дорого
Только то, что не случилось.

Вам откроет в утро раннее
Всё, о чём я промолчала,
Эта песня без названия,
Без конца и без начала.

Пусть когда-то в Лету канет всё,
Но куда сердцу биться –
Навсегда со мной останется
То, что с нами не случится.

Неграмотно, неопытно живу.
Не впрок уму укор из поднебесья.
Я руки простираю в синеву
И пробавляюсь вместо хлеба песней.

Душе сподручней в облаках витать,
А на земле – не важно, как придётся,
Ни думать не желая, ни гадать,
Во что мне эта роскошь обойдётся.

Над кровлей полнокровная луна
Омыла всё, что полночь очернила.
В душе моей покой и тишина.
Простите, что Вам нежность причинила

Прощайте навсегда романс

Ни слова, ни руки я не приемлю милость.
Смирять, как и встарь, волнение в крови.
Безропотно несу нежнейшую повинность
Прощаний и разлук, прощенья и любви.

Несу свой лёгкий крест, земной и невесомый.
Мужчина – это жест, а женщина – лишь вздох.
Пусть молчаливого он не услышит зова, –
Мне важно, чтоб меня услышал только Бог.

Молением небесам страданья не нарушу.
Мне освещает ночь любви моей звезда.
Целую голос Ваш. Целую Вашу душу.
Прощайте навсегда. Прощайте навсегда.

Любовь – всегда протянутые руки,
Хватающие воздух голубой.
К многостраничной хронике разлуки –
Бесплатным приложением – любовь.
Она совсем не малость и не милость,
Не в силах совладать сама с собой.
Любовь в моей судьбе не уместилась
И улетела в сумрак голубой.

Милый мой выдумщик Андерсен!
В чаще поёт соловей.
Там заблудилась без адреса
Сказка о жизни моей.

Девочка с нищенским личиком,
Так по теплу голодна,
Греться пытается спичками
И замерзает одна.

Где та волшебная палочка,
Что ворожила бы мне?
В море утонет русалочка,
Гибнет солдатик в огне.

Гадкий утёнок оплёванный...
Только однажды весной
Кто растопил заколдованный
Сердца комок ледяной?

Солнечный сказочник Андерсен!
Стало на сердце тепло.
«Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!»

Настанет Судный День Рождения,
И жизнь моя, пройдя свой круг,
В последний миг освобождения,
Как птица, вырвется из рук.

Стихом хмельным, сомнамбулическим
Я запишу свой крестный путь...
Любовь моя, твое Величество,
И там меня не позабудь!

Снова буду вилами писать по воде
И искать то, чего нету нигде –
Ветра в поле.
И любить – в воздух, в никуда,
Там, где одинокая ждёт звезда,
Там, на воле.

Чужая душа

На встречу с таинственным Некто
Опять всю тетрадь изведу.
Любви моей летопись – лепту
Ничтожную – в Лету вплету.

Опять полуночная пытка,
Души опустевший перрон...
Но прибыль растёт от убытка,
И радостью рдеет урон.

Вы не такой, как мечталось – не лучше, не хуже –
Просто иной.
Мне показалось, что стало чуть-чуть расстояние уже
Между Вами и мной.

Кажется, скоро оно и совсем растает,
И до руки
Чтоб дотянуться, лишь шага всего не хватает
Или строки.

С утра в моё жилище
Газеты волоку.
Глаза привычно ищут
Знакомую строку.

Храню в душе цитаты,
Как тайное родство, –
Подписчица, читатель,
Не более того.

Перо – роскошней пира
Не видел свет ещё!
Вы – достоянье мира,
А стало быть, ничьё.

Но там, в подспудных мыслях
И в неподсудном сне,
В каком-то высшем смысле
Принадлежите мне.

Вот гудок... ещё гудок...
И сейчас я буду с Вами.
Пью целебный холодок
Пересохшими губами.

Словно путник у реки,
Умирающий от жажды,
Несмотря и вопреки,
Забредаю в реку дважды.

Мир на кончике пера...
Мне ведь многого не надо.
Я согреюсь у костра
За девятым кругом ада.

Вы укрылись за межой,
Где заснеженные зимы,
С неразбуженной душой,
Саркастический, чужой,
Фантастически любимый.

Я Вам записывала музыку
И бардов слушала в тиши.
Не с плёночной дорожки узенькой –
Снимала копию с души.

Слова простые, откровенные
Вам говорили о любви.
Казалась комната вселенною,
И воздух плавился в крови.

Магнитною дорожкой узкою
От сердца к сердцу шла стезя.
И за меня прощала музыка
Всё то, чего прощать нельзя.

И мне казалось – радость полнится,
Переливаясь через край.
И мне мечталось – всё исполнится,
И на земле наступит рай.
О музыка, играй, играй!

И опять телефонная трубка в руке
И зовут позывные гудка.
Словно ночью плыву наугад по реке
На обманчивый свет огонька.

Где на ощупь Ваш голос и Ваша рука –
Может, выплыву, не утону?
Но нахлынет волной ледяная тоска
И, как камень, потянет ко дну.

Под сенью Вашего портрета
Стояла не дыша.
Вы там похожи на поэта.
Я видела, какого цвета
Была у Вас душа.

Когда скажу, что ни строки
Не напишу до смерти –
То всяким клятвам вопреки
Вы этому не верьте.

Меж нами баррикады лет,
Но коль по бездорожью
Не побегу за Вами вслед –
То это будет ложью.

Ну как Вы живёте, отшельник и маг?
Ваш путь независим и строг.
Я сердце своё, как растрёпаный мак,
Запрячу средь зелени строк.

Пусть щурится око и хмурится бровь,
И яро черкает перо.
Но не редактируется любовь!
Хоть это смешно и старо.

Как дань, как оброк, эти ворохи строк
Ложатся Вам день ото дня.
Готова принять я суровый урок.
Судите, казните меня!

Ну как Вам живётся средь пыльных бумаг,
Мой критик, судья, господин?
У ног Ваших сердце, как огненный мак.
А значит, и Вы не один.

Я не расслышала, что Вы сказали –
Не повторяйте, молю.
Чудится эхом в пустующем зале
То, что хочу и люблю.

Не повторяйте мне истину снова,
Пусть лучше я обманусь.
Пусть мне домнится, доснится то слово,
Пусть никогда не проснусь!

Что Вы сказали?.. Но это не важно.
Истина – яд или лёд.
Пусть лучше ветер и дождик доскажет
И соловей допоёт.

Я ловлю последний отблеск мая –
Ключевой глоток.
Вашей речи кожей ощущаю
Мятный холодок.

Солнца луч, рассеянный и робкий,
Прячется в ветвях.
Всё, что снилось – вспомнится и вздрогнет,
Затрепещет вьявь.

Дрожь рассвета, щебетанье птицы
Слышу не дыша.
И опять как чистая страница –
Старая душа.

Лето – это знойно, откровенно,
Щедро напоказ.
Слишком это всё обыкновенно.
Лето не для нас.

Мне не надо приторного счастья,
Уходите в сны.
Буду ждать, как тайного причастья,
Будущей весны.

Моя любовь тщетна, тшедушна.
Ей не даны на Вас права.
Я шлю Вам поцелуй воздушный,
Как шарик детства и родства.

Даю лишь руку Вам несмело,
Ответной чувствуя тепло.
К душе прислушивалось тело:
Там что-то таяло и пело.
Светало. Но не рассвело.

Сердца деревьев устилают землю,
Собою укрывая тротуар.
Никто не замечает, не приемлет
Их щедрый невостребованный дар.

Они хрустят под нашими ногами.
Сгребает дворник их в ненужный ком.
И рыжее безжалостное пламя
Их слижет равнодушным языком.

Вот так и Вы отклоните, зевая,
Стихов моих пылающий угар.
Кому сейчас нужна душа живая?
Пустячный, нерентабельный товар.

Даже в летучем несбыточном сне
Не захотите присниться.
Смотрит бесстрастная – не по весне –
Неба пустая глазница.

Снова судьба предлагает клише.
Прочь, сатана, изыди!
Я занавешу угол в душе,
Чтобы никто не увидел.

За тридевять земель живу от сказки
Про принцев и Емель.
От Вашего тепла, от Вашей ласки
За тридевять земель.

Не тронутые Вашими руками,
Безмолвны и тихи,
Грустят, так и не ставшие грехами,
Греховные стихи.

Полюбите меня, пощадите...
Бьюсь устало в окно судьбы.
Словно бабочка, что, не видя, –
На огонь смертной надобы.

Крылья хрупкие. Сердце слабо.
Я не бабочка. Просто баба.

От сиреневой страсти обуглясь,
Я разбилась на части об угол
Ваших губ – несгибаемой складкой...
Я останусь кричащей заплаткой
Вашей жизни, случайной закладкой.
Но мне это не горько, а сладко.

Так кто же Вы? Любимый враг?
Иль друг нелюбящий, но милый?
Антихриста нечистый зрак
Иль облик ангела унылый?

И как мне быть? Или не быть?
Что ложно здесь? Что непреложно?
Мне невозможно Вас любить.
И не любить Вас невозможно.

Люблю, как в первый день творенья,
Сквозь безъязычья птичий гам.
И бедное стихотворенье
Несу к бесчувственным ногам.

Обрывки нежности неловкой,
Осколки Спаса на крови.
Мир держится на недомолвках,
На ниточке моей любви.

Простите этих строк юродство,
О них споткнёшься, как о пни.
Я прячу в них своё сиротство.
Мне в Вашей холодно тени.

Пренебрегаемая Вами,
Я остаюсь на берегу.
Но то, что было за словами
И между строчек – сберегу.

Быть нам вечно порознь.
Так судил нам Бог.
Спохватилась поздно я,
Сердце сжав в комок.

Рюмка водки с тоником,
Лекции, режим...
Сделайте хоть что-нибудь,
Чтобы стать чужим.

Не нужен муляж из тепла и участия.
Согреться нельзя у чужого огня.
Несбыточный друг, незакатное счастье,
Спасибо, что мне подарили меня.

Растает мираж превращений чудесных,
Но хочется верить всему вопреки:
Когда захлестнёт меня звёздная бездна –
Схвачусь за соломинку Вашей руки.

Ах, оставьте шаблоны речей
Для случайных подруг и знакомых.
Вот от сердца Вам связка ключей –
Заходите, живите, как дома.

Пусть для нас не поют соловьи.
Никакого надрыва – обрыдло!
Постучите. Скажите: «свои».
Здесь для Вас все навеки открыто.

Последние взгляды лета
Ловлю влюблённо.
Сыграет мне флейта леса
Ноктюрн зелёный.

Пока ещё холод редок,
Но блёкнут краски...
Скажите же напоследок
Хоть слово ласки.

Вы не вписались в круг моей любви.
Вас обошли её крутые рифы.
Мой теневой наперсник, визави,
Из наших судеб не сложилось рифмы.

Подобье дружбы, нежности намёк,
Надежды капля, пылкости пылинка –
И вот уже мерцает огонёк,
Неверный и дрожащий, как былинка.

Вы где-то там, за скобками судьбы
Остались, между строчек, между прочим.
Моя частица, став частицей «бы»,
Отъединенность вечную пророчит.

В потёмки душ не проникает взор,
Но тщетно силюсь с жадностью взглянуться –
Хоть щёлочку, хоть крохотный зазор,
Где холодно чужое бьётся сердце.

Душе не перелиться в душу
Свободно, словно рекам в реку,
И, как ни бейся, не нарушить
Мне герметичность человека.

И не суметь – исповедально,
И не увидеть – запредельно...
Всё это, право, так печально.
Хотя, конечно, не смертельно.

Каждое слово – словно в перчатках.
Как это злит!
Чтоб не оставить следа, отпечатка
Или улики?

Что не досказано – после доснится
Ночью одной.
Пленною птицей сердце томится
В клетке грудной.

Не растопить мне глаз этих льдинки –
Мало тепла.
В этом немом и слепом поединке
Ваша взяла!

Не убиваю то, что в зачатке,
И не браню.
Я умоляю: снимите перчатки,
Маску, броню!

Приотворите чуточку дверцу
В таинства храм.
Дайте увидеть голое сердце –
Есть ли я там?

Вы опечалили меня.
И слова острая перчинка
Проникла в кровь, охолоняя,
Оставшись горькою начинкой.

О, ничего. Мне не впервой
Глотать целебную пилюлю.
Но лучше б – в бездну головой,
Но лучше б – рану или пулю!

Я Вам пишу. Блажу, брожу,
Дрожу от предвкушенья слова.
И всепрощающе гляжу,
Удела не ища иного.

Никогда не была я с Вами
На короткой ноге.
Начинённая лишь словами,
Ухожу належке.

Никогда не подам я виду,
Буду кроткой вполне,
Принимая от Вас обиды
На короткой волне.

Вы смотрите глазами нелюбви.
А мне казалось, до неё так близко...
Не вызовут волнения в крови
Ни зов звонка, ни взгляды, ни записка.

Пустой рассвет на сердце упадёт,
Сожмётся мир шагреневою кожей.
Я знаю, всё когда-нибудь пройдёт.
И всё-таки не верю в это, Боже!

Прошу к столу. Вот кофе, вот буше.
А вот шашлык. Довольно мы постились.
А впрочем, хватит. Вы в моей душе,
Мне кажется, довольно загостились.

Я обману страдания свои,
Не сердцу, а уму их предназнача.
И пусть хоть разорвутся соловьи,
Которые для Вас ничто не значат!

Обезвреживаю Вас.
Каждый шаг и каждый час.
Обезвреживаю мины
Ваших глаз и Ваших фраз,
Чтобы мимо, чтобы мимо,
А не в сердце, как сейчас.

Я сама не своя, и не Ваша.
В чихлом воздухе веет тоской.
Чёрной охрою вечер окрашен,
И надежды уже никакой.

Жизнь банальна. Белок да клетчатка.
Ничего не хочу и не жду.
Небесам я бросаю перчатку
И земле объявляю вражду.

На мой немотный нищенский вопрос –
Ваш неотчет, мечту перечеркнувший.
И строки – словно руки, что вразброс
Летели – обескрылились ненужно.

Рисунок этой боли мне знаком.
Как звёздный бисер – пот на теле ночи.
Застрял в гортани неба лунный ком,
Глотай, давьсь рыданьем, что есть мочи.

Всевидающий, ты глух и слеп, как крот!
Душа перечит разуму устало.
Надежда врёт, кривя улыбкой рот.
И мир-игрок, не веря, что банкрот,
Прощается со мною у вокзала.

Ошалев от любви и обиды*,
Я пишу по горячим следам.
Не подам ни руки Вам, ни виду,
Ни надежды я Вам не подам.

Лишь одно я скажу напоследок,
Отрясая Ваш прах с моих ног:
Этот стих – словно памятный слепок,
Маска смерти с любви, эпилог.

Это слабость была или прихоть –
Не заманит вовек западня.
Я о Вас и не вспомню! Но Вы хоть
Иногда поминайте хоть лихом,
Хоть на миг вспоминайте меня.

Моим посланьям тёплых гнёзд
Не свить у Вас в душе.
Зане дарю пригоршню слёз
И звёзд в Большом Ковше.

Оттуда смотрят сотни глаз,
И мы для них – кино.
Есть что-то, к счастью, выше нас,
И греет нас оно.

Не прошу я милости у Бога,
Не молюсь на глупую звезду.
И от Вас хочу я так немного,
А точнее – ничего не жду.

Жду, когда закончится брожение
И кружение в шарике земном.
Ослабеет Ваше притяжение,
И взмахну свободно я крылом.

* Это стихотворение звучало по радио России в передаче «Истории любви».

Полые дни, пустотелые ночи,
Бедные бури в стакане воды.
Лета течёт и стихами бормочет,
И размывает Ваши следы.

Цвет облаков на чернила помножу
И ароматом беды окроплю.
Ведомо травам, как они схожи –
Запах отравы и слова «люблю».

Где-то во сне затерялся Ваш облик.
Стиснули зубы полярные льды.
Алый корабль с парусами потоплен
Жалкою бурей в стакане воды.

День никакой (декабря? марта?)
Мертвенный свет (ночника? фонаря?)

Кто-то коснулся (рукою? душой?)
Рядом проснулся (любимый? чужой?)

Манит златое (перо ли? руно?)
Мне всё равно, всё равно, всё равно.

Мой балкон, моя утлая лодочка, чёлн.
Гонит ветер зеленые волны.
Я плыву среди гребней раскидистых крон.
Мне легко, одиноко и вольно.

Сброшен наземь балласт – драгоценный товар,
Никому не пригодный доселе.
Я плыву, как в ковчеге – единая тварь,
Не надеясь уже на спасенье.

Дождинки ударялись оземь,
Всё заштриховывая вкось.
Со мной осталась только осень,
Как плач о том, что не сбылось.

Уже не ждём, уже не просим,
И боль не так уже остра.
Ну что ты, я не плачу вовсе.
То осень, дым её костра.

Как был хорош он, зряшный мир вчерашний!
Как в вечность распахнувшаяся дверь.
Казалось, ничего уже не страшно.
Или напротив – страшно всё теперь.

Мне помнится: то зелено, то вьюжно,
Тяжёлых звезд рассыпано драже...
Всё было так прекрасно, так ненужно,
Как никогда не будет мне уже.

Прощаю мира суетную бренность.
Прощаюсь с вещей музыкой дождя.
Как нищему, Вам подаю на бедность
Свою любовь, навеки уходя.

Прощаю все потери и напасти.
Прощаю этот сумрак голубой.
И кажется, я сотворю счастье
Из тьмы всего, что составляет боль.

Я привыкла к зиме и весны не ждала.
Я жила кое-как, ни о чём не печалась.
По утрам на работу привычно брела,
В одиночество, словно в пальто, облачаясь.

А потом умирающий день фонари
Похоронной процессией в ночь провожали.
И не ты, а лишь сон был со мной до зари,
Заносимый на тайные сердца скрижали.

Так брела через годы, сквозь хмарь или хмель,
И к груди прижимала случайного друга.
То, что дарит легко завиральный апрель, –
После вьюга отнимет, и минет, как вьюга.

И не кажется белым тебе белый свет...
Каждый день неизбежно кончается ночью.
Но ещё беспощадней приходит рассвет,
Меж тобою и совестью – ставкою очной.

Ты уже не сорвёшься, как прежде, с крючка,
В зазеркалье стихов или книг убегая.
И огромное солнце, как глаз без зрачка,
В твою душу глядит и глядит, не мигая.

Лицо, обглоданное страстью.
Трава волос. Овраги глаз.
Избавь меня от сей напасти,
Минуй меня на этот раз!

Я буду жить светло и ровно,
С пути прямого не собьюсь.
Я схоронюсь в углу укромном,
В каморку, щелочку забьюсь!

Когда-нибудь меня отпустит.
Я опустею от тебя,
От теплых слез и темной грусти,
И буду жить копя, скрипя.

Я бесплодием сердца Бога гневлю –
Вот уж месяц, как я никого не люблю.

И живу я в тиши, и дышу не спеша.
За семью за печатями дремлет душа.

Там, где лгали волшебные дали вчера,
Прохожу одиноко, надменно-мудра.

Так ясна и спокойна озёрная гладь.
Я учусь у неё не дрожать, не пылать.

Мир осенним дождем, как слезами, залит.
Вот уж месяц, как сердце во мне не болит.

С неба хлопьями звёзд опадают стихи...
Ты прости мне, о Боже, все эти грехи –
Что бессилье терплю, что обиды коплю,
Что бескрыло живу – никого не люблю...

Любовь начинается с Красной строки,
С неясного слова, с горячей руки,
С дрожащего сердца, с мерцающих слёз,
С луны, затерявшейся в крошечке звёзд.

Любовь продолжается, как запятой,
Прерывистой речью, тропинкой витой,
Манящей в глубины дурманящих рощ,
Зигзагами молний, пронзающих дождь.

Любовь оборвётся, меняясь в лице,
Свинцовою точкой, как пулей в конце.

Как с забытых вымерших галактик,
Из небытия всплывают дни.
И опять иду я, как лунатик,
На твои болотные огни.

Снова незапятнанны одежды,
Всё подвластно почте и мечте.
Гаснут звёзды – маяки надежды.
Только сердце светит в темноте.

Без пяти минут любовь.
Не хватает малости:
Радости, чтоб грела кровь,
Ласковости, жалости.

Как бенгальские огни,
Искрами манящие, –
Пусть красивые они,
Но ненастоящие...

С полувзгляда, с полуслова
В чуждом близость угадать.
Снова веровать готова
И последнее отдать.

Приснопамятная встреча,
Полусказка, полусон...
Наши взгляды, наши речи –
Словно песня в унисон.

Но полярное сиянье
Обожжет одну в тиши –
Обманувшее слиянье
Полувстреченной души.

Вечный зазор, не пускающий в грудь.
Словно забор, преграждающий путь.
Словно одежда, что хочется снять,
Чтоб не мешала друг друга обнять.

Словно пейзаж, отделённый стеклом.
Тянутся руки, но снова – облом.
Жизнь, разделённая вечной межой:
Близкий – и дальний, родной – и чужой.

На висках не затихнуть пальцам,
Робость нежностью заглушив...
Не пробиться под твёрдый панцирь
Иностранной родной души.

Словно месяца однобокость,
Видит око, да зуб неймёт.
Одинакова одинокость
Душ, деревьев, ночных комет.

И любви, что стучит напрасно,
Освещает замёрзший след,
Несмотря ни на что – прекрасный,
Запрещающий красный свет.

Как хорошо с тобой в стихах,
А в жизни – всё иначе.
Сижу над грудой бумаг
И плачу, плачу, плачу...

Крепка ль связующая нить? –
Нанижу все потери...
Как просто счастье сочинить,
Самой в него поверить.

На парусах из кумача
Я так плыла отважно.
Не разглядела сгоряча –
Кораблик-то бумажный.

Забывтый плёс. Застывший лес.
Не верится, что было лето.
Опять повеяло с небес
Порывом сердца несогретым.

Непроницаемый покров.
Хоть ручкой проколи бумагу –
Не заменить чернилам кровь,
Её живительную влагу.

И, целомудренно-мудры,
В полярном отрешеньи круга
Бездомные парят миры,
Не обретенные друг другом.

Набираю этот номер снова
Через годы, города и веси.
Я хочу сказать тебе лишь слово,
Что все фразы сразу перевесит.

Знаю, под луной ничто не ново.
Истина порой бывает ложной.
Я скажу тебе одно лишь слово:
«Невозможно».

Незаконнорожденное слово
Ненароком вырвалось наружу.
Не суди за то меня сурово.
Я его опять запрячу в душу.

И, не помышляя о награде,
Обучаюсь этому искусству:
Гладко затушёвывать в тетради
Незаконнорожденное чувство.

На задворках души, где потёмки,
И куда не заглянет заря,
Догорают осколки, обломки,
Фосфорическим блеском горя.

Меня ранит предутренний холод,
Небо сырости и янтаря.
И, как сердце, на части расколот
Мир, куда не заглянет заря.

Пью вино ледяное твоей нелюбви.
Улетает надежда со скоростью света.
Невидимка, пришелец, немой визави...
Говорю в микрофон, но не слышу ответа.

Эта тайна в себе ничего не таит.
Только рано ещё устанавливать точку.
Столько дела душе впереди предстоит:
И вздыхать по весне, и любить в одиночку...

Я не буду тебе говорить, что люблю.
В небеса отпускаю крылатую малость.
Пью вино и хмелею. И Бога молю,
Чтоб хоть что-то на дне этой чаши осталось.

Не убивай меня – шепчу из сказки.
Я пригожусь тебе, как серый волк.
Пусть все принцессы будут строить глазки,
Пусть в яствах царских ласк узнаешь толк,
Пусть Бог тебя хранит и любит плотски,
Своих даров швыряя дребедень,
Но чёрный хлеб моей любви сиротской
Я сберегу тебе на чёрный день.

Не достигнутый биотоками,
Мной не встреченный в час земной –
По-высокому, по-глубокому,
Человечески будь со мной.

Голова уже не закружится,
Жизнь – вот ужас-то! – позади...
Не по-мужески, а по-дружески,
Просто так со мной посиди.

Вот слова мои откровенные.
Вот душа моя – на, возьми.
Это самое драгоценное,
Что бывает между людьми.

Земля – наш дом, который Бог покинул.
Забыло небо цвет свой неземной.
Который год, который век уж минул,
А всё никак не встретиться с весной.

Душа – потёмки, как письмо в конверте,
Которое не следует читать.
Любовь не стоит слов. Не стоит смерти.
Страшнее кары эта благодать.

Я говорю, как дерево листвою,
Доверив горло ветру и листу.
О неба нищета над головою!
Вся жизнь тщета, как выкрик в пустоту!

Ужель судьба, душою кровотока,
Среди чумы творить свои пиры,
И нежность тем давать, кто взять не хочет,
И тем дарить, кто оттолкнёт дары?

Чучело

Среди подшивок с желтизной,
Что я листала невнимательно,
Я не могу забыть одной
Истории душещипательной.

Как краеведческий музей
В селе – за неимением лучшего –
В зал выставил – ходи, глазей! –
Фазанье (мужеское) чучело.

Но залетела в то село
Вдруг одинокая фазаниха
И стала биться о отекло...
В музее наступила паника.

Она разбила когти в кровь,
Стремясь прорваться в зданье душное,
Чтобы отдать свою любовь
Возлюбленному равнодушному.

Застыли крылья на стекле.
От жажды вздрагивало горлышко...
Но на мужском его челе
В ответ не дрогнуло ни перышка.

Не в силах это перенести,
Она упала там, у здания.
...О женщины! Во всех нас есть
Частичка глупого, фазаньего.

Преданье памяти хранит
Лицо, что так когда-то мучило.
Как билась о его гранит...
А это было просто чучело.

Оставайся дальше невлюблённым,
Не сгоревшим на огне дотла.
Оставайся неодошевлённым,
Не узнавшим моего тепла.

Неба не увидевшим в алмазах,
Тайны не изведавшим греха,
Богом не целованным ни разу,
Не воспетым музыкой стиха.

Дай тебе не знать сего мытарства
И коня за царство обрести.
Чтобы – ни трагедии, ни фарса –
Чао, мальчик. Бог тебя прости.

Будешь жить без нимба и без трона,
Без урона своему уму.
Голова важнее, чем корона.
Оставайся, я тебя не трону.
Но зачем живёшь ты – не пойму.

Любовь, отбой! Долой порфиры.
Проигран твой последний бой.
И тот, кто был дороже мира –
Неотличимый, как любой.

Стихи – как надписи на плитах
О тех, кто жил и был любим,
Как поминальная молитва
По душам всех, о ком скорбим.

Забывтый призрак воскрешая,
Они пунктиром метят путь,
В цветы метафор обряжая
И обнажая плоть и суть.

Ещё зарубка, как нашивка.
Я боль уламываю, длю.
А если это и ошибка –
Её, как истину, люблю.

Пускай ослепну на свету я,
Пока пряду надежды нить, –
Любовь, как книгу золотую,
Как музыку, не объяснить.

Утро – самый нежный час,
Обморок зари.
Не наступит он для нас,
Хоть теперь умри.

Мой недолгий гость души,
Оторопь судьбы.
Звук шагов замолк в тиши,
Замело следы.

Это день моей тоски.
Тиканье часов.
Но сквозь сжатые виски –
Эхо голосов.

Словно в теплый мех уткнусь –
В твой веселый смех.
А потом одна проснусь –
И увижу смерть.

Это было так давно...
Пробирает дрожь.
И стучит в мое окно
Только снег да дождь.

Я ишу магическое слово,
Что тебя могло бы разбудить.
Словно гамму, повторяю снова,
Всё пряду невидимую нить.

Повторяю, точно дождь по крыше,
Лепетную летопись любви.
Знаю, будет голос не услышан
Ни тобой, ни Богом, ни людьми.

Так во сне кричим мы что есть мочи –
Но никто не слышит этот ор.
Дождь стихи какие-то бормочет,
Напевая мне их в ре-минор.

Между адом – раем выбираем,
Обхватив пылающие лбы.
Чёрный ангел крылья простирает
Над клавиатурою судьбы.

Баллада о мёртвой любви

Откуда ты? Ты разве жив ещё?
Ещё ты дышишь, ходишь, существуешь?
Из зарослей, из памяти трущоб –
Я думала, умершую – живую! –

Ты выгацил. Я снова – как тогда...
За гранью лет, веков, родимой речи...
И время, словно тёмная вода,
Несёт, несёт меня к тебе навстречу.
Неужто это мы с тобой вдвоём,
И прошлое стрелою не пронзает?
И то, что мы любить перестаём,
С лица земли, как сон, не исчезает?
Слова слабели и теряли вес,
Утрачивая магию былую.
И таял жар, покуда не исчез,
Не сбывшихся меж нами поцелуев.
Легка любовь без завтрашнего дня.
Легка душа, когда она пустая,
Как нежить неба, ласкою маня,
Где звёзды хладнокровные блистают.
То был мгновенный обморок любви.
Затмение, припадок вдохновенья...
А впрочем, как угодно назови.
Вся нежность мира – в том прикосновенье.
Судьба, как леший, по лесу кружит.
Она всегда ведёт игру без правил!
Великий Зодчий спутал чертежи
И по ошибке миражи представил.
Рискуя раскроить сердца и лбы,
Рождались мы мучительно друг в друге.
Античное отчаянье судьбы
Кричало и заламывало руки.
О утро, как ты можешь наставить?!
Ведь ты бесследно канешь в чёрной пасти.
Нам остаётся лишь существовать
И никогда не говорить о счастье.
Давно погасли звёзды фонарей,
И дождь рассвета смысл воспоминанья.
О время, будь, пожалуйста, добрей,
Не дай всему рассеяться в тумане!
Прошу, судьба, душе не прекословь!
Взгляни: рассвет во тьме зарю купает.
И заживо убитая любовь,
Как жизнь, как кровь, наружу проступает.

А всплеск твоих глаз всё мне голову кружит,
Хотя я давно и вполне
Уже разгадала унылую душу,
Дремавшую в их глубине.
Но видится памятью, сердцем согретой,
Что в первый увиделось раз.
И снова, как будто навстречу рассвету,
Бегу я на свет твоих глаз.

У тебя – нерастрата, у меня – недостача.
Я плачу по счетам. Всё плачу я и плачу.
У одних замуровано сердце в копилке,
У других разворовано всё до крупинки.
Что больше? Страшнее? не знаю, не знаю...
Но душа – она тоже живая, мясная.
Даже если парите над облаками –
Я прошу: не берите за крылья руками.
Своих судеб рифмуя нескладный подстрочник,
Я молю: не сломайте душе позвоночник.

Ну можно ль по душе – пешком,
Не снявши башмаков?
Душа теперь уже с душком,
Черна от синяков.

Была нетронута чиста,
Как горные снега.
Теперь на белизне листа
Следы от сапога.

В обитель тихой старины,
Зализывая кровь,
Душа уходит из страны
По имени «Любовь».

Пока ещё не проклята,
Пока ещё не продана,
Любовь держите впроголодь,
От сытости помрёт она.

Пока она голодная –
Бесплотная, воздушная.
Накормишь – станет плотною,
Тяжёлой, равнодушною.

Не полетит по-прежнему
Заоблачными руслами.
Не оттого, что грешная,
А оттого, что грузная.

Надену старый свитер чёрный,
До самых глаз надвину ворот,
Чтобы о том, что в сердце сорно,
Черно, угарно и минорно,
Вовек не догадался ворог.

Который был когда-то дорог.

Это были не мы, это были не мы...
Столкновение случайное, сшибка.
Роковая ошибка безумной зимы.
Ты – моя роковая ошибка.

Наша встреча таила предвестье конца,
И об лёд сердце рыбою билось.
Ты ушёл – как улыбка скатилась с лица.
Словно солнце навек закатилось.

Свидетели были у нашей разлуки:
Луна и её поднебесные слуги,
Ночной переулочек, безлюден и мглист,
И с дерева рвавшийся в прошлое лист.

Ничто не запомнило мёртвое место.
Теперь тут другие жених и невеста.
И вывески те же, и тот же фонарь,
Но нету там нас – не ищи и не шарь.

Никто не виновен. Судьба виновата.
Так вечер кончается ночью когда-то.
Однажды ладоням приходится вдруг
Разжаться и выпустить счастье из рук.

Ночи чёрный крепдешин
В дырах звёзд.
Тонкий плащ моей души
Сыр от слёз.

Я дрожу в руках дождя
У окна.
В этом мире нет тебя.
Я одна.

Ночи чёрный крепдешин
В дырах звёзд.
Кто-то стёр любовь с души,
Как нарост.

Без задоринки она
И сучка.
Пустота глядит одна
Из зрачка.

Лишь недавно всё плыло и лучилось,
А теперь опять свелось всё к нулю.
Что случилось? Ничего не случилось.
Просто я тебя уже не люблю.

Я пишу это письмо с наслаждением.
Возвращаю на тебя все права.
Это было помрачение, виденье.
Голова моя отныне трезва.

Покажу судьбе всевидящей кукиш.
Выхожу я из игры без потерь.
И при мысли, что кого-то полюбишь –
Я бы только улыбнулась теперь.

Взошло светило, сжалившись над рощей,
Всё осветив прожектором судьбы.
И в щупальца лучей, как куры в оцип,
Попались мы и сдались без борьбы.

Пред этим светом наивысшей пробы
Предстало всё фальшивым, как в кино.
Мы лишь подобья жалкие, надгробья
Над тем живым, что умерло давно.

Все, от чего морщилась –
Принять.
Что в душе топорщилось –
Примять.

То, на что надеялась –
Забить.
А чему затеялось –
Не быть.

Вместо златокрылых
Слов любви
Бормотать уныло:
«Се ля ви».

Новое русло моей души.
Я от прежней себя в бегах.
Здесь в тиши поют камыши.
Так хорошо в его берегах.

Только серым крадётся волчком
Страх: дознаются, обвинят...
Как спартанец, живу молчком
С целым выводком лисенят.

Звёзд горящий уголёк
Чертит путь ко мне.
Как безумный мотылёк,
Ты летишь на огонёк,
Что в моём окне.

Бьёшься слепо о каркас,
Что тепло дарит.
Слышу с неба Божий глас.
И не знаю, кто из нас
Раньше обгорит.

Гроздь грёз, словно майских гроз...
Не нуждается сердце в роздыхе.
Незадавшийся мой вопрос
Словно радуга, виснет в воздухе.

Не понять мне никак умом,
Что искала в тебе упорно так?
Почему я к тебе письмом,
Как лицом на восход, повернута?

Но молчи. Какой с тебя спрос?
Мне дороже свобода вящая,
Никогда никакой вопрос
До ответа не доводящая.

Поменяла душевный покой
На чужую сердечную тайну...
Сколько лет ты мечтал о такой!
А другой её встретил случайно.

И никто не повинен в вине,
Только червь этот точит и точит.
Столько лет её видел во сне!
А другой её видеть не хочет.

Мир, погрязший в долгах и грехах,
Не исправить аккордом гитарным.
Ты талантлив в любви, как в стихах,
А она достаётся бездарным.

Как в той сказке, где был соловей
Настоящим и подлинной – роза,
Но принцесса шотландских кровей
Отвергала их, точно отбросы.

Не любимый в чести, а любой.
Вот и всё, чем эпоха богата.
Как всегда, нелюбима любовь,
Но зато нарасхват суррогаты.

Случайно подслушанный шёпот на плёнке, –
Как с раны запёкшейся сорвана плёнка.
С дымящейся раны звериной тоски
Слова отлетают, как мяса куски.

И тянет магнитом к дорожке магнитной,
Где грязь перемешана с чистой молитвой.
Ты это письмо не сочти за письмо, –
Оно не писалось – сказалось само.

Я слышу, как больно тебе и паршиво.
И, мышцы души напрягая, как жилы,
Ты падаешь, рвёшься, тыходишь в пике
И – кляксы кровавые в черновике

Сажаешь, и шепчешь, и дышишь неровно,
Но чучело тела её хладнокровно.
Любовь не даётся нам в руки, увы!
Не передаётся путём половым.

Забудь этот номер пустой, морг–инальный,
Смирись, как со сценой спектакля финальной.
Бессмысленно плакать, молить, угрожать.
Её не оттаять и не отдышать.

Забудь всё, что жгло, озаряло, знобило.
Не любит она, никогда не любила!
Ты сердце своё, отпустив из тисков,
Разбил об неё на пятнадцать кусков.

Послушай, ты просто споткнулся о камень.
Такое с поэтами было веками.
Не мучай себя, не жалея ни о чём,
А время всегда было лучшим врачом.

И снова я в шёпоте том пропадаю,
Как Бродский, к отчизне глухой – припадаю
С не женской – другой, материнской тоской
К шершавой кассете горячей щекой.

Уравнения строк не сходились с небесным ответом.
Не давался мне синтаксис боли и логос тоски.
Ты приснился мне впрок в белом облаке лунного света,
И – где тонко, там рвётся – душа порвалась на куски.

Души белыми нитками шиты, причём наживую.
Их, до нитки обобранных, чуть прикрывают слова.
А любовь – живодёрня. Люблю – стало быть, освежую.
Губ закушенных кровь. И на плахе твоя голова.

Жизнь – ловушка. Ты ищешь лазейку, какой-нибудь дверцы,
Но заводит в тупик бесконечный её лабиринт.
В стенках клетки грудной детским мячиком мечется сердце,
И не знаешь, какой оно, глупое, выкинет финт.

Не малодушие-великодушие
Эти слова заставляет обрушивать.
Просто душа, что хранит на плаву,
И безвоздушность, в которой живу.

Мне не хватило какой-нибудь малости –
Чутьточку смелости, капельки жалости.

Я отступила, в себе унося
Острое лезвие слова «нельзя».

Всё разметало ветров дуновением,
Но и под слоём глухого забвения
Что-то живёт, не проходит, болит
И позабыть до конца не велит.

Я прислоняюсь к тебе, словно к дереву.
Пол не причём. Только сердце. Поверь ему.
Слов листопад, снегопад, звездопад.
Всё невпопад, невпопад, невпопад...

Ещё твои молитву шепчут губы,
Но санки приросли к чужим саням.
Опомнись, Кай, она тебя погубит!
Ты мчишься в ночь, сомненья прочь гоня.

Нельзя направо и нельзя налево...
Похищенный, расхищенный дотла,
Ты спишь у ног ледащей королевы,
Не ощущая холода и зла.

Забудешь ты и бабушку, и Герду
От поцелуя хладнокровных уст
И с корнем вырвешь из слепого сердца
Ненужной дружбы расцветавший куст.

Лоб запрокинут. Путь высокий, Млечный.
И снежных вихрей злая круговерть.
Пытаешься сложить ты слово «вечность»,
Но вновь рука сама выводит: «смерть».

Ад в тереме, что высится, сверкая,
Счастливей ли рая в шалаше?
Осколки. Леденеет сердце Кая.
И Герде не спасти его уже.

Меж наших душ, их полярным сиянием
Не поспешил на расстояние
Бог, разведя далеко берега.
Что ж мне дорога твоя дорога?

Я отношусь к тебе вне этих бренок:
Всяческих нежностей, ревностей, верностей.
Кроме души, ничего не ищу.
Птицу письма в небеса отпускаю.

Вновь повторяю и устно, и письменно
Вечные, кем-то избитые истины.
Рвётся душа из графлёных тенет.
Я тебя слышу, а ты меня – нет.

Наверно, ослепил неон...
Мне показалось вдруг,
Что ты мне друг, а ты – не он.
Я обозналась, друг.

Не просыхаю от утрат.
Все в чёрном зеркала.
Ты мне не друг, ты мне не брат.
Такие, брат, дела.

Свеча не горела. Горела, действительно, люстра.
И это было совсем не такого характера чувство.
Оно было просто, буднично и безыскусно.
Хотелось утешить, подбодрить и накормить тебя вкусно.
Хотелось помочь, предостеречь, направить.
Теперь уже ничего не поправить.
Свеча не горела.
Она была бы совсем неуместна.
Но как душа за тебя болела,
Не находила места.
Кто-то из мудрых сказал:
«Я верю только тому, кто тонет».
А ты не понял во мне ни аза,
Ты так ничего и не понял.
И ведь не Иуда, не какой-нибудь там Чикатило, –
Всего лишь поверивший тем котам-скотам
Буратино.
Купившийся, польстившись на то, что блестит...
Грустная сказка.
Но жизнь когда-нибудь ставит на вид
И срывает маску.
Снимает с глаз пелену, заслон,
И ищешь – где он?
А этот – в ангельских ризах – слон

Из мухи сделан.
«Что было после – было зря».
Живи как знаешь, какое мне дело.
Свеча сгорела, не горя.
Перегорело.

*Разбей этот кубок...
А. Фет*

А был ли мальчик? Что Гекубе
Его фантом?
Что зыбилось в душевной глубине –
Покрылось льдом.

Погиб поэт. В моих глазах лишь,
Но что с того?
Где чудилась алмазов залежь –
Нет ничего.

Разбился кубок. Если даже
Его слепить –
Я никогда из этой чаши
Не стану пить.

*Но жаль того огня...
А. Фет*

Жизнь движется вперёд, обозначая веки.
Не жалко мне тебя, не жалко и себя,
А жаль того огня, что в ночь ушёл навеки,
Однажды озарив, согрел и ослепя.

Над головой твоей как нимб сияло Слово.
Но случай вырвал вдруг три тонких волоска,
И оказалось, что обман, корысть и злоба –
Где виделись беда, обида и тоска.

Ты из чужих краёв, ты из другого теста.
Рассеялся туман, развеяна волшба.
Зияет как провал теперь пустое место,
Где чудились миры, и правда, и судьба.

И стала вмиг ясна вся низость голых истин.
Все факты собрались и выстроились в ряд.
Лежат твои листки, как груды мёртвых листьев
И ничего душе уже не говорят.

Просвет между землёй и небесами сужен
Благодаря тебе. Спасибо за урок
Не отворять дверей, не греть чужому ужину,
Не верить, не дарить... Надеюсь, что не впрок.

Я стискиваю лоб, зажмуриваю веки.
Я постараюсь быть, хоть не осталось сил.
Прощаю за себя. Но не прощу вовеки
За тот огонь и свет, который ты убил.

Не их, а что-то через них,
За ними любим мы,
Над ликом воссиявший нимб,
Сверкнувший нам из тьмы.
И потому так вечен миг,
Связавший слепо, напрямик
И души, и умы.

Привыкать к стезе земной
Пробую, смирясь.
То, что грезилось весной –
Обернулось в грязь.

На душе – следы подошв,
Слякотная злость.
И оплакивает дождь
Всё, что не сбылось.

Тот застенчивый мотив
Всё во мне звучит,
Что умолк, не догрустив,
В голубой ночи.

Что хотел он от меня,
От очей и уст,
Как в былые времена
От Марины – куст?

Неужели это миф,
Сон сомкнутых вежд, –
Тот подлунный подлый мир
В лоскутах надежд?

В предрассветном молоке
Жизнь прополощу,
И проглянет вдалеке
То, чего ищу.

Как повседневна жизнь.
А.Рембо

Два полюса земного бытия –
Два края жизни: музыка и мука.
Мучительно их постигаю я –
Божественную горькую науку.

«Как повседневна жизнь», – сказал француз.
Сказала б я: как пафосна рутина.
Заигранность фальшивая у муз,
А будни богоданны, как секстины.

Пусть сырый мир до ниточки продрог,
Молитвой Богу боли не нарушу.
А из обломков радуг и дорог
Построю вновь любовь, судьбу и душу.

Сейчас, пытаюсь проиграть
То, что уже невозвратимо,
Я думаю: какая рать
Иных дорог промчалась мимо!

Что, если б первая любовь
Сказала «да», притёрлась, свыклась, –
Меня учила бы свекровь
Выращивать свеклу и тыкву.

И в доме был бы лад да мир,
По праздникам бы пели хором...
И отгорожен был бы мир
Глухим хозяйственным забором.

А если б я сказала «да»
Редактору отдела писем –
О, как он звал меня туда! –
Как был бы мир сейчас зависим

От властьдержательных монет,
Союзписательских убожеств...
А если б этот... боже, нет!
Иль тот... О нет, избави боже!

Спасибо всем, кто обманул,
Кто не ответил, предал, продал,
Отвергнут был иль оттолкнул,
Иудам, иродам, уродам.

Спасибо, что в моей судьбе
Вы все, друзья, не состоялись,
Ведя меня к самой себе,
Душе в угоду, вам на зависть;

Что жизнь, не злобясь на удел,
Я прожила, как я хотела,
Не разделяя слов и дел,
Не отделя души от тела.

Спасибо всем, кто отпустил,
Что шла я по своей дороге,
За то, что я на том пути
Нашла любовь свою в итоге.

Пусть будет всё, что было не с тобою,
Что в тайных генах бредило в крови.
Пусть будет горечь, наслажденье болью,
Потери, бури, ненависть в любви.

Пусть будет всё, чего боялась смутно,
Подспудных мыслей отгоняя тень.
Хоть миг прожить беспутно, безрассудно,
Отдав все годы за единый день!

Пусть будут страсти, пропасти, напасти,
В звериной пасти кануть, пасть на дно, –
Безудержный порыв навстречу счастью,
Навстречу жизни, смерти, всё равно...

Узнать в лицо неведомые лица,
Миры и судьбы сжать в своей горсти,
А там потом – хоть свету провалиться,
Там хоть потоп, трава хоть не расти!

Всю жизнь свою, прорвавшую тенёты,
В одно мгновение выкричав навзрыд,
Родиться снова птицей для полёта,
Всему и вся объятия раскрыв.

Пройдя сквозь злую обречённость века,
Туннели мук, которых не избыть,
Впервые превратиться в человека
Ценой того, чтоб перестать им быть.

Это время – не мое

*Времена не выбирают.
А.Кушнер*

Это время – не мое.
Я в него не попадаю.
Как уверено ворьё, –
Не живу, а пропадаю.

По обочине хожу,
А не столбовой дороге.
Наслажденье нахожу
В том, что кажется убогим.

Это время – не моё.
Я его не выбираю.
Полагаюсь на чутьё
В поисках другого рая.

С безгрошовой душой,
Торбой писаной носимой –
Стала девочкой чужой
Я в семье своей России.

Век мой, зверь мой, волкодав,
Твои руки пахнут кровью!
Запахнув тебя в рукав,
Выбираю – безвековье.

Это время – не моё.
Я его в упор не вижу.
Как блаженно забытьё,
Где далёкое всё ближе.

Я вне времени живу:
В декабре грущу о лете,
Назначаю randevu
Мертвецам других столетий.

Мои сумерки тихи,
И дневные раны лечат
Старомодные стихи,
Пастернаковские свечи.

Не поймёт меня никто
Среди новорусских хомо.
Как чарует глаз цветок, –
Разве объяснить слепому?

Упаду в траву ничком –
Как я сказочно богата!
Я – сородич родничков,
Современница закатов.

Ваше время – не моё.
С ним я в ногу не шагаю.
В облаках моё жильё
С Блоком, Моцартом, Шагалом.

Лучше выглядеть смешным
И казаться чужеродным
Среди цахесов сплошных,
Среди босховских уродов.

Виват, перестройка! Мечты идиота.
Прикончена идеология.
Но следом приходят ура-патриоты,
А это уже зоология.

Мы воем с волками. Да скроется разум!
Пытаемся выжить по Дарвину.
Изводит нас спид и другая зараза,
И нищих на паперти – армия.

Хозяева жизни, не пряча ухмылки,
Глядят с высоты положения.
А люд по дворам собирает бутылки,
Ища у попов утешения.

Еду «господам» выдают по талонам,
И деньги меняют на акции.
А в клубах культуры теперь секс-салоны
И пьянки – пардон, презентации.

На сцене стриптизами публику тешат,
И в моде путаны и гомики.
Когда-то друзья приходили, теперь же –
Дельцы теневой экономики.

Они в казино прожигают все ночи
И сделки свершают за ужином.
И кто-то неужто вот эти плевочки
Всерьез называет жемчужиной?

Но голый король таковым остается,
Хоть шлейф за ним подданных тянется.
Все, что позолочено, вскоре сотрется,
Свинячая кожа останется.

1991

Убожество, неандертальство...
О время шлягеров и бездарей!
Дешёвка, выморочь, брутальность
Рядятся в музыку, в поэзию.

Крутые мальчишки в законе
Страну усеяли борделями.
И снова светочи в загоне.
Ну разве этого хотели мы?!

1992

«Купите Дворец!» – объявление гласит.
Глазам и ушам я не верю.
Но вот уж другая табличка висит,
И стражники встали у двери.

Как будто плевков получили в лицо!
Здесь были концерты и встречи,
А нынче тут место для сходки дельцов,
Свершающих сделки под вечер.

Теперь варьете тут. И сцена дрожит.
И девочки гладки и прятки.
Дешёвая музыка их ублажит,
А к ней – дорогие напитки.

Там каждый фирмач, толстосум и гурман
В любви одноклеточной страждет.
Им видится мир, как огромный карман,
Который наполниться жаждет.

Когда-то мы строили этот ДК...
Но всё это рухнуло разом.
И храмы культуры идут с молотка,
И небо не сверзнется наземь!

Ау, диссиденты! Молчите, увы.
Сей колокол – он не по вас ли?
Вам так и не дали поднять головы.
Чуть вспыхнули лишь – и погасли.

Мы мнили: свобода! И мир новизны,
Как только могли, приближали.
Но вместе с империей обречены,
И рынком невольничьим порабщены,
Мы вихрем истории снесены
И – занесены на скрижали.

1992

Вспоминая август 1991-го

Да – перестройке! Прочим – нет!
Спешим навстречу жизни новой.
Наш заводской парткабинет
Поспешно переименован.

Теперь он скромно наречен
Информативно-социальным,
Прикрыт, – как будто не при чем! –
Листочком фигово-нейтральным.

Парторг не подведет свой клан,
– О выкормыш номенклатурный! –
На август требует он план
Газеты нашей подцензурной.

Натаскан крепко цепкий глаз
На всех, кто смел, кто воду мутит...
Как сладко вымолвить сейчас:
«А в августе вас здесь не будет!»

Но вдруг: – Гоморра и Содом! –
Как будто гром на небе чистом:
Измена, танки, Белый дом,
Пресс-конференция путчистов.

И – маршем шествуют побед, –
Личины падают при этом.
«Информативный» кабинет
Вновь спешно стал парткабинетом.

Газете в глотку воткнул кляп,
Лакеи потирают руки.
И почернела враз земля,
И снова мы в порочном круге.

Но прорвалась, как крик души,
Радиостанция «Свобода»:
«На танке – Ельцин! Сокрушил
Народ партийных Пиночетов!»

На митинг – вся честная Русь!
Мы там дадим отпор путчистам!
А если вдруг не возвращусь –
Считайте антикоммунистом.

На спектакль Петера Штайна
Приезжали в Москву специально
Посмотреть, как наш сад, наш дом
Погибает под топором.

На спектакле Петера Штайна
Оживала вещая тайна,
Как ответ на немой вопрос:
Неужели погиб мир грез?

Неужели все безвозвратно –
Сад наш, душ наших свет отрадней,
И кругом лишь мрак ледяной,
И Лопахины сплошь стеной?

Да, мы сами его срубили.
Да, мы сами его сгубили.
Вместо пашни и бороны –
Олопахиванье страны.

От ухмылок кривых подонков,
Бизнесменов и им подобных
Не сбежать, не спасти добра
От убойного топора.

Этот стон у нас рынком зовется.
Там, где тонко, там вечно рвется.
О помедли, прошу, постой,
Человечества сон золотой!

О цветенье, любви смятенье,
Рук доверчивое сплетенье...
Кто-нибудь, удержи, нарушь
Олопахиванье душ!

И молно я как о пощаде:
Хоть бы память о вешнем саде,
Свет России, родную речь
Нам сберечь.

1993

Мы – почва, перегной, навоз
Для будущего поколенья.
Чем больше крови, пота, слез –
Тем лучше будет удобренье.

Утештесь всплывшею грязцой –
Все обещает добры всходы ...
Как отвратительно лицо
У вашей нынешней свободы!

Ваш символ – золотой телец,
Лицо Христа – оскал сатира.
На первом месте не творец –
Держатель платного сортира.

Полезно жарить соловьев,
Сады пускать на древесину.
О время подлое мое!
Терпеть тебя невыносимо.

Но зацветут опять, как встарь
Сады Серебряного века.
И диогеновый фонарь
Хранит тоску по Человеку.

1993

Я расскажу вам о Цветаевой, –
Не отворачивайте лица.
Вы вмиг очнётесь и отгадете,
Вам эти песни будут сниться!

Я расскажу вам о Цветаевой,
Я расскажу, как это было.
Не буду ничего утаивать:
Она жила, она любила...

Она искала идеального.
Ей шквала страсти было мало!
И часто чуждого и дальнего
За самых близких принимала.

79

Мираж любви, родства иллюзия
И тайный жар стихотворенья...
Она была самою Музой,
Она была само горенье!

Она бежала повседневности
И в душах открывала слитки.
Попытка жить, попытка ревности –
Всё в этом мире было пыткой.

Нет, вы послушайте, послушайте,
Я расскажу вам о Марине,
О той, что мой покой нарушила,
О бунтовщице, героине...

Но слышу реплики скептические,
Ловлю ваш взор неблагоклонный, –
Хозяева единоличные,
Владельцы клубов и салонов:

– На что нам эти ваши лекции!
Вот если б слово экстрасенса
Иль что-то эдакое с перцем бы
Из области крутого секса, –

На это публика бы клюнула,
А со стихами нынче глухо...
О этот рынок ваш убудочный,
Что брюха требует, не духа!

Но в час ночной, в пустынной комнате
Наступит миг, – я в это верю, –
Когда вы вздрогнете и вспомните
И ощутите, как потерю.

Она настигнет, словно лезвие,
И станет вдруг нужнее хлеба –
Душа, отдушина, поэзия,
Ваш сон земной, седьмое небо!

За всё воздастся и ответится.
Мы все любовью сотворимы.
А во вселенной тихо светится
Планета с именем Марины.

1990

Пунктир звезды прочерчивает след,
И нимб луны над головой витает.
В который раз встречаю так рассвет,
А всё никак в душе не рассветает.

80

Ожог луны, Всевышний, притуши.
Прохладой утра будет лоб остужен.
Я высунусь из логова души
И посмотрю на этот мир снаружи.

Увижу, ужаснусь, и снова – нырк! –
Под ставни, под спасительные шторы.
Невыносим крикливой жизни цирк,
В глазах рябит от уличного сора.

Я снова в мироздание лечу,
Лицом уткнувшись в звёздные соцветья,
И знать, как милый классик, не хочу,
Какое там у вас тысячелетье.

Внутри иначе жизнь течёт.
Обратен времени отсчёт.

Снаружи – шум, здесь – тишина.
Снаружи – мир, а здесь – война.

С самой собой, с самой собой
Я здесь веду незримый бой.

Здесь – Ренессанс, а там – распад.
Живу я с веком невпопад.

Вне времени и вне планеты
Живу на тихом острове.
Меня давно уж с вами нету.
Давно от вас я вдалеке.

Не держит жизни арматура.
Роняет дерево слова.
Я уходящая натура,
Прошедшим временем жива.

Я в замкнутом полярном круге.
И ошибаетесь вы, мня,
Что знаете меня, о други, –
Вы только помните меня.

Жизнь оказалась мне не по росту.
Длинная. Я утонула в ней просто.
Не по фигуре. Не по нутру.
Не по карману. Не ко двору.

Не понимаю, как в ней живу я?
Смётана наспех, на нитку живую.
Не ожидали в аврале шитья,
Что в ней так долго жить буду я.

Жизнь обносилась. Я обнищала.
Но не пищала, хоть и трещало,
Где было тонко – с краю, по шву...
Не понимаю, как я живу.

Земле глядеться в зеркала небес,
А небесам – в её жилетку плакать.
Кто повенчал их – ангел или бес?
Небесный дождик плюс земная слякоть

Равняется любовь. А дети – мы:
Растения, деревья, люди, звери.
«Две области – сияния и тьмы»...
Какой из них судьбу свою доверю?

Земная залежь, скопище веков...
Она всё знает, впитывает, помнит.
А небеса сияют высоко,
И с ними так бездумно и легко мне.

Земная почва, правда жизни, плоть –
Груба, тяжеловесна, близорука.
А небеса, что даровал Господь,
Так на руку душе. Как сон, что в руку.

Нам выстудил душу вселенский сквозняк,
Паренье в пустых облаках.
А хочется в жизни надёжный верняк,
Чтоб прочно стоять на ногах.

И мы отгораживаемся стеной,
Чтоб в дом не прокрался тать.
И мы поворачиваемся спиной
К тому, что зовёт летать.

Но самозащита – опасная вещь,
Это палка о двух концах.
Ведь мы и от того, кто велик и вещь,
Отгораживаемся в сердцах.

И ты, не бросая своей бороны,
На душу не вешай замок.
Никто ведь не знает, с какой стороны
Придёт к нам однажды Бог.

Бог – ничто. Струя песка.
Мои сны, моя тоска,
То, что шепчет нам листва
И рисует синева,
Что воркуют сизари,
Что болит у нас внутри.
Он – полуночная мгла,
Волны света и тепла,
То, что нам в потоке дней
Всего ближе и родней.
Он – изнанка наших слов,
Содержимое голов,
Наши страхи и мечты.
Бог – всё то, что я и ты.

Утро

Ночь опомнилась. Мгла рассеялась.
Тихо таяла без следа,
Но на что-то ещё надеялась
Растревоженная звезда.

В полусонном противостоянии
Заворочался шар земной.
И растаяло расстояние
Между завтра и мной.

Утро нежится в царстве грёзовом.
Так прозрачен его намёк.
Вздых о розовом, чём-то бросовом...
Раздувается уголёк.

Амба: лопнула мира ампула,
В ночь просачивая зарю.
Утро – будущего преамбула.
Как сомнамбула, я смотрю:

Светом жиденьким озаримые,
В небе – контуры тополей...
Неприметное, неповторимое
Утро жизни моей.

Не мудрее – старее вечера,
Пробивающееся средь гардин,
Увеличивающее перечень
Невозможного впереди.

Я пытаюсь понять, на что оно –
Утро, вылупленное из сна,
В мир, где ныне мне уготовано
Место зрителя у окна.

Страны и дома добровольный пленник,
Смотрю в окно на сцену бытия,
На тот спектакль, что без копейки денег
Даёт сегодня улица моя.

Идёт спектакль, бесхитростный и чистый,
На пяточке, лучами залитом.
И все кругом – народные артисты,
Играют жизнь, не ведая о том.

Сонно нащупаю тапок.
Тает за окнами тьма.
Тихой крадущейся сапой
Сны покидают дома.

Влагой траву оросило.
Я из окошка смотрю,
Как эта ночь через силу
Переродится в зарю.

Утро – синоним пролога,
С жизнью единых кровей.
Яблоки солнечных блоков
Через авоськи ветвей.

Дня бытовое лекало.
Злоба. Усмешка юнца.
Всё это только начало,
Только начало конца.

Нет хлеба. Что ж, не страшно.
Хватаю горсть монет,
Бегу, а там – бумажка:
«Закрыто на обед».

Нет масла, макарон.
Семь бед – один ответ.
Спешу я к «Гастроному»,
А на дверях – «обед».

Гляжу в слезах бессилья:
Нигде мне ходу нет.
Как будто вся Россия
Закрыта на обед.

На верёвке сохнут вещи.
Летняя истома.
Одинокий флаг трепещет
Над балконом дома.

В вышине, где тонет око,
В беспределе неба
Он – как парус, одинокий
И такой нелепый.

Нищий

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья.
М.Лермонтов*

Стоит он, молящий о чуде.
Глаза источают беду.
– Подайте, пожалуйста, люди,
На водку, на хлеб и еду!

И тянет ладонь через силу,
И тупо взирает вокруг.
Да кто же подаст тебе, милый?
Россия – в лесу этих рук.

Я еду в троллейбусе тёплом.
Луч солнца играет в окне.
Но бьётся, колотится в стёкла:
«Подайте, подайте и мне!

Подайте мне прежние годы,
Уплывшие в вечную ночь,
Подайте надежды, свободы,
Подайте тоску превозмочь!

Подайте опоры, гарантий,
Спасенья от избранных каст,
Подайте, подайте, подайте...»
Никто. Ничего. Не подаст.

Выключаю телевизор:
Крики, бомбы, взрывы в шахте...
За окошком лунный мизер
И дождя бесшумный дактиль.

Где-то под горой убитых
Задышается Россия.
Здесь же – штор глухих защита
И стиха анестезия.

Душа глухонемая, безъязыкая –
Забыла все нездешние слова.
Такая жизнь бездушная и дикая,
Что у души все отняты права.

Она уже не грустная, а грубая.
Ей пища не амброзия, а дрянь.
Хотела бы сказать: «На холмах Грузии...»
А извергает матерную брань.

О, где тот младенческий пир,
Свет, бивший из скважин,
Когда был загадочен мир,
А не был загажен.

Когда и не брезжило дно
У чаши сосуда,
И всё нам казалось чудно,
И всё было – чудо.

Здесь раньше чебуречная была,
В таком очаровательном подвале –
По Вольской до Казачьей, до угла, –
Где мы с тобой когда-то пировали.

Мой рыцарь, незнакомец, визави...
Как чудны были эти чебуреки.
Разрушена империя любви.
Мы не придём сюда уже вовеки.

Теперь здесь ресторан, который пуст,
Поскольку никому не по карману.
А я всё помню аппетитный хруст
Тех чебуреков нашего романа.

Мой город, я тебя не узнаю, –
Ни улицы, ни воздух и ни души.
Мне страшен этот праздный уют,
Где никому никто уже не нужен.

Мой город, ты стареешь от тоски.
Мы сами не свои под этим небом.
И вывески твои – твои виски,
Как сединой, запорошило снегом.

Как будто Бог скрывает все приметы
И замечает прошлого следы.
Влюблённые, бродяги и поэты,
Всё уже ваши нищие ряды.

Как мало остаётся тех прибежищ
Для наших встреч, приютов и берлог...
Всё изменилось. Только мы всё те же,
И так же ищем сердцу уголок.

Нет уголков. И всё ж они несметны
На карте мира памяти моей,
Не стёрты и воистину бессмертны,
Как мы с тобой, любимый мой. Ей-ей.

Прощание с веком, прощание с веком,
Навеки, навзрыд, как с родным человеком.
– Замедли, прошу, – хоть мой оклик нелеп, –
Последний свой росчерк на книге судеб!

Уходят, уходят последние сроки
Земли, на которой мы так одиноки.
Как выжил он в этой кромешной глуши –
Дрожащий подснежник замёрзшей души?

И стрелки часов, приближаясь крещендо,
Готовят нам встречу с неведомым чем-то.
Отчалила плавно Харона ладья...
Прощай, невозвратная радость моя.

О Ты, чьей свечой мы всегда осиянны,
Затеpli надежду, как шарик стеклянный,
И пусть принесёт новогодняя ель
То чудо, какого не знали досель.

Прощание с веком, прощание с веком...
Следы замечает полуночным снегом.
Летит, обрываясь звездой на лету,
Письмо в неизвестность, письмо в пустоту.

Декабрь 2000

В прошедшем веке куплено пальто.
Ремонт уже не делался сто лет.
Есть жизнь на Марсе – ведает ли кто?
Но здесь-то точно жизни вовсе нет.

Коль ты поэт – а стало быть, слабак –
В жилетку строк выплещивай нытьё.
Собачья жизнь отнюдь не для собак.
Они бы и не вынесли её.

С усердьем мухи, бьющейся в стекло,
Я начинаю утром путь земной
Судьбе назло, самой себе назло,
С другой строки и с буквы прописной.

Обиды – на обед,
На ужин – униженья,
Коловращенье бед
До головокруженья.

Но помни, коль ослаб,
Про мудрое решенье:
Про лягушачьих лап
Слепое мельтешенье.

Вселенной молоко
Мучительно взбивая,
Спасёт тебя легко,
Вздымая высоко
Душа твоя живая.

Скажи мне, кто не одинок?
В души пустынном помещенье
Ютится нежности щенок,
Скуля тихонько о прощенье.

Непоправимо одинок
Всяк в этом мире однобоком.
Щенок – заплаканный комок –
Всё тычется под левый бок.
Кому-нибудь он выйдет боком.

Пестрят и рвутся тут и там
Ключки по всей округе:
«Сниму», «куплю», «продам», «отдам
В заботливые руки»,

«Вишнёвый сад», «добротный дом»,
«Собаку» или «дачу»...
А в сущности, все об одном
Толкуют, пишут, плачут.

Как будто бы один блокнот,
Разодранный на части,
Взывает, жаждет – не банкнот –
Тепла, уюта, счастья!

Бумаги рваные листки
Трепещут, словно флаги –
Куски надежды и тоски,
Промокшие от влаги.

Поздравительные открытки,
Тиражированные слова.
Распродажа на диком рынке
Чьей-то дружбы, любви, родства.

Заштампованное искусство.
Золочёная вязь письма.
Заменитель живого чувства,
Жалкий слепок, протез ума.

Расписная фальшивка, нежить...
Погребла она под собой
И невысказанную нежность,
И невыплеснутую боль.

Заказное «люблю, желаю»
На душе не оставит след.
Так не шлите мне, умоляю,
Мёртвый глянец, чумной билет!

Тут не нужно большой отваги –
Просто сядь и сам напиши.
И слова расцветут, как маки,
На обычном клочке бумаги,
Но свои, из своей души!

Потёмки собственной души,
Её бесхитростные тайны...
Мы все для Бога малыши.
Всевышний, радости всем дай нам!

Никто не знает, что потом –
Мир вечный там или увечный.
И мы глотаем жадным ртом
Напиток солнечный и млечный.

Хоть чуточку ослабь зажим.
Пускай течёт, меняя числа,
Гипотетическая жизнь
На грани вымысла и смысла.

Под луной ничто не вечно.
Светится таинственно
Неба сумрачное нечто
В обрамленье лиственном.

А внизу, под сенью крова –
Дней труда и подвиги.
Бурый лист, как туз червовый,
Мне слетает под ноги.

Ночь земле судьбу пророчит,
Карты звёзд рассыпала...
Жизнь живёшь не ту, что хочешь,
А какая выпала.

Диск телефонный. Терпенья зенит.
Ждешь, задыхаясь, подмоги, совета.
А механический голос бубнит:
«Ждите ответа. Ждите ответа».

Что нам готовит слепая судьба?
Как избежать нищеты и навета?
К Богу, рыдая, вызывает толпа.
Ждите ответа. Ждите ответа.

Рвётся письмо к той, кого целовал,
Даль побеждая всесилием света.
В ящике чёрный зияет провал.
Ждите ответа. Ждите ответа.

Всё безответно: волна и листва.
Словно на отклик наложено вето.
Снова на ветер бросаю слова.
Ждите ответа. Ждите ответа.

Любовь

Любовь – без памяти, до дрожи...
Сквозь мглу огонь ее несем.
Любить... А что еще мы можем?
И только-то? И это всё?

Любовь – для бедных. Для убогих.
Как утешенье, дана
Тем, кто не смог найти дороги
И выжить в злые времена.

Прекраснодушным дилетантам,
Кому фортуна скажет: «Брысь!»
Тем, кто, подобно Грину, Данте,
Себе придумывают жизнь.

А человек, звучащий гордо,
Самодостаточен вполне.
И не нужны ему подпорки,
Как полю – дождь, как луч – весне.

Любовь – что посох средь ухабов,
С которым легче выживать.
Любовь – не сладость. Это слабость.
И грустно это сознавать.

Молитва

Обречена на вечную надежду,
Не на земле, не в облаках, а где-то между.
Надежду засветить погасшие огни,
Надежду отстоять оставшиеся дни,
В «мы» обратить «они».
Верни и сохрани!
Чтоб всё как прежде.

Сменит неба тревожную алость
Восковой и безжизненный круг.
Боже мой, никого не осталось!
Никого не осталось вокруг.

Души спрятаны в серых одеждах.
Схвачен город решеткой дождей.
Перечёркнуты накрест надежды
На сердечную близость людей.

Но остались, остались при этом
Островки среди бед и обид:
Город света по имени Света,
Жени с Инной родная планета,
Континент под названием Давид.

Гражданин, человек, прохожий,
Я прошу, подожди, оглянись!
Я родство твоё чувствую кожей,
Даже даль ощущая как близь.

Ах, мы все исключенья из правил!
В тихий час отлученья от дел,
Пока нас ещё Бог не оставил,
Пока трижды петух не пропел,

Дай же волю мечте и печали,
Даже боли не прекословь.
А то Слово, что было вначале,
Означало – так просто – любовь.

Словно штопор, всё выше и глубже,
Наших душ мировая душа
Неосознанно и неуклюже
Продирается к небу спеша.

На лекции

Снова я лица ищу в толпе,
Словом моим растревоженные.
Вот одна – словно вещь в себе,
Руки молитвенно сложены.

Вот у другой промелькнет слеза,
Катятся, как горошины...
Дольше носите эти глаза,
Люди мои хорошие!

Моим слушателям

Люди с хорошими лицами,
С искренними глазами,
Вы мне такими близкими
Стали, не зная сами.

Среди сплошной безликости
Не устаю дивиться:
Как их судьба ни выкосит –
Есть они, эти лица!

Вихри планеты кружатся,
От крутизны шалея.
Думаю часто с ужасом:
Как же вы уцелели,

В этом бездушье выжженном,
Среди пигмеев, гномов, –
Люди с душой возвышенной,
С тягою к неземному?

Вечно к вам буду рваться я,
В зал, что души бездонней,
Радоваться овам
Дружественных ладоней.

И, повлажнев ресницами,
Веровать до смешного:
Люди с такими лицами
Не совершат дурного.

Я вас в толпе отыскиваю,
От узнаванья млея,
Я вас в себе оттискиваю,
Взрачиваю, лелею.

Если б навеки слиться мне
С вами под небесами, –
Люди с хорошими лицами,
С искренними глазами...

Острые углы

На лекции в библиотеке –
В каком году уже бог весть –
Где говорила я о веке,
Что думаю и всё как есть,

Сказала женщина, вздыхая,
Кому-то тихо обо мне,
(Хоть память у меня плохая,
Но фразу помню ту вполне):

«О, как она срезать не может
В беседах острые углы!
Как трудно будет жить ей, боже,
Ведь люди мстительны и злы...»

**Мои
слушатели**

Когда – чтоб не казалось мало –
Мололи жизни жернова,
Я очень часто вспоминала
Той мудрой женщины слова.

Сейчас от молодого пыла
Осталась горсточка золы...
Да, никогда не обходила
Я эти острые углы.

Я не умела лгать улыбкой
И сглаживать горячий спор.
Быть обходительной и гибкой
Не научилась до сих пор.

А жизнь всё пробует на ломку
И забывает мне голы.
Но не стелю себе соломку,
Хоть больно колются углы.

Но не ищу я в реках броду
И не влечёт меня нора.
Я тоже в некотором роде
И угловата, и остра.

Пускай они меня обходят,
В свои играя уголки.
А я привержена свободе
И буду шпарить напрямки!

Весь мир – театр, актеры – люди.
Как зорко видел ты, Шекспир!
Пусть сотня бед еще прибудет –
Я буду знать, – театр – мир.

На сцене надо улыбаться,
Порой проглатывая ком.
Ну а поплакать, может статья –
Там, за кулисами, тайком ...

Я это постигла не сразу,
Но выучилась, как азам,
Не разуму верить, не фразам,
А только глазам и слезам.

Откройся их чистым истокам,
Как будто на слово «Сезам».
Москва, ты черства и жестока.
В Саратове верят слезам.

Саратову

Столица самозванная Поволжья,
Родная грибоедовская глушь,
Погрязшая в осеннем бездорожье
Средь неизбывных миргородских луж,

Где вотчина бессмертных хлестаковых,
Где громоздится памятников дичь, –
Ну что в тебе, замызганном, такого,
Чтоб не стремиться никуда опричь?

Всё лето без воды. Но рядом Волга.
Зимой без света. Но была б свеча.
Нелепого непрошенного долга
Слепая тяга в сердце горяча.

Подруга пишет: «Нет прекрасней края.
Давайте к нам! Сжигайте корабли!»
Но не влечёт меня обитель рая
Уютно ностальгировать вдали.

Там всё стерильно: ни врага, ни друга.
Там море мёртво и душа мертва.
А здесь дворы с родимую разрухой
И круговой порукою родства.

И пусть ни злато, ни ума палата
Не озарит помоечного дна,
Но здесь душа с рождения крылата
И босоногой радостью полна.

Я часть твоих окраин и колдобин,
Твоих оркестров уличных струна.
Ты мною утрамбован и удобрен.
Я в воздухе твоём растворена.

Стыжусь тебя порой, как сын стыдится
Алкоголичку-мать, бомжа-отца.
Но не стираю горькие страницы,
Они во мне пребудут до конца.

И заморозки здесь, и отморозки,
За выживание вечные бои,
Но светятся застенчиво берёзки
И за руки цепляются мои.

Аллея улицы Лесной.
Там полисадничек резной
И травы по утрам в росе...
Она короткая совсем.

Каких-то метров тут пятьсот.
И нет особых тут красот,
И нет домов солидных.
Я здесь гуляю с Линдой.

Она так неказисто-хороша,
Питаю к этой улочке я нежность.
Так выглядела бы моя душа,
Когда б она имела тоже внешность.

Аллея улицы Лесной,
Зимой, летом и весной
Куда ведёт она меня,
Вдруг обрываясь у плетня?

Улочки Саратова,
Как вы уцелели,
Подвигами ратными
Как вас не задели?

Мельничная, Солнечная,
За углом – Лесная,
А за ней – Цветочная,
Дальше – Луговая.

Словно лучик в прериях,
Различимы еле –
Тоненькой артерией
На могучем теле.

Рядом с новостройками
Вы – как день вчерашний,
С лужами, помойками,
Живностью домашней,

Грядками, черешнями,
Старой голубятней...
Всех витрин проспектошных
Вы стократ занятней.

Здесь зимой – сугробища,
Летом – половодье.
Но живут сокровища,
Неподвластны моде,

В этих ископаемых,
Солнцем озаримых,
Чудом обитаемых
Улочках старинных.

Луговая, Мельничная...
Там луга и лето.
Там как Богом велено
Обитать поэту.

На моей же улице
Нет, увы, колодцев.
Впору хоть зажмуриться –
Так она зовется.

Не в лесных соцветиях –
Кумачом горя:
«Пятидесятилетия
– О Боже! – Октября!»

Первомай 2004-го

В дождливой мороси и хмари
Тонул нелепый Первомай.
Я шла с тяжёлой сумкой к маме.
(Уже не шёл туда трамвай).

Мой взор, рассеянный и сонный,
Скользил поверх молодых племён,
А мне навстречу шли колонны,
Как будто из других времён.

О, сколько их! Куда их гонят?
Что демонстрировать, кому,
Когда в стране, где все – изгои,
Власть, неподвластная уму?

Стояли ряженные в гриме –
Маркс-Энгельс-Ленин-Брежнев. Бред.
Мне Энгельс подмигнул игриво,
Портвейном, кажется, согрет.

Толпа живым анахронизмом
Флажки сжимала в кулаках.
Воскресший призрак коммунизма
Маячил где-то в облаках.

Зонты – щитами – непогоде
И в ногу – мерные шажки.
А я всегда рвалась к свободе
Сквозь эти красные флажки!

Всё, чем когда-то дорожили,
Оплакивают небеса...
«Как хорошо мы плохо жили», –
Однажды Рыжий написал.

Земля, тебе не отвертеться,
Как этот шарик надувной
Парит над юностью и детством.
Наивный шарик наш земной...

Тот день, душой не принимаем,
Остался в памяти ларце
Улыбкой хмурой Первомай
На века сумрачном лице.

Когда включаю телевизор
В надежде отыскать гуру,
Кручу каналы: вздор и мизер,
И вдруг от ужаса замру.

С экрана вижу в час вечерний
Иль даже среди бела дня
Существ диковинных, пещерных,
Непостижимых для меня.

Я вижу залы, стадионы
Охочих до пустых утех,
Распятых глоток легионы,
Идиотический их смех.

И жутко мне при виде корма
Погрызших в бездуховной мгле.
Какая-то иная форма
Существованья на земле!

О вы, уроды и юроды,
Чей ум трудиться не привык,
Вы существа другой породы,
Мне непонятен ваш язык.

А где-то, верно, есть другие,
Которым испокон веков
Порывы ведомы благие
И шифры писем и стихов.

Но где они? Какие визы
Нужны в их дивные миры?
Их не покажет телевизор.
Мы в этом мире вне игры.

То, что добро потоплено во зле –
Не для кого давно уже не тайна.
Не нахожу я места на земле.
Вишу в петле – пока ещё трамвайной.

Остановите! Я хочу сойти.
Сойти на нет, с ума, куда угодно!
Но выход преграждает на пути
Мне подлая смеющаяся кодла.

Глаза закрою: вижу их в гробах.
И только зубы стискиваю молча.
Не вишенкой трамвайной на губах –
В их глотке буду ягодкою волчьей!

Чем дальше в жизни – тем трудней
Держаться между двух огней.
Мой путь отнюдь не так уж прост:
Меж двух огней – лучей и звёзд –
С утра до вечера борьба,
Чтоб убивать в себе раба.
И стрелы с двух сторон летят,
И ангелы отводят взгляд,
Хотя им сверху там видней,
Как выжить мне меж двух огней.
Меж этих и других врагов
Веду я счёт своих шагов,
По полю минному идя,
На оба фронта бой ведя.

Но всё труднее мне идти,
Всё холоднее на пути
Во тьме ночей и в свете дней
Меж двух огней, меж двух огней.

Небо давит, как на атлантов,
Подпирающих своды зря,
На безумцев, певцов, талантов,
На которых стоит земля.

Не желающим прогибаться
Уготован один режим –
Надрываться и убиваться,
Но стоять, пока хватит жил.

Языка их не понимают,
Только мёртвых их любит Русь,
Но вовеки не обломает,
Не сломает их мразь и гнусь.

Пусть их ждёт пустота и небыль,
Пусть их выбор смешон, нелеп,
Но они лишь удержат небо,
Не сменявши его на хлеб.

Ты склонись надо мною в молитве,
Что, подобно печали, прочна,
Потому что, готовая к битве,
Я заранее обречена.

Заколотят доской гробовою.
Наметут над могилой снега...
Но опять я воскресну для боя,
Если рядом почую врага.

*Берегите свою душу.
(Из письма Н. Мозуевой)*

«Берегите же душу!..» О, я берегу,
Для себя – не загробного рая.
Я её не позволю запачкать врагу
И предательством не замараю.

И хотя я не ангел и не эталон
И порой нарушаю зароки,
Я себе запретила поклон и уклон
Вправо-влево от главной дороги,

Быть в согласии с тем, кто, собой упоён,
От любви к сверхдержаве зверя,
Вожделеет о благодати старых времён
И о сильной руке брадобрея.

У души я на службе и на поводе,
На подхвате и на побегушках.
Я пляшу под волшебную эту дуду,
Что играет мне тихо на ушко.

Чтоб была в стороне от наживы и зла,
Я ее проверяю на деле.
Чтоб всегда пребывала чиста и бела,
Белоручку держу в чёрном теле.

Я её не одену в броню и гранит,
Не упрячу от боли и гнева.
Ну а если она кровоточит, саднит –
Это значит, не закаменела.

*Если тебе дадут линованную бумагу –
пиши поперёк.*

Хуан Рамон Хименес

Поперёк политических прописей,
Старых догм и житейских клише,
Толкований недавнего прошлого
И всего, что обрыдло душе,
Я пишу свою личную летопись,
Отвергая чужие дары,
Поперек всех линеек и клеточек,
В нарушение правил игры.

Я никуда не вступаю.
Я ничего не член.
Грань не переступаю
Ту, за которой – плен,

Ту, где чего угодно,
Ту, где не встать с колен.
Я – ничья, я свободна.
Я ничего не член.

Падаю, оступаюсь
И ошибаюсь – что ж,
Но ни во что не вступаю,
Чтобы не мыть подошв.

Чур меня знак весомый
Лацканов напоказ,
Стойла борзых тусовок,
Где не ступал Пегас.

Убережась от фальши,
Спрыгну с дороги я.
Вы же ползите дальше,
Членистоногие.

Один не воин в поле,
А я кругом одна.
О сколько надо воли,
Когда кругом стена!

Всё тонет в фарисействе.
Как жизнь мне перейти,
Когда в людском семействе
Ни с кем не по пути?

Между землёй и небом,
Меж тем, что был – и небыль,
Меж прошлым и грядущим,
Меж суетным и сущим,
Меж тем, что тьма, и тем, что свет,
Меж тем, что да, и тем, что нет,
Между змеей и птахой,
Между тюрьмой и плахой,
Меж беспорочной кельей
И приворотным зельем,
Меж бесом и распятым,
Спасеньем и проклятьем,
Меж адом и меж раем
Всю жизнь мы выбираем.

Земля или небо?
Не то и не сё.
И правду, и небыль –
Мне хочется всё!

В земле увязаясь,
А небо – вдали,
И не осязаясь
Его ты с земли.

Орёл или решка?
Звезда или хлеб?
Судьба – как насмешка,
И выбор – нелеп.

Пытаться не надо
Понять никогда.
Ни неба, ни ада.
Ни нет и ни да.

Я ёжик, плывущий в тумане
В потоке вселенской реки.
Мне звёзды мигают и манят,
Мелькают вдали маяки.

– Плыви, ни о чём не печалься, –
Журчит мне речная вода, –
Доверчиво в волнах качаясь,
Без мысли зачем и куда.

Но только не спрашивай: «Кто я?»,
Не пробуй, какое здесь дно.
Не стоит, всё это пустое,
Нам этого знать не дано.

И лунный начищенный грошик
Сияет мне издалека:
Плыви по течению, ёжик,
И жизнь твоя будет легка.

Она летит, свободная от пут...
Привет, пичуга, как тебя зовут?
Дай перышко от твоего пера,
Чтобы легко писалось мне с утра!

Летит, как пух, что от Эола уст,
И мир уже не беспросветно пуст.
Пернатая надежда в небесах
Летит и мир качает на весах.

В стране, где все привыкли падать ниц,
Жить обучаюсь по законам птиц.
И никогда – хоть плачу и бешусь –
От птичьих прав своих не откажусь!

Зазвенело утра серебро
В птичьих трелях, в гомоне трамвая.
Будет день, и пища, и добро.
На Творца, увы, не уповаю.

Прошлый день из памяти сотру,
Там, где мне досталось на орехи.
По кусочкам душу соберу,
Подсчитаю шишки и прорехи.

Даже если утро невзначай
Совпадёт в душе с началом ночи,
Всё равно скажу ему: «Встречай!
Хочешь ты того или не хочешь».

Завоюем этот дикий день!
Скакуна пришпорю я, взлетая.
«Добрый день! – приветствую людей. –
Принимайте в вашу волчью стаю!»

Этот день ещё мной не надёван,
Не помечен ничем и никак.
Словно агнец, младенческий овен
В белоснежных небес завитках.

День идёт. Я в него облачаюсь,
В золотистого цвета руно.
Будто заново жить обучаюсь
По его игровому кино.

Досмотрю ли я нынешний ролик,
Полный ужасов или красот?
Даст блеснуть ли он мне в главной роли
Или вновь, как всегда, – эпизод?

Только главное всё же не это:
Как дожить, чтоб в итоге всего
Не запачкать бы чистого света
Белоснежной одежды его?

Рисунок дня. Небрежный росчерк буден.
Заветный вензель на стекле судьбы.
Подарок фей. Кофейный штрих на блюде.
Что сбудется из этой ворожбы?

Ещё одна иллюзия издохнет.
Одною болью больше будет в срок.
Не сбудется судьба моя – и бог с ней.
Ведь главное – что было между строк.

Когда-нибудь планида, как планета,
Вдруг повернётся под другим углом,
И неба неразменная монета
Мне выпадет не решкой, а орлом.

Пока же маята пустого красса,
Надежды грош и медный звон беды,
И улиц искривлённые вопросы,
И многоточий грязные следы...

Жизнь жмёт в плечах,
Заходится в речах,
Не уместаясь в клетке календарной.
И, расщепляя атомы души,
Меняет золотые на гроши,
И кажет лик товарный и бездарный.

На птичьём языке своей любви
Его ты понапрасну не зови –
Здесь внятен звук совсем иных наречий.
Молиться станешь – Бог не снизойдет,
А песня кровью горла изойдёт.
И только смерть всегда идёт навстречу.

*У всего есть предел:
в том числе у печали.
И.Бродский*

У моей печали нет предела.
Там царит полнейший беспредел.
Тонет в звуках нечленораздельных
И в хитросплетеньях душ и тел.

Ночь. Фонарь. Я разобью плафоны,
Закричу на весь небелый свет.
Неужели только в телефонной
Книге вы отыщете мой след?!

Уши душ обложены, как ватой
Облаков в сыром тумане дня...
Я кричу. И я не виновата,
Если вы не слышите меня.

Я вырвусь за эти страницы
Ещё не написанных книг,
За эти тиски и границы
Режимов, орбит и вериг,
Из ряски, не ведавшей риска,
В миры беззаконных комет,
Куда мне и ныне, и присно
Ни хода, ни выхода нет.

*Я пишу никуда,
потому что сама я нигде.
И.Лиснянская*

Чья вина или Божья немилость
В том, что место мое так убого,
Что под солнцем не уместилось?
Где родилась – не пригодилась.
Числюсь разве что в списках у Бога.

Может, время такое крутое –
Не пробыёт его голос мой тонкий.
Я живу без минуты простоя.
Почему же нигде и никто я –
В этом пусть разберутся потомки.

***Все они умерли,
умерли, умерли***

Настало утро. Высь светла.
И жизнь играет туш.
А где же тьма? Она ушла
В потёмки наших душ.

Настанет темень – глаз коли.
А где же свет из дня?
Он там, куда уже ушли
Все, кто любил меня.

Все они умерли, умерли, умерли...
Молча плывут небеса.
В музыке улиц ли, в лиственном шуме ли –
Слышу я их голоса.

Сны свои для, задержать умоляю я
Свет беспощадный дневной.
Души родимые их оживляю я
Жизни своею ценой.

Ночь моя отчая, ты моя вотчина,
Там лишь слыву я своей.
Тени Аидовы досыта потчую
Кровью живую своей.

Насытился, Господь? Теперь доволен?
Ты получил сполна, чего хотел,
Напоминая звоном колоколен
О душах милых, отнятых у тел.

Глазами мёртвых небосвод унизан.
Лишь подойдёт вечерняя пора –
И вновь кому-то приговор подписан
Небрежным звёздным росчерком пера.

Всевышний души в невод неба ловит.
Ужасный рок вовек необорим.
Не знать, не знать, что нам ещё готовит
Грядущий день, не ведать, что творим...

Лес тонул в жужжании и гуле.
Пробовали горло соловьи.
Травки слабосильные тянули
Вверх существования свои.

А туманы плыли в небе белом,
Чтобы лечь на землю точно в срок.
Каждый занимался своим делом,
Выполняя Божеский урок.

Поднимались розовые зори,
Волны тихо бились о корму.
И до человеческого горя
Не было им дела никому.

Береза, вяз, акация, каштан,
От черных бездн дарящие отсрочку...
Какой порядок был им Богом дан –
В таком порядке и сложились в строчку.

Деревья – заменители утрат.
Мне что-то в них мерещится живое.
Отец и мама, бабушка и брат
О чём-то тихо шепчут мне листвою.

И, наполняясь бредом или сном,
Я возвращаюсь в прошлое, в начало...
Когда вы появились под окном?
Я раньше вас совсем не замечала.

Какой от вас целительный покой.
Балкон плащом укрыла тень густая.
И мне, чтобы достать до вас рукой,
Всего лишь шага в бездну не хватает.

Горе нарастает постепенно
Медленно растущей волной.
Сгоряча не слышишь перемены,
Что вошла и дышит за спиной.

После — как укол — воспоминанье...
Оттолкнёшь — и новый, дик и рван.
А потом — сплошной волной страданье,
И уже не чувствуешь острья.

Как звучит поэтично: «летальный исход»!
«Почему не летаем, как птицы?»
А за всем этим — хрип, трупный запах и пот,
Окровавленные тряпицы.

Кто придумал назвать так? Романтик? Эстет?
Чистоплюй, идиот или циник?
Верно, тот, кто не знал закатившихся век
Или онкологических клиник.

Ты умирал на пике декабря.
Зачем мне Бог, не знавший милосердья?
И это сердце, бывшее зря,
Раз не могла отнять тебя у смерти?

Часы спешили, учащая бег,
И обещая обновление судеб.
А снег летел в грядущее, в тот век,
Где нас с тобой вдвоём уже не будет.

Любить в прошедшем времени нельзя.
Как примириться с этою дырою,
В которую всё сыпется, скользя,
Лишь только человек глаза откроешь?!

Застыли стрелки в замкнутом кругу.
Как будто навсегда заледенели.
Я это помнить больше не могу,
Блуждая здесь среди людей, теней ли.

Глазами звёзд глядишь над головой.
Стволы дерев – как чей-то мёртвый остов.
И сквозь меня могильною травой
Растут слова, пронизывая остро.

Как не хватает мне отца,
Его фигуры и лица,
Его видавшей виды шляпы
И слова ласкового «папа».
Парки расплетается клубок.
Тычется комочек в левый бок.
Этой нити вечно виться, длиться.
Прежних дней струится вереница...
«Снег, идущий миллионы лет»,
Миллионы раз мне скажет: «нет».
Тысячи безжизненных снежинок
Мне напомнят тысячи ошибок,
Что поправить нам уже нельзя.
Я иду по памяти, скользя.
Но сквозь лёд кромешной мерзлоты
Вновь упрямо проступаешь ты,
Как черты на мокром фотоснимке,
Где с тобой лицом к лицу в обнимку.
Ты, облетевший календарь,

Тем днём опять меня ударь,
Когда лежал, объятый тьмой,
Глухонемой, уже не мой...
Задую памяти свечу.
Я больше помнить не хочу!
Но опять встаёт свеченье дней,
Где ты чем далече, тем родней...
И, сердце стиснувши в горсти,
Хочу хоть что-нибудь спасти
Из людоедской пасти времени
И унести с собой из темени.
Ты превратился в скрип дверной,
В стук веток, ветра вой ночной,
В звезды вечерней слабый свет,
В далёкий чей-то силуэт,
В скупую горсточку кутьи,
В свои заметки и статьи,
В волну на волжском берегу,
В сиротство, жалость и тоску...
Январь мне с каждым годом всё страшней.
А ты мне всё нужнее и нужней.
Известие о смерти лживо.
Ты жив. Всё помнится так живо.
Всё, что во мне тоскует и грустит
И что скорее жизнь мою скостит.
Я приду к тебе подземным ходом,
Приплыву по Волге пароходом.
Подземный ход –
Под зимний лёд,
Под сотни дней,
Замёрзших вод.
Вчерашний снег,
Вчерашний день,
Что зазвенит –
Едва задень,
И отзовется эхом вдаль
С ума сошедший календарь.

Зову тебя. Ау! – кричу. – Алё!
Невыносима тяжесть опозданий,
Повисших между небом и землёй
Невыполненных ангельских заданий.

Пути Господни, происки планет,
Всё говорило: не бывает чуда.
Огромное и каменное НЕТ
Тысячекратно множилось повсюду.

Ты слышишь, слышишь? Я тебя люблю! –
Шепчу на неизведанном наречьи,
Косноязычно, словно во хмелю,
И Господу, и Дьяволу перечу.

Луна звучит высоко нотой «си»,
Но ничего под ней уже не светит.
О кто-нибудь, помилуй и спаси.
Как нет тебя! Как я одна на свете.

В альбоме старом дремлет времечко,
Где каждым мигом дорожу.
Ещё я маленькая девочка,
И за руку тебя держу.

Дрожу над этой фотографией,
Где я ещё пока твоя,
И где на фоне печки кафельной –
Вся наша целая семья.

И в доме мирный был уклад ещё,
Ещё церковью не пел хорал,
И незнакомо было кладбище:
Никто ещё не умирал.

Где ты? Где воды Стиксовы
Твой охраняют покой?
Там, где тебя настигну я
И припаду щекой?

Или вот это жалищее,
Запёкшееся в груди –
И есть твоё обиталище
Последнее на пути?

Твоё запасное вместилище,
Твой выход на этот свет?
Но знаю душою стынувшей,
Что утешения нет.

Вся наша целая семья

В недоступное измерение
Ты ушёл, от земли отчалив,
И каким-то глубинным зрением
Я гляжу на тебя, отчаясь.

В царстве сна, в государстве памяти
Наши встречи с тобою грустны.
Давит на сердце тяжесть каменная,
Мне не выбраться из-под груза.

Фотокарточка на надгробии.
Взгляд невыспавшийся, усталый...
Отраженье твоё, подобие
На земле без тебя осталось.

На удочку – ах! – уличного сходства
Попалась, уличив себя в тоске.
И жизни поступь, прерывая ход свой,
Споткнулась, как о камень на песке.

И сердце кровоточило и билось,
Как пойманная рыба из тенет.
Душа моя, тоска моя забыла,
Что уж давно тебя со мною нет.

Как под окном деревья разрослись!
Как генеалогическое древо...
В тот год, когда вы с мамой развелись,
Ты приходил ко мне домой по средам.

Мне этот день все годы душу грел.
Ты покупал мне сок и шоколадку.
Я ела и читала. Ты смотрел.
И это было нам обоим сладко.

Чужая радость больше, чем своя...
По ней сейчас справляю я поминки.
Деревья облетевшие стоят,
Как наших душ рентгеновские снимки.

Этот месяц, полный тьмы,
Полный холода и горя,
Где с тобой расстались мы,
Тишины не переспоря...

Как живётся там тебе,
За седыми небесами,
В муке ль, радости, мольбе –
Сны мои расскажут сами.

Так же там ты одинок ль,
Как при жизни был со мною?
В перевёрнутый бинокль
Вижу давнее, родное.

И, с тобою говоря,
Вижу то ли явь, то ль сны я:
Смерти мёртвые моря,
Чёрный ход в миры иные...

Боль родства пронзит иглой,
Но не шить, как ни пыталась,
То, что разорвало мглой,
Что, как связь времён, распалось.

Шрам от месяца кривой –
Словно рана ножевая.
Не проходит ничего.
Ничего не заживает.

Очнись во мне хоть как-нибудь, хоть как-то,
Подай намёк, тончайший, как батист.
Веселье смерти, как упрямство факта,
Перехитри, ведь ты же шахматист.

В волнение Волги, в полуночном стук
В листке слетевшем, как благая весть, –
Очнись от сна, от смерти, от разлуки,
Подай мне знак, что ты на свете есть.

На небе полночном горят письма.
Я в смутной тревоге гляжу из окна.
Пытаюсь прочесть это, как в полусне.
Я знаю, что это написано мне.

Пulsирует небо мне звёздной строкой.
В ответ неуверенный взмах мой рукой.
И слезы глаза застилают, слепя.
Я знаю, я помню, я вижу тебя!

Вся я родом из нашего общего прошлого,
Из тебя выросшая, тобою проросшая.
Но глядят на меня небеса пустоглазо,
И ни внять, ни унять одинокого гласа.
То, что было отброшено, запорошено –
То теперь всего ближе, всего дороже мне.
Как же жить мне с этой зияющей брешью,
Не обнявшей, не выплакавшей, не обретшей?

Уж зима, как твои, мои волосы выбелила,
А не сгладилось, не забылось, не выболело.
И зависли бессильно меж бездной и высью
Запоздалых стихов безответные письма.

Письмо отцу

Ветер или ты листы колышешь?
Пробирает медленная дрожь.
Почему-то знаю, что услышишь.
Как-нибудь по-своему прочтёшь.

Нет тебя давно у нас в квартире.
Где же в этом мире ты теперь?
Каждый вторник, как пробьёт четыре,
По привычке я смотрю на дверь.
Как наш Денди прыгал, обезумев,
В нетерпенье свёрток теребя!
Ты ещё не знаешь: Дендик умер.
Ровно через год после тебя.

Стало страшно выходить из комнат, –
Вдруг споткнусь внезапно при ходьбе:
Кто-то обязательно напомним
Мне тебя на улице в толпе.

Твои книжки выстроились ровно,
Говорят со мной наперебой.
Детские стишки мои, любовно
Все переплетённые тобой.

Письма, и статьи твои, и речи –
Не волнуйся, всё сохранено.
Я лишь в ожиданье нашей встречи
Поняла, что мы с тобой – одно.

Ты приснишься мне на день рожденья?
В небе ковш изогнут, как вопрос.
И твоё реальное виденье
Проступает сквозь завесу слёз.

Из кривых и прыгающих строчек
Словно перекидывая мост,
Вижу твой замысловатый росчерк,
Вижу руку с родинками звёзд.

О тебе узнаю всё из сна я.
Как тебе в обители иной?
Я тебя ничуть не вспоминаю.
Просто ты по-прежнему со мной.

Какое странное посланье...
Скользят туманные слова
И уплывают в мирозданье,
Блеснув прозрением едва.

Глухие завеси сомкнулись.
Строка размыта, неясна.
Мы вновь с тобою разминулись
В дремучих коридорах сна.

Тот шифр моею кровью набран,
Но тщетно силюсь до конца
Я разгадать абракадабру –
Посланье мёртвого отца.

Мне не прочесть, и не ответить,
И не дожидаться ничего,
И снова биться рыбой в нетях,
В тисках сегодня своего.

Мне снились фотографии отца,
Которых я ни разу не видала.
Держа альбом у моего лица,
Он всё листал, листал его устало.

Вот он младенец. Вот он молодой.
А вот за две недели до больницы...
Шли фотоснимки плавной чередой,
И заполнялись чистые страницы.

Вот с мамою на лавочке весной.
Как на него тогда она глядела!
Вот лестница с такою крутизной,
Что на неё взобраться – было дело.

Но ведь давно уж нет того крыльца...
И вдруг в душе догадка шевельнулась:
– Так смерти нет? – спросила я отца.
Он улыбнулся: «Нет». И я проснулась.

Опять между нами беседа ведётся немая.
Теперь ты навеки в моей растворился крови.
Ведь смерть ничего у нас, в сущности, не отнимает,
Она сообщает лишь новую форму любви.

А равно и жизни... И слышу твой голос я снова,
Срывая с души наложенные временем швы.
«Мне кажется, – Пушкин писал Александре Смирновой, –
Что мёртвые могут внушать свои мысли живым».

Не знаю, как выразить это понятно и точно...
Что смерть? Это просто привычное миру ЧП.
К тебе припадая, впадаю я в первоисточник.
Тебя навещая, я лишь возвращаюсь к себе.

Как поздно я выучилась любить.
Не вылечиться, не умереть, не забыть.
И кто разрешит безбилетный проезд
В страну из руин и разверзшихся бездн?

Как ни затыкай эти дыры платком –
Повсюду нездешним несёт холодком.
Устала писать я стихи в никуда,
Которые ты не прочтёшь никогда.

Устала я кликать на том берегу
И каждое лыко ставить в строку.
Я так не могу. И не так не могу.
Беззвучен мой голос, и сердце в снегу.

*Так я понял: ты дочь моя, а не мать,
Только надо крепче тебя обнять...
Б.Рыжгий*

*Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.
А.Блок*

Девочка на донышке тарелки.
Мама: «Ешь скорей, а то утонет!»
Ем взахлёб, пока не станет мелко.
К девочке тяну свои ладони...

А теперь ты жалуешься, стонешь.
Обступили капельницы, грелки.
Я боюсь, боюсь, что ты утонешь,
Как та девочка на дне тарелки.

И, как суп тогда черпала ложкой,
Я твой вычерпываю хвори.
Мама, потерпи ещё немножко,
Я спасу тебя из моря горя.

Ты теперь мне маленькая дочка.
Улыбнись, как девочка с тарелки.
В ту незабываемую ночь я
На часах остановила стрелки.

Мне стыдно это рифмовать.
В груди как жало – боль и жалость.
Ещё хранит тепло кровать,
Где ты беспомощно лежала.

Как ты мне силилась сказать
Слова, что я не понимала...
Последний взгляд в твои глаза,
И поцелуй, и крик мой «мама!»
Ночами звать и тосковать,
Как в лагере когда-то летом...
Мне стыдно это рифмовать.
Чудовищно – пером – об этом...

Я задыхаюсь в боли и вине.
Нет слов таких ни в русском, ни на идиш.
Настало утро, а тебя в нём нет.
Пришла весна, а ты её не видишь.
Кому теперь нужна я на земле?
Всё, что любила, съедено могилой.
Всю жизнь жила и нежилась в тепле,
И вот стою в степи пустой и стылой.
Я выучусь стареть и умирать.
Теперь уже мне ничего не страшно.
И помнит только старая тетрадь
Про наш с тобой счастливый день вчерашний.

Никак не привыкну, никак не привыкну,
Что больше к тебе никогда не приникну,
Что больше твой голос уже не услышу.
Лишь ветер траву на могиле колышет.
Уже никогда мне не вымолвить «мама»,
Не быть самой лучшей и маленькой самой.
Мне утро не в радость, мне солнце не светит.
Впервые одна я осталась на свете.

Но как же мне отнять тебя, отгаять?
Ну не могу я там тебя оставить!
Я лестницу воздушную сплету
Из слов твоих, из снов моих и слёз,
И ты её поймашь на лету.
Я это говорю почти всерьёз.
По лестнице карабкаюсь я к Богу,
И, кажется, совсем ещё немного...
Но в сторону относит ветер времени,
И тонешь ты опять в кромешной темени.

Просила ты шампанского в тот день.
И это вовсе не было капризом, –
Судьбе обрыдлой, вьёвшейся беде
Бросала ты последний дерзкий вызов.

Пила напиток праздных randevu
Через соломинку. Рука дрожала...
Соломинка держала на плаву.
Но надломилась, но не удержала...

Шампанского я век бы не пила.
Как жить, тебе не нужной, бесполезной?
Ведь ты моей соломинкой была
Над этой рот разинувшею бездной.

Не снимая, ношу твой халат,
Словно так я к тебе буду ближе.
Мерных дней набегающих лад
Никогда эту боль не залижет.

Ты – во всём, что я вижу вокруг.
В каждом звуке – щемящая нота,
В каждой вещи – тепло твоих рук,
След твоей неустанной заботы.

По утрам я спешу на балкон, –
Там акация веточкой машет.
Я здороваюсь с нею тайком,
И не так уже день этот страшен.

Мама, я тебя слышу едва...
Что сказать ты в ту ночь мне хотела?
Я почти угадала слова,
Что листвою ты прошелестела.

Вот колокольчик. Ты в него звонила,
Когда меня хотела поздравить.
Теперь твоя кровать – твоя могила.
А мне могилой без тебя – кровать.

Вот колокольчик на лугу зелёном.
Мне кажется, я слышу звон стекла...
И воздух колокольным полон звоном –
То по тебе звонят колокола.

Дом твой на Сакко-Ванцетти
Я обхожу стороной.
Страшно при солнечном свете
Видеть балкончик родной.

Здесь ты, прикрывшись от солнца,
Долго смотрела мне вслед.
Сердце моё разорвётся,
Взгляд твой не встрети в ответ.

Страшно окошко слепое –
Словно бельмо на глазу.
Ты уплыла в голубое.
Я погибаю внизу.

Как ты меня просила:
– Поговори со мной!
Теперь полна бессильной
Душа моя виной.

Спешила, торопилась,
Попозже, как-нибудь...
Слабее сердце билось,
Твой завершался путь.

Как я потом молила –
Скажи хоть слово мне!
Лишь губы шевелились
Беззвучно в тишине.

Но слов твоих последних
Мне донесло тепло
С балкона ветром летним
Акации крыло.

И что шептала мама
Мне веточкой в окне –
До боли понимала
Душа моя в огне.

Поскрипывает мебель по ночам.
Я чувствую сквозь сон, что это мама.
И где ей быть? Здесь дом её, очаг.
Я верю в это сладко и упрямо.

Молчи, молчи, скрывайся и таи...
Кому расскажешь эту боль и счастье?
Любовь умерших в воздухе стоит
И охраняет нас от всех напастей.

Она во всём, что дышит и звучит –
В весенней трели, яблоневом цветке.
Слетают с неба шорохи в ночи,
Бесследно исчезая на рассвете.

Всё не идёт из головы
Звонок, что был на той неделе.
А в трубке словно ветер выл
И слышно было еле-еле.

Сначала ты кричал: «Алло !»,
Пожав плечами: «Чья-то шутка?»
А я застыла за столом,
И отчего-то стало жутко.

Опять звонок. Я подхожу,
Чтоб, наконец, поставить точку,
И сквозь далёкий гул и шум
Вдруг слышу слабенькое: «Дочка...»

Ошибка? Продолжение сна?
Иль чей-то розыгрыш безбожный?
А вдруг возможно то, что нам
Всегда казалось невозможным?!

Поверить в воскрешённый прах?
Слыть мракобесом и невеждой?
Но до сих пор во мне тот страх,
Перемешавшийся с надеждой.

Снился мамин голос в телефоне.
Он дрожал, чуть брезжил, дребезжал.
И в мембране, как свечу в плафоне,
Детство моё хрупкое держал.

Вспыхнуло, схватив за сердце люто,
Прошлое, омытое слезой.
Снова я была твоей малюткой,
Девочкою с бантом-стрекозой.

– Я маленькою видела тебя.
Какой был сон ужасный... Что он значит? –
Чуть свет звонит, мембрану теребя. –
Как ты, здорова ль, доченька? – И плачет.

Никто так не любил своих детей,
Так слепо, безрассудно, так нелепо,
Бездумно, без оглядки, без затей...
За что тебя мне ниспослало небо?

А мне всё снится: набираю твой
Я номер, чтоб сказать, что буду поздно,
Мол, спи, не жди... А в трубке только вой
Степного ветра, только холод звёздный.

И просыпаюсь... Горло рвёт тоска.
В ушах звучат твои немые речи.
Как от меня теперь ты далека,
Как долго ждать ещё до нашей встречи.

О стрелок перевод назад!
Какой соблазн душе,
Тщета отчаянных надсад
Вернуть, чего уже

Нам не вернуть... Но – чудеса! –
Замедлен стрелок ход.
Ах, если бы ещё назад
На час, на день, на год...

Карман вселенной прохудится,
Дыру во времени разъяв,
И я впорхну туда, как птица,
И прошлое вернётся в явь.

Я проскользну в ушко иголки,
Эпохи, вечности, судьбы,
Прильнув щекой к твоей заколке.
Ах, если бы, ах, если бы...

Хоть всё, что есть, поставь на кон,
Все нити жизни свей,
Но не перехитрить закон
Тебе вовек, Орфей.

Деревьев-церберов конвой
Не проведёт туда,
И профиль лунный восковой
В ответ ни нет, ни да.

Рассвет поднимет белый флаг
Как знак, что всё, он пас,
Чтоб Тот, кто вечен и всеблаг,
Не мучил больше нас.

Как страшно никому не верить,
Ромашек лепестков не рвать,
Души окованные двери
На стук чужой не открывать.

Страшнее, если их откроешь –
И будет некому войти.
Лишь ветер над пустою кровлей
Закружит листьев конфетти.

Отец – каштан, а мама – акация,
Над балконом простёрли кисти.
Это не бред, не галлюцинация,
Но я слышу, что шепчет листик.

Слова не нужны. Важна интонация.
Как для сердца нужно немного!
Шумит навстречу мне мама-акация,
И я слышу заботу, любовь, тревогу.

Каштан – тот сдержанней. Но я всматриваюсь:
Вот чуть дрогнула ветка справа.
И сердце впитывает всё, как матрица.
Каждый жест их – и радость, и рана.

Они – не вместе. Она – красавица.
Он – насуплен, как будто в гневе.
И только кронами соприкасаются –
Там, высоко, в поднебесье. В небе.

Стихотропные средства
Не помогут уже.
Век нести тебе крест свой,
Этот груз на душе.

Лишь могильная яма,
Где дороги конец –
Вместо тёплого «мама»
И родного «отец».

То, что отцом и мамой
Было – в глубокой мгле.
«Было» – одно из самых
Страшных слов на земле.

Не даст утолить мне жажду
Подземная эта стезя –
Поток, в который не дважды –
Однажды войти нельзя.

И хочется мне завести
Над чудищем вековым.
Из этой реки не выйти
Не только сухим – живым.

Не так уж видно стара я,
Что смерть меня не берёт.
Тоска без конца и края,
На тысячу лет вперёд.

**Мама –
Ираида Григорьевна
Кравченко**

**Отец –
Максим Максимович
Тетельбаум**

На кладбище

Брату

И снова на родной земле я,
Где убираю и полюю,
Где плачу, думаю, жалею
И так мучительно люблю.

Здесь тайна в воздухе витает
И тихо, как перед концом.
И фотокарточка цветная
С твоим смеющимся лицом.

По телефону с кем-то шутишь,
Своей не ведая судьбы...
Ты никогда уже не будешь.
Осталось лишь, каким ты был.

Я Богу не даю обетов,
На землю небо променяв,
Но чувствую, что есть ты где-то,
Что ты всё знаешь про меня.

Спешу опять по той аллее,
Мимо могилы Цымбалюк,
Чтобы сказать, как я жалею
Тебя, как я тебя люблю.

Спешу я к родной могилке
Исхоженной тропой.
Тринадцатая развилка
От будки сторожевой.

Кладбищенская ограда –
Награда за всё в тиши.
Ты – нищенская отрада,
Отрава моей души.

Не кладбище, а кладбище.
Размеренные ряды.
Пристанище и жилище,
Убежище от беды.

Очищу литьё от сажки,
Надгробие приберу.
Как будто лицо поглажу
И лоб тебе оботру.

И мертвецу надо ласки,
Как дереву и птенцу.
Анютины светят глазки.
Они тебе так к лицу.

А небо с чутьём вселенским
Заплакало вдруг навзрыд
Над кладбищем Воскресенским,
Где брат мой родной зарыт.

Этот дождь над твоей могилой,
Неожиданный, как поцелуй...
Что хотел ты сказать мне, милый,
Этим бурным потоком струй?

Ах, оставь, мол, свой пыл рабочий,
Брось лопату и семена.
Вспомни дворик наш на Рабочей,
Наши детские имена...

Я сначала была в досаде –
Как не вовремя этот дождь!
Помешает моей рассаде,
Весь участок травой заросш...

А потом поглядела в небо,
Где ни облачка и ни туч.
Дождик шёл так светло и слепо,
Пробиваясь сквозь солнца луч.

Моё сердце им было взято.
Он был родом из синевы,
Из далёких шестидесятых,
Из Данелиявской Москвы.

Так стремился к земле, так страждал,
Словно мог, напоив листву,
Утолить мировую жажду
По утраченному родству.

Что мне эта рассада, что мне...
Я услышала Божий глас.
Словно ты мне хотел напомнить
Обо всём, что главное в нас.

Старший брат Лева. Трагически погиб
30 мая 1969 года

Ослабилось кладбище, рвы разевая.
Его убажает здесь нежность живая.
Холодную землю укроет веноч –
И мёртвый уже не вполне одинок.

Пушистое, тёплое слово «Елшанка».
Измученных путников жизни лежанка.
Нас всё убывает, а их большинство,
И смерть здесь справляет своё торжество.

На мраморе белом – две чёрные даты.
«Спасибо, что был в моей жизни когда-то».
Здесь каждый хоть кем-то посмертно любим.
«Навеки с тобой». «Не забудем. Скорбим».

Всё дальше, слабее их отзвук и свет, –
Родные, любимые, давние лица.
А сны всё не знают, что их уже нет,
Лишь сны не хотят и не могут смириться.

И там, продираясь сквозь толщу и тьму,
Лелею тот миг окончания бегства,
Когда догоню, припаду, обниму,
«Ну вот, наконец-то, – скажу, – наконец-то!»

Ждѣшь Божьего ответа,
Как быть нам тут, живым.
Но отвечает небо
Молчаньем гробовым.

Сиреневые сумерки
Окутывают лес.
«Мы живы, мы не умерли», –
Мне слышится с небес.

Их души за нами следят
Там, за небесами.
Цветы на могилах глядят
Любимых глазами.
Деревья щебечут слова
Родных голосами.
О, как бы летела я к вам –
Морями, лесами...

Я, как наледью, скована памятью

Я, как наледью, скована памятью...
И встаёт из глубин снеговых,
Запорошенный пылью и заметью,
Город мёртвых и город живых.

Здесь пространство и время распорото,
Ариаднина тянется вязь.
Меж реальным и призрачным городом
Существует незримая связь.

Я кружу над своими утратами...
Мир единый распался на два.
Словно в оба кармана запряваны
Одного пиджака рукава.

Каждый смертный, коль любит и помнит он,
Здесь отыщет родные сердца.
Жизнь и смерть – это смежные комнаты
Одного ледяного дворца.

Все свободно тут перемещаются,
Ведь для душ не бывает границ.
А туман всё плотнее сгущается,
Растворив очертания птиц.

Старые, беспомощные, мёртвые,
Вы ко мне приходите во сне.
Лица ваши, в памяти не стёртые,
С каждым годом ближе и ясней.

В лунном свете, мягком и рассеянном,
А не в беспощадном свете дня,
Вижу ваши я черты осенние,
Греясь возле них, как у огня.

Только вы поймёте, как устала я
Без родных и близких, без семьи.
Светят в небе зори запоздалые.
Милые вы, мёртвые мои.

Моё коммунальное детство,
Где кухня на двадцать семей,
Где утро, несущее свет свой,
И в небо взлетающий змей,

Прыгучий без усталости мячик,
Дворовая дружба навек...
Куда же потом это прячет
Усталый большой человек?

О ангелы, – крикну с тоскою, –
Назад прокрутите кино!
Там что-то осталось такое,
Забывшее мною давно...

Мне холодно. Хочется детства.
Какая блаженная бредь:
Уткнуться, прижаться, согреться...
И тоже кого-то согреть.

У Бога в значке есть тихие улочки детства.
От прошлых богатств они нам остаются в наследство.

Отрою в душе напорошенной тайную нишу,
Заснеженных дней вереницу, как жемчуг, нанижу.

Вот улица первой песочницы, первых качелей.
Вот улица первых уроков, что мы получили.

Асфальт на квадратики снова поделенный мелом,
И целит в них камешком девочка в фартучке белом.

Ах, что там за той обозначенной мелом чертою?
Сменяются белые фартучки белой фатою.

Журавль улетает из рук, остаётся синица.
И долго ещё эти улицы будут нам сниться...

Цветастое кресло, облезлый буфет
Я не позабыла за давностью лет.
Кровать заменявший тяжёлый сундук,
Машинки отцовской полуночный стук.

Протаю в душе, продышу озерцо –
Там мамы ещё молодое лицо.
Я памяти печку стихами топлю,
Чтоб жили там вечно, кого я люблю.
Засуну себя в огневое дупло –
И снова, как в детстве, мне будет тепло.

Клеёнка. Маслёнка.
В тарелке салат.
Хранит фотоплёнка
Семейный уклад.

Торопится мама,
Пришла на обед.
Ах, боже мой, сколько же
Минуло лет!

Отец с фотокамерой
Щёлкает: «бзык!»
Я дерзко ему
Показала язык.

А мама смеётся,
Не видя в том грех.
Сквозь годы несётся
Ко мне её смех.

На маме гребёнка,
Цветастый халат.
Хранит фотоплёнка
Бесценнейший клад.

Пароходик у причала.
Я пристроюсь на корме.
Жизнь – у самого начала.
Всё грядущее – во тьме.

Спозаранку, спозаранку,
Когда спит ещё весь дом,
На Сазанку, на Сазанку
Мы по Волге поплывём.

Кудри треплет свежий ветер,
Волны пенятся внизу.
Через три десятилетия
Я всё это пронесу.

Как недолго, как недолго
До конца того пути...
В эту Волгу, нашу Волгу
Мне уж дважды не войти.

Стасику

Я помню, каким ты был маленьким,
Когда привезли тебя в дом
В конвертике с лентою аленькой,
Я помню ещё, как потом

С отцом забирали из садика,
Укутанного до бровей.
Ладошку любимого братика
Я крепко держала в своей.

Сама ещё прыгала в классики,
Но ёкало сердце порой
При мысли, что стала я Стасику
Не кем-то, а Старшей Сестрой.

**Младший брат
Стасик**

**Он же 30 лет спустя. Станислав Максимович Зайцев,
почетный адвокат России**

У прошлого снега не выпросишь,
И далью становится близь.
Мне грустно, что розно мы выросли,
Что наши пути разошлись.

Давно уж не носишь ты валенки
И мячик не мечешь в траву,
Но помню, каким ты был маленьким,
И именем детским зову.

Брат мой, близкий и чужой,
Боль души моей живая,
Та, что, как железо ржой,
Гложет, не ослабевая.

Не отрезанный ломоть,
Не слетевший с ветки листик, –
Так саднит пустая плоть
Ампутированной кисти.

Сожаления и сны,
Память детства, крови, тела, –
Для чего вы мне даны?
Может, надо, чтоб болело?
Чтоб зола моей вины
В очаге потухшем тлела.

Мне город Шахты видится сквозь дни,
Откуда родом пол моей родни,
Где я сама ни разу не была.
Всё поглотила медленная мгла.
Писала письма бабушка куме:
«Купили холодильник мы к зиме».
Каракулей старательная вязь.
Звено в цепи... Вре́мён цепная связь
Оборвалась под тяжестью потерь.
Как не хватает мне её теперь.
Далёкие золовки, кумовья,
Моя необрётённая семья!
Где та моя вода на киселе,
Бывавшая всегда навеселе?
Я ваш Иван, не помнящий родства,
Стеснявшийся смешного кумовства,
Опомнившийся в диком шалаше,
Тоскующий по родственной душе.
На редких фото – смутные черты,

Знакомые мне профили и рты.
Где вы теперь? Повсюду и нигде.
Расходитесь кругами по воде...
Кисельные мне снятся берега,
Неузнанные речки и луга.
Уносят вдаль два белые крыла
Печаль по тем, кого не обрела.

Моя бабка, донская казачка, красотка, горячка,
Из тюрьмы убежала в Саратов с другим уже мужем.
А мой дед крепко запил и умер от белой горячки,
Оттого, что ни ей и ни детям остался не нужен.

Лишь одна фотокарточка в доме моём уцелела:
Бабка с длинной косой, дед – усатый и молодцеватый.
И другого я деда застать на земле не успела –
Был расстрелян – как все, ни за что –
в Сталинграде в тридцатых.

Вот такая моя неизвестная мне родословная –
Не дворянская – бедная, нищая и уголовная.

От рожденья дано мне судьбой дорогое наследство:
Дарованья, грехи и ошибки, хранимые в генах,
Что пускали ростки незаметные с раннего детства
И отмщались в жизни моей до седьмого колена.

Не грущу о своей родовой непричастности к знати,
О фамильных гербах – принадлежности князей из грязи,
А о том лишь жалею, что не довелось мне узнать их,
Что оборваны нити родные и кровные связи.

Всё родство – из намёков, догадок, из снов одиночества
И из щепок, летевших над лесом, порубленным дочиста.

Нет очевидцев той меня,
И значит, не было на свете
В ночи сгоревшего огня,
Что плачет, уходя навеки.

И значит, не было в миру
Той девочки босой, румяной,
Гонявшей обруч по двору,
Рыдавшей над письмом Татьяны.

Ни старой печки, ни плетня,
Ни сказочной дремучей чащи,
Раз нет свидетелей меня
Тогдашней, прежней, настоящей.

Цепь предков, за руки держась,
Уходит в тёмный студень ночи.
Времён распавшаяся связь
Отъединенность мне пророчит.

Протаиваю толщу льда
И жадно собираю крохи:
Мгновенья, месяцы, года,
Десятилетия, эпохи...

Законам физики сродни
Тот, что открылся мне, как ларчик:
Чем дальше прошлого огни –
Тем приближеннее и ярче.

Любовь, босая сирота,
Блуждает во вселенной зыбкой.
В углах обугленного рта
Застыла вечная улыбка.

Она бредет во мраке дней,
Дрожа от холода и глада.
Подайте милостыню ей.
Она и крохам будет рада.

*И горечь бытия, владеющую нами...
Гербрандт Бредеро, XVII век*

Бездомный мир за окнами пуржит.
Остекленевший взгляд домов напротив.
Как холодно без родственной души.
Бродяга-ветер за порогом бродит.

Никто не прилетит на лампы свет.
Привычно грудь сжимает боль тупая.
Я вырываюсь из контекста лет,
Я болевой порог переступаю...

Как тайна, вдруг открытая душе,
В озноб бросает страшная разгадка.
Холодных звёзд рассыпано драже.
Беспомощно нема моя тетрадка.

Всё у бережливой Мнемозины*
На заметке, на карандаше.
Там, в её загробном магазине,
Есть всё то, что надобно душе.

* Мнемозина – богиня памяти

А быть может, нет вестей оттуда –
От тупой беспамятности лба?
Оттого, что мы не верим в чудо?
Амплитуда вечности слаба?

Не доходят письма гробовые,
По пути рассеиваясь в дым...
Оттого ль, что мёртвым мы, живые,
Не нужны, как мёртвые – живым?

На Новом кладбище

Наконец-то выбралась я к маме.
Мрамор плит укутали цветы.
А вокруг таблички с именами
Утопали в зарослях густых.

Словно руки из земли простёрты
К тем, кого любили на земле.
Как же беззащитны тени мёртвых
В этом мире, тонущем во зле!

Памятник, ограда – как отрада,
Память поколений родовых.
А табличка – словно телеграмма
Мёртвым душам тел ещё живых:

«Вспомните! Придите! Оградите!
Как нам одиноко тут без вас!»
Но никто не внемлет той обиде,
Заросли скрывают их от глаз.

И торчат таблички, как ладони,
Тянутся с кладбищенских полей.
Это те, кого совсем хоронят.
Те, кого не помнят на земле.

Тянешься ко мне стебельками трав,
Звёздочкой мигаешь мне за окном.
Жизнь мою ночную к себе забрав,
Ты ко мне приходишь небесным сном.

Я хожу по нашим былым местам,
Говорю с пичужкой, с цветком во рву.
Пусть тебе ангелы расскажут там,
Как я без тебя живу – не живу.

Твой пресветлый образ во всём вокруг.
Я тебя узнаю во всех дарах.
И надежда греет: а вдруг, а вдруг...
Пусть в иных столетях, в иных мирах...

Вновь гадалки дотошные
Потрошат легковерных дебилов...
Отгадайте мне прошлое!
Объясните, зачем оно было.

Веет будущность холодом.
Мило то, что исчезло из виду.
Там наивная молодость,
Там родимые тени Аида.

Я взываю к незримому.
– Ну чего тебе надобно, старче?
– Возврати мне любимое!
Отвори этот сказочный ларчик!

В нём сокровища кроются,
Избавленье от боли и горя...
Но Сезам не откроется.
Брошен ключ на дно синего моря...

Всё умерло. И только память
Прокручивает ленту дней.
О, как она умеет ранить,
Высвечивая, что больней.
Оно всегда, всегда со мною –
В груди залитое свинцом,
Твоё прощальное, родное,
Твоё смертельное лицо.
И, равнодушны, как природа,
Чужие лица плыли прочь,
Когда ты так бесповоротно,
Непоправимо канул в ночь.
О, если бы какой-то выход, –
Шальная мысль явилась мне –
Пусть это бред, безумье, прихоть, –
Счастливый лаз в глухой стене,
Забитый наскоро, небрежно
Заложенный кривой пролом,
Куда влетает ангел нежный

И аист шелестит крылом...
О, если б время заблудилось,
Споткнулось, сбилось бы с пути,
Как Божья шалость или милость,
И где-то там, в конце пути,
В какой-то путанице рейсов –
Вагон забытый, сам не свой,
Который бы умчал по рельсам
Туда, где ты ещё живой...
И окликают нас могилы,
И обступают всё тесней.
Я снова слышу голос милый
И вижу словно в полусне:
Бессмертным символом разлуки,
Весь мир навеки породня, –
Крестов раскинутые руки,
Которым некого обнять.

У декабря твои виски седые –
Проигранные с временем бои.
А у небес – глаза немолодые,
Похожие до боли на твои.

Не отыскать мне там тебя, как Герде...
Кого молить, как в сказке: «отдыши!»?
Никто не знает день грядущей смерти.
Я знаю смертный день своей души.

Он наступил, когда необратимо
Ты растворился в тёмной глубине.
Твоя могила здесь конспиративна.
Тебя там нет. Ты погребён во мне.

А жизнь души осталась там, за кромкой
Другого века, в дымке голубой,
И обернулась мукою негромкой,
Воспоминаньем пестующей боль.

Она сейчас всего лишь оболочка,
Как будто я сама себе лишь снюсь,
И жизнь – отсрочка, только проволочка
До той поры, пока соединюсь

С тобой. С самой собой. Не нужен повод
Отныне, чтобы плакать в тишине.
И – сквозь ночей спускающийся полог –
«Прощай, прощай и помни обо мне!»

Память, закоулки обнажи.
Ты пришёл... В своё садишься кресло.
Просишь наточить тебе ножи.
Всё, как было. Всё опять воскресло.

Вот тебе я супу налила,
Вот пирог разрежала на части...
Как же я тогда не поняла,
Что вот это-то и было счастье!

Между нами пролегли века.
Ты остался навсегда в двадцатом,
В уголке гранитного бруска,
Датами серебряными сжатым.

Хорошо наточены ножи.
Не заметишь – как уже в крови ты...
Ты не выжил. Я не в силах жить.
Счёт ноль-ноль. И мы с тобою квиты.

Я с тобою заживо живу,
Призрак твой пою своею кровью.
И люблю во сне и наяву
Самою бессмертною любовью.

Обман, ошибка, опечатка,
Сон заблужденья золотой...
Мой чёлн давно уже отчалил,
А ты – за гранью, за чертой,

За дымкой грозового мая,
Дождей косых и трав босых...
И жизнь уже не понимает
Животворящий тот язык.

В последний раз без слёз и страха
Прорву блокадное кольцо.
Из пустоты, из горстки праха
Восстанет милое лицо.

Внимаю музыке печали
И вижу парус вдалеке,
И ощущаю, как Вначале,
Дыханье Бога на щеке.

Забинтована снегом земля января,
Но любовь, словно кровь, проступает, горя,
И твой взгляд беззащитный надёжней хранит,
Чем могильные плиты, надгробный гранит.

Моё время прошедшее, ты не прошло,
Но впечаталось и семенами взошло.
Ты во мне каждой клеткой своей прорастёшь.
Ты теперь никуда от меня не уйдёшь.

Непрошедшее время не знает деленья
На минуты, года и на слово «давно».
Как пространство, огромное, во искупленье
Преступлений души нам даётся оно.

Неподвижное время, тяжёлое бремя,
Как Сизифова ноша средь ночи и дня,
Как всевидящий Аргус, чьё око не дремлет,
Свой бессонный зрачок не сводящий с меня.

Я знаю, истина в вине.
Не в том, что плещется на дне –
В неискупаемой, нетленной.
Она лежит на дне души.
Ей тяжело дышится в тиши.
Она одна во всей вселенной.

Неутолимая печаль
Меня терзает по ночам.
Кому поведать? Богу? Людям?
И я бреду в своём аду
И повторяю, как в бреду:
«О, как убийственно мы любим!»

Ночной звонок: «Алё! Алё!»
И мысль безумная мелькнёт:
А вдруг твой голос я услышу?
Раздастся в дверь тревожный стук,
И – сердца вздрог: а вдруг? а вдруг?!
Но это дождь стучит по крыше.

Плесну в бокал себе вино.
Но, словно кровь, оно красно.
Мы пьём и пьём хмельное зелье,
Не понимая, что хмельны
Не от вина, а от вины,
И будет ужасом похмелье.

Пройдёт сто лет, сто раз по сто...
Ничто не сгладится, ничто!
Она навек со мною слита,
Как горб проклятый за спиной.
О, как в сравнении с виной
Легка и сладостна обида!

Вина даётся нам сполна.
Её не вычерпать до дна.
И каждый день мой ею мечен.
Я от неё не излечусь.
Я с ней вовек не расплачусь.
Хотя платить уж больше нечем.

Я знаю истину: она
Для понимания трудна,
Пока не бьёшься в искупленье.
Я знаю, что такое Бог.
Бог – это боль, что он исторг.
И – искупленье, искупленье...

Снег

Медленный, тихий, небесно-жемчужный,
Светлый мой Снеже, сеятель рая,
Кружишь над жизнью моею недужной,
Слабым свеченьем в ночи догорая.

Боль мою нянча, врачуя, бинтуя,
Еле касаясь серебряных клавиш,
Шепчешь мне в душу молитву святую,
Прошлое в вечное переплавляешь.

Тем, кто ушли по незримой дороге
Или бредут ещё к звёздному лугу –
Всем одинаково стелешь под ноги
Млечную выюгу Полярного круга.

Мёртвые, переключаясь с живыми,
Нас окружают нездешней любовью.
Звёздами выткано каждое имя
В книге души, побелевшей от боли.

Я беру, как собака, след,
Пробираюсь к далёкой Лете я.
Я ищу прошлогодний снег,
Свет ушедшего в ночь столетия.

Вижу вещей сон наяву,
Словно Пруст, неразлучна с комнатой.
Я который уж год живу
С головою, назад повёрнутой.

Мне прошлое дышит в затылок.
А я обернулась – и вот
На долгие годы застыла.
Не я, а оно лишь живёт.

Скорее очнуться, проснуться...
Но смерч настигает, грозя.
Нельзя мне к нему обернуться.
И не обернуться нельзя.

Прошлыми днями, как льдами, затёртый
И изуродован скукою мёртвой,
Стынет кусок уходящего дня.
Вечер сгустился. Дыхание спёрто.
Дверь сторожит меня, как западня.
Ночь заползает вкрадчивой коброй.
Лысина лампы светит недобро.
Вещи в разладе, отбились от рук.
Воспоминанья. Чудище обло...
Стен тупиковость. Замкнутый круг.

Моя душа распята, проклята –
Сплошная ахиллесова пята.
Но вновь назад к самой себе тянусь.
Окаменею, коль не обернусь.

Я в прошлое, как в шахту, опускаюсь.
Я из него уже не возвращусь.
Невозвращенкой среди вас живу.
Но только это держит на плаву.

Под воду океана времени
Уходят наши города
С людьми, домами и деревьями –
Всё погребает волн гряда.

Корабль в пучину погружается,
Стирая след земных примет,
А память бьётся и сражается
За каждый крохотный предмет.

И я – ловец земного жемчуга,
Высматриваю там, на дне –
Вот чей-то голос, речь, вот жест, рука,
То, что всего дороже мне.

Всё холоднее волны памяти,
Всё дальше и опасней дно...
Попробуйте – а вдруг достанете
То, что ушло от вас давно.

*Я говорю с тобою, друг заочный,
на только нам понятном языке.
В.Ходасевич*

Души легко переходят границы.
Их разделить невозможно ни в жизнь.
Снова назад я листаю страницы
Книги своей под названием «Жизнь».

Я рассекаю секунды, как волны,
Властно вторгаясь в минувшие дни.
Воспоминаньями светлыми полны,
Кругом спасательным держат они.

Вот ещё капельку самообмана –
И достигаю заветной черты...
За пеленою ночного тумана
Я различаю любимых черты.

Словно вслепую идёт опознание,
И повторяю, скорбя и любя:
«Помню тебя до потери сознания,
Помню тебя, и тебя, и тебя!»

Если мы ищем – то, значит, обрящем.
Если мы любим – то, значит, живём.
Нет, вы не в прошлом, а вы в настоящем,
В будущем нерасторжимо моём.

Губы свежа виноградным и мятным, –
Он никому из живых незнаком, –
Я говорю с вами вам лишь понятным,
Но непонятным другим языком.

Вновь завывают холодные зимы.
Нет на пути ни души, ни огня.
Всё я живу как-то жизни помимо,
В сторону сносит куда-то меня.

Но ни на пядь, ни на краешек малый
Чёрному хаосу не уступлю
Папу и бабушку, брата и маму –
Всех, кого я и поныне люблю.

Когда умру, куда я дену вас,
Любимые, которых больше нету?
Останьтесь, схоронитесь про запас,
Как за щекой серебряной монетой.

Я кровью и слезами вас пою
И кутаю в тепло воспоминаний.
И живы вы, пока о вас пою,
Пока душа не скроется в тумане.

Как вам надёжно в памяти дворцах,
Уютно в детской сладких сновидений.
Я об одном молила бы Творца:
– Когда пришлѐшь Ты и за мной гонца –
Оставь в живых возлюбленные тени.

Безмолвные воды Стикса
Однажды вспугнѐт ладья,
В которой, навеки стихнув,
Уже буду плыть и я.

И вдруг с тоскою острожной
Взмолюсь: «Дорогой Харон!
Оставь мне память о прошлом,
Хотя бы её не тронь.

Не дай ей с водою слиться,
– ну вот тебе горсть монет, –
Оставь мне родные лица!»
Но он отвечает: «Нет».

Всѐ глуше тоска потери.
Плывѐт по волнам ладья.
Всѐ дальше и дальше берег,
Где душу оставляю я.

Запахи, звуки, шорохи, тени
Давних событий, прошлых волнений,
В памяти тая, как облака,
Нас окликают издалека.

Неуловимы и бессюжетны,
В хронике жизни всем не заметны,
Но в глубине сокровенно тая
Неизречѐнную суть бытия...

Наши земные очарованья,
Там, за размытой временем гранью,
На перепутье и на краю
Не покидайте душу мою!

Памятью детства, памятью крови
В час наш последний слетят к изголовью,
Став на мгновенье до боли ясны,
Запахи, звуки, тени и сны...

Пролетела весна мотыльковой беспечной мечты,
Лето знойной любви растворилось в березовых куцах.
Подступают к порогу, сужая кольцо пустоты,
Осень желтой тоски и зима моей смерти грядущей.

Я к небесным очам поднимаю с надеждой лицо.
Как же мне избежать этих дьявольских щупальцев страха?
Я пытаюсь прорвать роковое стальное кольцо,
Духи прошлой любви воскрешая из пепла и праха.

Сколь великую власть обретают простые слова,
Колдовское заклятье таится в глубинах порыва.
О любимые прежде! Пока я вас помню – жива.
И вы тоже – пока я люблю вас – по-прежнему живы.

Отступает в испуге когда-то попутавший бес.
Проступает в судьбе весь неправедный бред опечаток.
Души милых светло и прощающе смотрят с небес,
И хранится навеки в них мой молодой отпечаток.

Кому-то – посох жизнь моя,
Кому-то – камень преткновенья.
Кругом осколки бытия –
Времѐн распавшиеся звенья.

Сердечко часиков стучит,
Как будто в душу мне стучится,
О том, что больше ни в ночи,
Ни днѐм со мною не случится.

Улыбку натянуть на боль
И снова – в бой с самой собою.
Звучит над нищею судьбой
Клич памяти и зов любви.

Я слишком помню, чтоб забыть,
Люблю, чтобы возненавидеть
То, что с годами не избыть
И не убить любой обиде.

Пусть ранят острые углы
И отсекают, как аппендикс,
Но возродится из золы
Цветаевская птица Феникс.

Сумеречный вечер.
Я сию одну.
Путь далекий, Млечный
Виден из окна.

Утешеньем робким
Средь путей-дорог
У кого-то – водка,
У кого-то – Бог.

Злу и укоризне
Верить не спешу.
Отдохни от жизни
В логове души.

Пусть закружит вьюгой
Листьев чехарда,
Словно письма другу,
Письма в никуда.

Тихо сны витают.
Нежны и легки,
С неба опадают
Белые стихи.

Что бы ни случилось –
У тебя всегда
Памяти лучинка,
Как в ночи звезда.

Сладко, утоленно
Плакать от тоски.
И душе влюбленной
Это так с руки.

Эта ночь адресована мне.
Звёзды множатся, как многоточия...
Продолжение сказки во сне
Я увижу, услышу воочию.

Это Бог мне прислал письма
По ночному небесному адресу.
Я любимых своих имена
Прочитаю по звёздному абрису.

Если ты одинок – не грусти.
Нам во сне невозможно не встретиться.
До свиданья на Млечном Пути,
На Большой или Малой Медведице.

Между смертью и мною

Между смертью и мною
Баррикады из книг,
Из твоих поцелуев
И домашних вериг,

Из стихов и из писем,
И цветов на столе,
От чего так зависим
Каждый день на земле.

Но всё те же мы, те мы...
Лист в ладони дрожит.
Сочиненье на тему
«Как провёл эту жизнь».

Я бросаю монету,
Чтоб вернуться сюда.
Не войти в это лето,
Только Леты вода

Где-то тут, за спиною,
Достигает ушей...
Между смертью и мною
Так немного уже.

«Ещё не вечер» – не скажу уже.
Ещё не ночь. И каждый час всё слаще.
Но многое, что надобно душе,
Жизнь отложила в долгий-долгий ящик.
Быть может, в тот, в который мне сыграть...
(Прости, читатель, этот чёрный юмор.
Я не хочу, о други, умирать,
Как классик говорил, который умер).
«Две области – сияния и тьмы»
Бог примирит, перемешав, как соки.
Из серебристой краски и сурьмы
Родится вечер вдруг голубоокий.
Вот так бы примирить весь мрак и свет,
Что борются в душе моей, стеная.
Из всех остроугольных да и нет
Сложить «быть может», «кажется», «не знаю».
Вот так бы плавно жизнь свою суметь
Направить между Сциллой и Харибдой.
О, сумерки... Смеркается... И смерть
Вдруг снова подмигнула мне из рифмы.

День умирает молодым.
Он хочет жить и длиться,
Но тает, тает, словно дым,
Переливаясь в лица,
В деревьев смутный силуэт,
Домов размытый абрис.
С земли уходит белый свет,
Не сообщая адрес.

Ветер, мой побратим,
Вместе мы полетим
В край, где нас не бывает.
Чей-то плач позади.
Сверху молча глядит
Тот, кто всё понимает.

Когда идёшь по улице моей
До самого конца автостоянки,
Где дом стоит без окон, без дверей,
За ним – пустырь, разбросанные склянки,
Застывший кран, забывший, кто он есть,
Канав непросыхающее русло,
Забора покосившегося жёсть
И фонари, мигающие тускло, –
Такой метафизический тупик...
Так странно здесь, и жутко, и нелепо.
И показалось мне в какой-то миг,
Что это образ или даже слепок
Моей тоски... Иль мировой души.
Представьте только: мёртвый остов дома...
Провалы стен... Вой ветра... Ни души.
И ты идешь, как будто кем ведома
На этот обольстительный пустырь,
В клоаку смерти, сердцевину ночи...
Но Линда, мой собачий поводырь,
Идти сюда отчаянно не хочет.
Она переминается, дрожит
И тянет прочь меня, как в лихорадке...
Опять моя фантазия блажит.
На самом деле всё пока в порядке.

Я читаю Акутагаву.
И одно мне ясней всего:
До чего ж на душе погано
Было всё-таки у него.
Пустыри, харакири, морги,
Заспиртованные мозги...
Не сказала б, что я в восторге
От страниц этих, где ни зги.
Но порою его витийство –
Как оттуда благая весть...
«Платоническое самоубийство» –
В этом, право же, что-то есть.

Героизм бессребренных стрекоз.
Мотыльков безумных суицид.
За существования наркоз
Вдруг тебя охватывает стыд.

Телевизор, стол, плита, кровать –
Наши траектории пути.
Жизнь на полуслове оборвать,
Если дальше некуда идти.
Как колдует вечер-чародей,
Перед тем, как сгинуть в никуда!
А твоя нежизнь средь нелюдей...
М-да-а.

Всё та же синь, всё та же цветь
Весеннего куста,
Всё та же жизни круговерть,
Да я уже не та.

Как стрекоза, совету вняв,
Отпев своё, пляшу.
Уже я не на злобу дня –
На ужас дня пишу.

Пространство жизни, где рождён,
На сотни метров
Теперь заполнено дождём,
Холодным ветром.

Чего мы ждём? Чего мы ждём?
Не верь надежде.
Всё перечеркнуто дождём,
Что было прежде.

Не в жизни живу, а, скорей, в метафизике,
Как все фантазёры, поэты и шизики.
Все беды земные художнику впрок.
А жизнь – это повод для нескольких строк.

Побудем собой. Это так ненадолго ведь.
Ну сколько мы души держать будем впроголодь?
Не водится счастье на торных путях.
А смерть – идиома, формальность, пустяк.

*Нужно быть китайским болванчиком,
Чтоб сейчас говорить не о смерти.
В.Ходасевич*

Жизнь – свободное время от смерти.
Пронестись ли в едином броске,
Повседневной отдать круговерти
Иль скормить свою душу тоске?

Вот и день наконец этот чёрный.
Что накоплено в сводах годов?
Лес опавший стоит обречённо,
И к разлуке, и к смерти готов.

Слёз уж нет, их проплакала осень,
И глаза небосвода сухи.
И, по правде сказать, так ли очень
Вы нужны были, эти стихи?

Паутины холодной и склизкой
Ариаднина тянется нить.
Лист трепещет предсмертной запиской:
«Улетаю... Прошу не винить».

Ночь напаялит колпак свой дурашный,
Затрезвонит луны бубенец...
Вот и всё. Это вовсе не страшно.
Просто смерть умерла наконец.

На краешке любви, как на морской мели,
На грани бытия, на волосок от смерти...
Душа отделена от тела, от земли,
Летит куда-то в ночь посланием в конверте.

Расплавлена луна. Расширены зрачки
У звёзд, смотрящих вниз. Они за нас в ответе.
Рвать душу, как письмо, на мелкие клочки,
Пуская на распыл, на волю волн, на ветер...

Небесный почтальон не донесёт ответ.
Там, в путанице звёзд, какая-то ошибка.
Душа сошла на нет. Оскалился рассвет.
Застыла в облаках кровавая улыбка.

Я скоро уволюсь из штата живых,
Уйду в измеренье другое.
Рассеется в мареве туч грозových
Все близкое и дорогое.

Я спрячусь в ночи от невидящих глаз,
От душ, ненавидящих слепо.
Огромный живой огнедышащий пласт
Накроется саваном неба.

Навек породнится обида с виной,
Поставивши жирную точку.
И дальше, и дальше – навеки одной.
Ведь каждый умрёт в одиночку.

Я хотела бы на кладбище еврейском
Успокоиться среди оград и трав.
Вот на этом облюбованном отрезке.
Только нету у меня на это прав.

Ни Ваганьково, ни даже Сан-Микеле
Не прельщают дерзновенную мечту.
Я хотела бы на этом, в самом деле,
Что от дома за какую-то версту.

Пусть бы люди проходили только мимо,
Пусть бы имя позабыли все давно.
Я хотела бы лежать среди любимых.
Почему-то это мне не всё равно.

Боже, как бы я хотела в эту землю!
Вижу Парку, обрывающую нить.
Если я ещё немножечко промедлю –
Будет некому меня похоронить.

Не сочтите за дурную юмореску,
Не кривляясь говорю и не кичась:
«Боже, сделай, чтоб лежала на еврейском.
Если можно, то, пожалуйста, сейчас».

Ружьё судьбы висит над головой,
Чтоб выстрелить однажды наудачу.
И Аннушка с бутылкой роковой
Спешит на остановку Первой Дачной.

Слепой фортуны мчится колесо.
Закат кровавый полыхает ало.
Неумолимо сыпется песок,
И стрелки приближаются к финалу.

Закат окинул мир прощальным взором
И закатил кровавые белки...
А поутру заря, слиясь с простором,
Опять прельстится облачным узором
И снова угодит в его силки.

Не так ли мы, с душою в рукопашной,
Даем обеты: «больше никогда...».
Но время перепишет, перепашет,
И в тьме кромешной снова путь укажет
Заплаканная юная звезда.

Слепая ночь глядит на нас в упор.
Бельмо луны ей застилает взор.
Глазницу неба выклевала ночь,
И ничему уже нельзя помочь.

Но сквозь напасти –
Только посмотри –
В небесной пасти –
Язычок зари.

И он залижет лунное бельмо.
И всё пройдёт, пройдёт себе само.
Пусть ночь мудрит, а утру всё ж видней.
Оно и вправду ночи мудреней.

*Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
прозрачный, тёплый и весёлый.*
А.Ахматова

О голоса моих друзей
В ночи вселенского разлада!
Звук вашей речи – как ручей,
Что в зной врачует нас прохладой.

Когда спасенья нет нигде,
Ни в доме, ни в любимом томе,
Ни на земле, ни на звезде, –
Спасает ваш целебный номер.

Семь, двадцать восемь, сорок два
И ноль, легко запомнить, на семь
Всё делится. Звонок...Слова...
Тепло, которым жизнь украсим.

И спросим: – Как вы там? – Живём...
Аукаясь, перекликаясь,
Мы редко видимся «живьём».
В который раз я в этом каюсь.

Свет жизни прост, прозрачен, чист...
Спасибо, что вы есть, родные.
Звучат над пропастью в ночи
Спасительные позывные.

*За столькож жить мой ум хотел,
что сам я жить забыл.*

И. Анненский

А телеграммы радости скупы,
Но боль щедрa и горечь хлебосольна...
Не отыскав нигде своей тропы,
Не стала я ни Сольвейг, ни Ассолью.

Я так от этой жизни далека,
Где всё прекрасно: лица и одежда.
Грызёт меня всеядная тоска.
Соломинкой прикинулась надежда.

Я жизнь свою сумела не прожить
По-своему, как я того хотела.
Зачем сейчас всё это ворошить?
Душа достигла своего предела.

Жить не сумела? Чем-нибудь другим
Займись... Как небо – предвечерним светом...
Решай загадку замогильной зги,
Что нам была предложена поэтом.

Уходят дни, неудержимо мчась,
Летят, как пух от ветра дуновенья.
Проходит жизнь. Особенно сейчас.
Особенно вот в это вот мгновенье.

Всё чаще в тисках усталости
Считаю свои лета я.
А птицы не знают старости.
Они поют и летают.

Вот так бы и мне по лесенке
Воздушной взойти беспечно,
Летать и петь свои песенки
И рухнуть однажды в вечность.

Душа не стареет, как мудрые книги,
Но освобождается, как от одежд.
И, словно цветы, осыпаются миги
Разлук и свиданий, обид и надежд.

Всё то, что когда-то держало под током,
Сгорело, спалив за собою мосты.
Душа, приближаясь к исконным истокам,
С себя понемногу снимает пласты.

Как листья роняет последние роща,
Спадает всё то, что влекло в суете.
Всё к старости станет яснее и проще,
Приблизится к истине и чистоте.

Как я узнаю старость,
О том, что она пришла?
По той тишине усталой,
В которой уснёт душа?

По той однозвучной ноте,
К которой с каких-то пор
Сведётся в конечном счёте
Весь разноголосый хор?

По мысли, что, мозг тараня,
Подскажет на склоне дня:
Она за какою-то гранью
И ждёт меня.

*Могучая евангельская старость
и тот горчайший Гефсиманский вздох...*
А. Ахматова

Счастье юных, тёмное, неверное,
Как остро и жадно его жало.
Счастье старых, мирное и мерное,
Знает лишь прощение и жалость.

Старость чем-то схожа с тихой пристанью,
Где земное всё уже свершилось,
И она глядит светло и пристально
На волны бушующую живость.

Да, вот так нести своё страдание,
Величаво, просто и смиренно,
В ожиданьи скорого свидания
С тем, что незнакомо жизни брэнной.

«На старость лет пошли мне сад».
Мечта, как прежде, врёт.
Как страшно посмотреть назад.
Ещё страшней вперёд.

Увидеть через толщу лет,
Узнать в последний час,
Что счастья нет, покоя нет,
И то, что Бог не спас.

В эту ночь выли псы и немного знобило.
Я увидела сон, осязаемо-вещий, –
Всех, кого я любила, кого не забыла,
И открылись мне горькие, страшные вещи.

Души мертвых живее, чем мёртвые души
Тех, кто нас всё равно никогда не услышит.
Нас прозрения мучат, видения душат,
Но в ответ только дождь барабанит по крыше.

Одиночества яд – или просто аптечный,
Лишь бы боль улеглась. Что нам мериться с нею?
Под землёй убаюкает дождь скоротечный.
Вряд ли там бесприютнее и холоднее.

Где же Тот, молчаливо всегда убеждавший,
Что всё будет ещё, что могло быть иначе?!
Мы умрём, для себя ничего не дождавшись.
И о нас в небесах только ветер заплачет.

Весенней грозы отрезвляющий душ.
Очистится небо от хмури и мути.
Воздушные шарики родственных душ
Из рук выпускаю – легите, забудьте!

Не плачь ни о чём, ничего не имей.
Пусть Дух наберёт высоту без боязни,
Как детской рукой запускаемый змей,
Свободный от уз нелюбви и приязни.

От тяги корней, якорей и оков
Отныне и присно пребудь независим.
Лети, задевая клочки облаков,
Похожих на клочья стихов или писем.

Звучит журавлиных хоралов помин,
Осенними листьями кружатся лица.
О что же вы сделали с сердцем моим,
Что страшно оттуда сюда возвратиться?!

Как больно наткнуться на чей-нибудь взгляд,
Скользнувший неузнанно, канувший мимо.
Воздушные шарики в небо летят...
О сколько их, сколько – донныне любимых!

И в затрапезной шапке-невидимке,
В которой не замечена никем,
Сквозь города знакомые картинки
Я прохожу беспечно налегке.

Не прохожу – скольжу бесплотной тенью,
Ступенек не касаясь и перил,
Не приминяя травы и растенья,
Не отражаясь в зеркале витрин.

Грань между тем и этим светом стёрта.
Никто нигде не нужен никому.
Как мир живых похож на царство мёртвых,
Но это всё неведомо ему.

Я вижу всех – меня никто не видит.
Как странно хорошо идти одной,
Неуязвимой боли и обиде,
Неузнанной, незванной, неземной.

Какое-то грустное счастье,
Какое бывает во сне...
Печаль своего непричастья
К цветенью, веселью, весне.
И тёмная наволочь неба,
Укрывшая дымкой дома...
Былое, ушедшее в небыль,
Как город в молочный туман.
Как будто уставшие кони
Узнали внезапную тишь,
И время разжало ладони:
Ты в гулкую пропасть летишь...

Прародина

*Замри – или умри отсюда.
В давно забытое родись.
В.Ходасевич*

Сквозь волны туманностей, Млечных путей,
Галактик бесчисленных мимо,
Летит голубая планета людей,
Космическим вихрем гонима.

А мы – лишь песчинки, что оторвались
От тьмы мировой океана,
Чтоб после вернуться в родимую высь,
В свою праисторию канув.

Как в зной раскалённый прохлады питьё,
Как хлеб или воздух, насыщен
Возврат в изначальное, в прабытиё,
В дремучие дебри и кущи.

Вернуться, сияньем нездешним светясь,
В стихию, откуда мы родом,
И встретить иную свою ипостась,
Себя побеждая уходом.

Пыталась к земле прилепиться душа,
Но было ей чуждо и серо.
Как будто наполненный воздухом шар,
Тянуло её в ноосферу.

Сдержи из глубин своих рвущийся крик.
И смерть ещё тоже – не вечер!
Нас ждёт несказанный родной материк,
Божественных родин предтеча.

Там смысл сокровенный покажется прост,
Бессмысленным – опыт, что нажит.
И ангел в венке из серебряных звёзд
Нам что-нибудь нежное скажет.

Ночь – многоточие... Тайн средоточие.
Сон, что сплетают незримые зодчие.
Ночь милосердна к любому из нас:
Лечит, тушует, скрывает от глаз.

День – откровенен. Он как двоеточие:
Всё, что грядёт, называет воочию.
Каждый в нём знает свой личный шесток.
День в чём-то жёсток и даже жесток.

Ночь нас морочит, колдунья, пророчица.
Каждый в ней видит себя, кем захочется.
День же наводит свой резкий лорнет.
Но день – это да. А ночь – это нет.

Дверь покосилась. Змеиные трещины
Вьются по стенам. Сверху – вода.
Что-то здесь было кем-то обещано,
Но уж не вспомнить, кем и когда.

Страшно под этой крышей дамокловой.
Скоро не будет здесь ни души.
Сердце сквозит разбитыми окнами.
Дом опустевший моей души.

Я разучилась чувствовать, как все.
Случилось что-то странное со мною.
Передают: осадки в полосе,
А я, как речка, высохла от зноя.

На юг и север, на добро и зло,
На да и нет весь мир сейчас расколот.
По «Маяку» сказали, что тепло,
А у меня внутри могильный холод.

За окошком ветра вой.
Мне опять не спится.
Бьется в окна головой
Вяз-самоубийца.

Капли падают в тиши,
Разлетаясь на части,
Но не так, как от души
Бьют стекло на счастье.

Струи поднебесных вод –
Острые, как спицы.
Сам себя пустил в расход
Дождь-самоубийца.

Как струна, натянут нерв.
Лунный диск нецелен.
Обоюдоострый серп
На меня нацелен.

Сумерки сгущаются,
Поглощая след.
День со мной прощается
Или белый свет?

Месяц в небе корчится.
Пропадаю я
В бездне одиночества
И небытия.

Что нас держит в сем мире утробном?
Нет ни пряника и ни кнута.
Крышка неба над городом-гробом,
А за ней – пустота, пустота.

Горький голод по кличу, по зову
Птичьим клином врезается в высь.
Сиротливое съёжилось слово,
И подёрнулась плесенью мысль.

Миновало, прошло, просвистело,
Ни души, ни пути, ни огня...
Скалит зубы рассвет пустотелый,
Гложет холод грядущего дня.

Этой грусти с закатом в полнеба,
Что горит над моей головой,
На весь мир бы хватило вполне бы,
И ещё бы осталось с лихвой.

Настигает безумный амок.
Разрушается жизни замок.
И встаёт впереди загробье:
Зазеркалье, подтекст, подобье.

Я изранена чёрным роком.
Я украдена ненароком
Той страной, где навеки выплусь.
Не живу, а лишь снюсь и числюсь.

Перепутались чёрные даты,
Знаки звёздных загадочных числ,
И у слов, безмятежных когда-то,
Так зловеще меняется смысл.

Словно дьявол какой надоумит,
Только в «кровь» обращается «кров»,
В слове «замер» мне слышится «умер»,
А «сугроб» прочитаю как «гроб».

Кто ты есть – отпусти, не юродствуй,
Чтоб судьбой, как словами, играть?!
Но меняет «родство» на «сиротство»,
«Свежесть утра» на «свежесть утрат».

На клеёнке блик играет,
Щёки жаром обдаёт.
Это свечка догорает,
А не солнышко встаёт.

Стук в окошко поминутный.
Сердце, стихи, наконец!
Это ветер бесприютный,
А не умерший отец.

Кто так, воя и стеная,
Сводит медленно с ума?
Это вьюга ледяная,
А не смерть ещё сама.

Когда-нибудь накроет прессом,
Жизнь обломает, как сирень,
И я уйду порожним рейсом
За даль просторов и морей.

Заря размашистою кровью
Небесный тиснет некролог,
А дождь заплачет в изголовье,
Смягчив его казённый слог.

Стара для жизни, молода для смерти,
Стою у ресторана бытия.
Между людской и звёздной круговертью
Лежит дорога узкая моя.

Стара для счастья, молода для горя,
Дух или тело первыми избыть?
Уйти, чтобы остаться, песне вторя?
Или остаться, чтоб уже не быть?

Жизнь то хрипит, заглохшая под пылью,
То бьётся, словно жилка на виске.
Так и живу – меж нежитью и былью,
На грани, на краю, на волоске.

Я стучу в себя, как в стену:
«Как ты? Всё ещё жива?»
То рукой себя задену:
Ноги, плечи, голова –

Всё на месте, но не светит
Никому душа моя.
Не твоя, ничья на свете,
И сама я не своя.

Может быть, сходить в «горсправку»?
Вынув несколько монет,
На себя подать заявку –
Есть такая или нет?

Сердце тукает слепое.
Я вникаю в свой недуг.
Словно в камере – с собою
Осторожный перестук.

В больнице

1

Чур, зараза, не тронь меня!
А болезнь не из лёгких:
У меня двустороннее
Воспаление лёгких.

Здесь никто мы не женщины.
Лица серы, халаты.
Жизнь вселенной уменьшена
До размеров палаты.

Я живу серой мышкою,
Превратилась в урода.
Подружилась с одышкойю
И кровавой мокротой.

От снотворных флегматики,
Каждый – шизик и хроник.
Все больные – астматики.
Я одна – с двусторонним.

Не хватает им воздуха,
И – распахнуты окна.
Мне от кашля нет роздыха,
Я в испарине мокну.

Над знахарскими фразами
Моя хворь лишь смеётся.
Ни уколам, ни лазеру,
Как варяг, не сдаётся.

Всё в груди словно выжжено,
А окно – как бойница.
Я не знаю, как выжила
В этой адской больнице.

2

*Кончаясь в больничной постели ...
Б.Пастернак*

Что сказать ей, чтоб её утешить?
Все слова тут сказанные – зря.
В доме тех, кого собрались вешать,
О верёвке вслух не говорят.

И какие – голову ломала –
Взять цветы, которыми согреть,
Чтоб ничто ей не напоминало
Смерть?

Непосильным было это бремя.
Неуместны книги и пирог.
Малодушно я тянула время,
Прежде чем шагнуть через порог.

Нет, не откупиться этой данью.
Не сумею сыграть мне эту роль.
Будет страшен лик её страданья,
Боль.

Солнца луч, блеснувший, словно скальпель,
Озарил сосулек хоровод.
Жизнь застыла той последней каплей,
Что сорвётся, кажется, вот-вот.

Я в лицо опавшее глядела,
Пряча слёзы, подавляя вздох,
И понять мучительно хотела,
Где же Тот, кому до нас нет дела –
Бог?!

Я на перроне ночи
Вдаль провожаю день.
Он уходит не хочет,
Но отступает в тень.

Глядя на звёздный улей,
Сладко глаза смежить.
Мгла опустевших улиц,
Жизни, уставшие жить...

Жаждет душа ночлега.
На рубеже веков
Тихо лежать под снегом.
Смерти крыло легко.

Где вы, любимые прежде?
Тонет в пустыне глас.
Бог не ответит надежде.
Ангел покинул нас.

Арифметика

Сложение и умножение
С годами всё трудней давалось,
И вычитанья поражение
Всё отняло, оставив малость.

Всё отнято, избыто, взято.
О, как теперь пуста, легка я!
Сижу над долями десятых
И горький корень извлекаю.

Геометрия

Дано: стихи, тоска, вино,
И надо доказать,
Что стоит жить, смотреть в окно,
И мыслить, и страдать.

Хоть от себя нам не уйти –
Уныние гоню.
Я геометрию пути
Ломаю на корню.

Пусть время бурное в крови
Начнёт иной отсчёт
И биссектрисою любви
Мой путь пересечёт!

Одиночество

А ночь черна, как совесть мира.
Гвоздями звёзд прибито небо.
Душе, затерянной и сирой,
Приюта не было и нету.

Мир логики и правил ложных
Теченьем жизни обесценен.
Мой добрый ангел крылья сложит.
Развязка близится на сцене.

А мир-то пуст... И воет ветер.
Горит безмолвная селена.
Один, один на целом свете
Наш голый шарик во вселенной.

Но как же это всё случилось?
Живу, дышу помимо воли.
Заря лучилась. Я училась
Любви, терпению и боли.

Дитя, глупыш, зверёныш, чадо,
Прошу тебя, не надо чада,
Не надо ада и чертей,
Тоски, погоста и смертей.

За что мне небо ниспослало
Сиё, иль было горя мало?
Но поняла, что не смогу
На том оставить берегу.

Но в память о родной утрате –
Давно погибшем бедном брате –
Я поклялась тебя спасти,
Из царства теней увести.

Но в память обо всех, кто стынет,
О нерождённом мною сыне,
О всех, кому не помогла,
Кого навеки скрыла мгла...

Сто раз я повторяю кряду:
За что ты так себя? Не надо!
Как в пропасть, рухаться в кровать
И со свету себя сживать.

Заморыщ, плакса, чудо-юдо,
С тобой до смерти биться буду
За душу бедную твою
У чёрной бездны на краю.

Дорожу твоей жизнью, нелепой такой,
На которую сам ты махнул уж рукой.

И дрожу, как над слабым огарком свечи.
Но поэты – по Герцену – боль, не врачи.

Закую, заплету её в ямб и хорей, –
Пусть оставит, отпустит меня поскорей.

Что там? Синий троллейбус? безумный трамвай?
Я тебя заклинаю: живи, оживай!

*О своём я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На ещё безмятежном челе.
А.Ахматова*

Ты – на целую тоску
Старше, больше и богаче.
Я храню твою строку
И порой над нею плачу.

Жизнь иль смерть тебе сестра?
Вижу с болью безутешной
Отблеск адова костра
На челе твоём мятежном.

Мальчик с белых похорон
Без забрала и без кожи...
Ты из тех, других ворон,
Из породы непохожих.

Воспари же над собой,
Над обидой и бедою,
Не сгори в ночи слепой
Оборвавшейся звездой.

Нежность прячется в строфу.
Строчек сбитые коленки...
В синей папке на шкафу
Я храню твои нетленки.

Памяти А. Ханьжова

*У меня есть яблоня любимая в саду.
Каждый год я в передачах яблок жду.
Как обычно, не привозит их никто.
Забывают всегодишно, но зато
Каждой осенью в чахоточном бреду
Я по саду урожайному бреду.
То ли с неба дождик, то ли слизь...
Яблоня любимая, дождись!
А.Ханьжов*

Она тебя не дождалась...
Плоды протягивает: «Встань же!»
О, я бы накормила власть,
Когда б стихи прочла те раньше.

Прими хотя бы этот стих
Взамен румяных сочных яблок,
Чтоб там, где ты навеки стих,
Душа твоя не очень зябла.

В петле запутавшихся троп
Мы все – судьбы марионетки.
Как тяжкий ком земли о гроб –
Стук яблок, падающих с ветки.

Увядая, облетая,
Листьев кружится метель.
Золотая, золотая,
Золотая канитель.

Я нисколько не тоскую,
Не устану я смотреть
На красивую такую
Листьев золотую смерть.

Осени конец летальный...
Как бы, прежде чем умру –
Научиться этой тайне
Красной смерти на миру.

Лес в ноябре. Осыпавшийся, чёрный,
Как лепрозорий рухнувших надежд.
Графический рисунок обречённых.
Скелет без тела. Кости без одежд.

Отбушевало листовое пламя
И превратилось в пепел, прах и дым.
Прорехи света робко меж стволами
Сквозят намёком бледно-голубым.

Лес в ноябре. Обугленные души.
Заброшенность. Пронзительность осин.
Но ты всмотришься и жадно слушай, слушай,
Что этот лес тебе всё тише, глуше
Бескровно шепчет из последних сил.

Трижды проклятая жизнь,
Ты всего лишь обещанье,
С тем, чем смертно дорожим –
Перманентное прощанье.

Не жалею, не зову,
Не кричу былому: «где ж ты?»
В неоплатности живу,
В неизбывности надежды.

Умирает мой день. Переходит межу.
Два часа мне отмерено только.
Я его удержу! Я его сторожу,
Словно собственность, с лампой настольной.

Надвигается снова ночной катафалк.
Опускается занавес черный.
Но еще не заполнена эта графа,
Не закончен рисунок узорный.

О помедли, мой вечер, не уходи!
Он трепещет, как пленная птица.
Словно что-то еще меня ждет впереди,
Что-то может сегодня случиться...

Я продлевала вечера,
Не выпускав из рук.
Сегодня – всё ещё вчера.
Держусь за этот звук.

Вчера – ещё почти в руках,
Оно со мной срослось.
Пока оно живёт – в веках
Худого не стряслось.

Повремени, чужой рассвет,
Несущий тень беды.
Сияй, сияй вечерний свет
Негаснущей звезды.

Знаю, чувствую каждым суставом:
Мне не выиграть той игры.
По откосам мои составы,
По обрываю мои миры.

Дом заброшен, зола остыла,
Лишь бурьян-трава между плит.
Но пробился росток в пустыне.
Он живой ещё. Он болит.

Время-лекарь придёт с клюкою,
Как аппендикс, его удалит...
Ты притронься сюда рукою.
Там Живое. Оно болит.

С этим нежности грузом в груди тону,
Мне не справиться с ним никак.
Стопудовая жалость идёт ко дну
О двух вытянутых руках.

Покидая земной ненадёжный кров,
Я вливаюсь в речной поток,
Осязая потусторонних миров
Обжигающий холодок.

Я в этом мире только случай.
Черты случайные сотри.
Земля прекрасна, только лучше
Я буду у неё внутри.

Мне всё здесь говорит: умри, –
Серп месяца, клинок зари,
Кашне из прочного сукна
И чёрное жерло окна.

Любое лыко – злое лихо –
Страшит неприязнью мер.
Шекспир подсказывает выход,
И Вертер подаёт пример.

В спасенье от земного ада
Так сладко кровью жил истечь.
Задуй свечу. Не надо чада.
Поверь, игра не стоит свеч.

Но вот один глоток любви –
И всё мне говорит: живи, –
Улыбка месяца, весна,
Душа открытая окна.

Ни с орбиты ещё, ни с ума я
Не сошла, и чумные пиры
Принимаю твои, принимаю
И удары твои, и дары.

Распахнулись небесные вежды.
Ищет радуга встречной руки.
И надежды в зелёных одеждах
Оживают всему вопреки.

*Гори полоской той зари,
вокруг которой всё застыло.
И. Анненский*

Восхода нищая полоска
На телесах ночных небес.
На фоне мертвенного воска
Она горит грешно и броско,
Как будто шил её сам Бес.

Земля забыта и заклята,
Над ней пропета лития.
Но как надежда или плата –
Заката яркая заплатка
На рваной ране бытия.

В окне квадрат Малевича
Намалевала ночь.
Луна глядит, жалеючи,
Не в силах нам помочь.

Привычная агония:
День прожит. Пробил час.
С агонией – в гармонии
Моя душа сейчас.

Я видела ад. Это мир без любви,
Что длится, сердца не затронув.
Там нету различия между людьми.
Обличье у них эмбрионов.

Пространство стерильной пустой тишины.
Души перманентное тленье.
Там мучает боль безысходной вины,
Не ведающей избавленья.

Там вечно живыми пребудут враги
И трупом – казавшийся другом.
И меркнут Вергилия с Дантом круги
Пред этим замкнувшимся кругом.

Там холод могильности слова «живу»
И смерть без минуты покоя.
Я видела ад, не во сне – наяву.
Я знаю, что это такое.

Только одно непреложно: тоска,
Та, что изъедена снами.
Жизнь – это шахматная доска.
Кто-то играет нами.

Шах поражения, обиды, беды –
В чьей-то всевидящей воле.
Все наши путанные ходы –
Только бегство от боли.

В реанимации лежала,
Не зная толком, почему,
Какая хворь мне угрожала,
Необъяснимая уму.

Братва больничная сбегалась
На крик мой дикий по ночам.
Заведующая ругалась,
А я не знала, что врачам

Ответить... Разрастались сплетни.
Смотрели, как сквозь окуляр.
Дивились из палат соседних
На уникальный экземпляр.

Больница в стены мне стучала.
Никто не в силах был понять.
А то душа моя кричала,
И крик тот было не унять.

В кофейной ли гуще, в стихах, во сне
Увидится некий бред –
Повсюду грядущее кажет мне
Уайльдовский свой портрет.

Я кофе давно растворимый пью
И часов замедляю ход,
Но вновь наступает на жизнь мою
Непрошенный Новый год.

Меж прошлым и будущим – пять минут.
Застыло на миг бытиё.
И бездне страшно в меня заглянуть.
Страшнее, чем мне – в неё.

Порой пронзит ночами ужас:
Не надо ничего взамен!
О Господи, не сделай хуже,
Не дай мне, Боже, перемен.

Оставь мне, Господи, всё то же.
Продлись, прелюдия конца.
Грядущее, не дай мне Боже
Увидеть твоего лица.

В окне черно. Луна исходит жёлчью,
Кривясь на город.
Тоска собачья или даже волчья
Берёт за горло.

Зияет небо как сквозная рана,
Где гвозди – звёзды.
И для рассвета ещё слишком рано.
А может – поздно.

Вчера ещё в глаза глядел...
М. Цветаева
Глядит туда, где нету нас...
Л. Миллер

Начинаю вживаться в смерть.
Отовсюду знаки и зовы.
Бог не хочет в глаза смотреть.
Нынче жаворонки все – совы.

Всё косится куда-то вбок.
Не пойму его тайных мыслей.
Всё лишь пробует на зубок,
Словно кошка играет с мышью.

Как завести мне свой волчок,
Чтоб он жужжал и жил,
Когда б уже застыл зрачок
И кровь ушла из жил?

Как превзойти в звучанье нот
Себя саму сумеешь,
Когда окончится завод
И обыграет смерть?

Как скорость наивысших сфер
Задать своей юле,
Чтобы хоть две минуты сверх
Крутиться на земле?

Тень Офелии храня,
По волнам плывёт веночек,
За собою вдаль маня...
На часах двенадцать дня.
На душе двенадцать ночи.

Лунный скальпель взрежет ночь,
Млечный путь звездами брызнет.
Но уже нельзя помочь,
Как ни мучь и ни морочь –
Этой обречённой жизни.

Неподвижен лунный зрак.
Небо вызвездилось колко.
За окном густеет мрак.
До свиданья, друг и враг.
Расстаёмся ненадолго.

Я не выйду на сцену с поклоном
И растаю во мраке кулис.
Исполнять я не стану, как клоун,
Лебединую песню на бис.

Что хотела – я вам прокричала
В пустоту уходящего дня.
Мой «Гитаник» уходит с причала.
Вот и всё. Вспоминайте меня.

Так беспрепятственно любить

Так беспрепятственно любить,
Так безоглядно, опрометчиво...
Миг торопить до дна испить
Из чаши Эроса беспечного.

И что там будет или нет –
Вперед не думать, не загадывать.
Из вороха грехов и лет,
Как из охапки роз, выглядывать.

Сегодня Вы будете гостем.
Поднимем бокалы давайте
В хорошем каком-нибудь тосте!
Но счастья Вы мне не желайте.

Не надо бросаться словами,
Которые лишь растревожат.
Оно может быть только с Вами.
А с Вами его быть не может.

Ах, все это глупости, что Вы погубите,
Не понимаете сам...
Как мне нравится жить, когда Вы меня любите,
Гладите по волосам.

И руки любимые, сильные, теплые
Я прижимаю к груди.
Что там в глазах Ваших карих за стеклами,
Что там еще впереди?

Но минуты последние наши сосчитаны.
Губы чуть-чуть пригублю...
А глаза-то без стекол у Вас беззащитные.
Как же я Вас погублю?

Ожиданье горше, чем рыданье.
Я сейчас – как лука тетива.
Ожиданье слаще, чем свиданье.
Губы шепчут тайные слова.

Те, что я сказать Вам не посмею,
Когда наши сблизятся тела.
Жду я каждой клеточкой своею
Губ, ладоней, Вашего тепла.

Будет жизнь, как чистая страничка,
Без сомнений, боли и тревог.
Расцелую каждую ресничку,
Каждый палец милых рук и ног.

А потом я те слова сначала
Прошепчу Вам на ухо в ночи,
Чтобы сердце Ваше застучало
Так, как у меня сейчас стучит.

Все мне снится тот же самый сон –
Я бегу за Вами по перрону,
Но догнать не в силах Ваш вагон,
Только до стекла рукой дотронусь...

Вновь перед глазами тот перрон,
Вновь наутро сердце болью сжалось.
Ночь, вернись, верни мне этот сон!
Это все, что у меня осталось...

*Чем бы дитя ни тешилось,
лишь бы не плакало.
Пословица*

Лучше плакать, но только не тешиться!
Лучше море безмерное слёз.
Всё на карту, а после – хоть вешаться.
Не на шутку, а в смертный серьёз.

Пусть узнает душа одичалая
Вкус солёный у слова «люблю».
По тебе убиваюсь, печалюсь,
И слова, и улыбки коплю.

Лучше боль и обида до бешенства,
Лучше сердце, разбитое в кровь.
Что угодно, но только не тешиться!
Безутешна по сути любовь.

Впрочем, это бесплодные диспуты.
Каждый ношу берёт по себе...
Мой единственный, в сердце отгиснутый,
Средоточье тревог и скорбей.

Сколько можно ходить зареванной?
Ну пора, наконец, решаться.
Ненаглядный мой, ненацелованный,
Перед смертью не надыхаться!

Сколько можно страдать и каяться?
Все пройдет чередою буден.
Лучше мне в одиночку маяться
В этой жизни, где Вас не будет.

Как сияла сквозь слезы радуга
И казалась подковой на счастье...
Только радуга в небе – ненадолго.
Мне на землю по ней возвращаться.

Рвется сна голубое кружево.
Пробуждение – как расплата.
Недолюбленный мой, несуженный,
Что же делать, если так надо.

Мой милый, поцелуй меня на память,
Чтоб этот след остался на века,
Чтоб губы стали алыми, как знамя,
Взлетевшее над гребнем баррикад.

Да, мы с тобой стоим на баррикаде,
И наше знамя вьется на ветру.
И к гибели стремимся, как к награде,
И если ты предашь, то я умру.

Чтоб хоть немного сердцу стало легче,
Вновь припаду к любимому плечу.
Мой милый, поцелуй меня крепче!
Как пред смертью этого хочу.

Любовь моя, сокровище,
Откуда ты, откуда?!
Прекрасное чудовище,
Чудовищное чудо...

Телесное вместилище,
Неужто ты – предел?
Неужто ты – хранилище
Всего, что сон мне пел?

А явь неукротимее,
Неистойвей мечты.
«Любимый мой, любимый мой,
Да вправду ль это ты?!»

О любовь моя, чудо чудное!
Безрассудная, неподсудная,
Неусыпная, ненасытная,
Сохнут сильные от красоты твоей.

Даль без берега, свежесть вереска,
Сердце бедное бьется вдребезги.
В острова твои все мы посланы.
Все слова твои кровью писаны.

Это счастье далось мне с кровью.
Трепетали ресницы трав,
Ветер встрепанный бесконтрольно
Демонстрировал дикий нрав.

И прижались тела и души
Как у Бога в одной горсти
Околесицу леса слушать
И такую же вслух нести.

Хлынул на плечи тёплый ливень,
Выжег радугой всё дотла.
Я такую враздрыг счастливой
Никогда ещё не была!

И запомнила день-виденье,
Замечательный и большой.
Окончателность совпаденья
С самой близкою мне душой.

Ты да я, да дождь над головой.
И деревьев за спиной конвой
Охраняет нас, как от заразы,
От чужого глаза, липкой фразы.

Защищает нас сторукий лес,
Укрывает под навес небес,
Согревает листьями и хвоей.
Мы одни. Нас в этом мире двое.

Я нашла тебя в кромешной мгле,
В потаённом внутреннем тепле,
Наугад, наощупь, наудачу...
И теперь нас двое на земле.
Ты да я, да целый мир впридачу.

Я люблю тебя всею своей подноготной,
Всею своей наготой беззащитной, щекотной,
Всею дрожанием губ и пожарищем щёк,
Всею сиротством горячих ночей пустотелых,
Всею немотством речей в своих снах оголтелых,
Как сто тысяч сестёр не любили ещё.

Я люблю тебя. Дай мне продлить это слово,
Словно чистый глоток ключевой, родниковый,
Удержать в языке, как старинную ять...
Вопреки аксиомам извечных понятий,
Средь холодных распятий, голодных объятий
Необъятное снова пытаюсь объять.

Я в тебя впадаю, словно речка.
Слышу, как шумит твоя душа.
И стучит сердечко о сердечко,
Все преграды меж собой круша.

Мы плывём беспамятно и слепо
В теплоту укрытий и берлог.
На двоих одно нам это небо.
И один над нами потолок.

Ты помнишь этот дождь, нас обвенчавший,
Нам выпавший, как жребий, на пути,
Как капля, переполнившая чашу,
Что Бог не в силах мимо пронести?

С небес неудержимо, просветлённо
Текла благословенная вода,
А мы, обнявшись, прятались под клёном,
И всё решилось, в сущности, тогда.

Казалось сквозь намокшие ресницы,
Что в этой захлестнувшей нас волне
На всей земле нам некуда укрыться,
И я в тебе укрылась, ты – во мне.

Всё закружило, смяло, как в цунами –
Стволы, зарницы, травы, соловьи...
И всё вокруг, казалось, было нами.
И на земле, казалось, все свои.

*У счастливой любви не бывает стихов.
А.Кушнер*

У счастливой любви не бывает стихов?
Как я счастлива Вас опровергнуть!
У меня их – как в поле цветов, как грехов,
Всяких-разных, пусть даже и скверных.

Фотовспышками строчек лоящих момент,
Передать его прелесть бессильных...
Вспоминается кстати любимый фрагмент
Из любимого старого фильма.

Там девчонка кружилась рассветной порой,
И струилась вода дождевая.
– А ведь так не бывает! – кричал ей герой.
– Нет, бывает! – смеялась. – Бывает!

Не отличала ночь от дня,
Шипов от розы,
Когда любила про себя
Сквозь зубы, слёзы.

Теперь же всё наоборот.
Разбив корыто,
Во все глаза, во весь свой рот
Люблю открыто.

Лица улиц, троллейбусов морды,
Тишина берегов одичалых,
Воронья оголтелые орды –
Всё вокруг это слово кричало.

Всё об этом – и солнце, и звёзды...
И казались вторичными речи.
Мы вдыхали ворованный воздух
Нашей тайной горячечной встречи.

Жизнь летела беспмятно в осень,
Золотыми фонтанами била.
А слова не нужны были вовсе –
Всё за нас уже сказано было.

На душе оранжево и жарко.
Я горю, как шапка на воре.
О, любовь! (Всё прочее – помарка).
Ах, любовь! (Всё остальное – бред).

Судорга небес, земного шара,
Шаровая молния судьбы!
Закружило вихрем и пожаром,
Всю планету вздёрнув на дыбы.

Знойный росчерк синего на алом –
Описала радуга дугу.
Я бы тоже нечто описала,
Да найти тех красок не смогу.

И горит селена во вселенной,
И дарит неугасимый свет...
Всё проходит – лишь она нетленна.
Всё проходит, только это – нет.

Полнолуние

О луна, золотая мумия,
Забери меня в звёздный рай!
Полнолуние. Полноумие.
И душа уже – через край.

Золочёное одиночество...
Выше этого – только Бог.
О луна, самоё Высочество,
Забери меня в свой чертог!

Как окошечко во вселенную,
Как мерцающий нимб у лба...
До чего она совершенная,
Завершённая, как судьба.

Дай мне, Боже, вот так же свеситься
Над тобой головой хмельной.
Из ущербного лика месяца
Округлённо стать луной.

Не смиряя в груди Везувия,
Припаду я к тебе в тиши...
Полнолуние. Полоумие.
Половинка моей души.

Ах, какая луна шальная...
Ночь поистине так нежна.
Я грешна, я дурна, я знаю.
Я порою себе страшна.

Но глаза поднимаю к звёздам, –
Среди множества душ и тел
Бог меня вот такую создал.
Что он этим сказать хотел?

Люби меня, какую я бываю
В заветный час души и забытья,
Какою я сама себя не знаю,
Какою лишь с тобой бываю я.

Не всю меня, а лучшую частицу, –
Во всей утонешь, сгинешь, пропадёшь.
Люби такой, какой могла б присниться,
Какой нигде ты в мире не найдёшь.

Не отдавай меня промозглой ночи,
Аптекам улиц, сглазу фонаря.
Люби меня всем сердцем, что есть мочи!
И ты поймёшь, что ты любил не зря.

В конце концов мне наплевать,
Что будут говорить,
Лишь ты мне грешные слова
Еще раз повтори.

В конце концов мне всё равно,
Что станут говорить!
Пусть все, кто с ними заодно,
Летят в тартарары.

А мы с тобой, а мы с тобой,
И да хранит нас чёрт!
И купол неба голубой
Над нами распростёрт.

Что муки адова огня,
Что преисподен жар,
Когда целуешь ты меня
Так, что в крови пожар!
И мы горим, и мы горим,
Всё выше тот костёр...
О вновь, что любишь, повтори!
И да хранит нас чёрт.

Мы вместе – о чудо! – пускай ненадолго, –
Завидуй, прохожий, судачь!
Простит нам измену песчаная Волга,
Дремотная суетность дач.

Нас ждут сумасшедшие южные ночи!
Вскипает и пенится кровь.
Да здравствует море! Да здравствует Сочи!
Да здравствует наша любовь!

Отныне мы знаем, как выглядит счастье,
Когда оно – вслед за тоской:
Как солнце, как ветер, распахнутый настезь,
Как кружево пены морской!

Укрыться в пучине, в берлоге, в пещере,
В чертогах платановых рощ...
Мы будем как дети, как дикие звери,
В купели омоет нас дождь.

В громовых раскатах и сполохах алых
Покрепче меня обними.
Прости меня, Боже! Храни меня, Дьявол!
Люби меня, милый. Аминь!

Не знала ни стыда, ни горя
Любовь без права и венца.
И ты встречал меня у моря
В рубашке цвета огурца.

И счастьем не было конца.

Я целую твою голову –
Хоть не надо б делать этого.
Я целую тебя голого,
В ласку рук моих одетого.

И не верится, не верится, –
Наконец с тобою вместе я.
Где-то там зловеще шерится
Неизбежное возмездие,
Чьи-то слёзы и проклятия...
Что мне в них! На миг, на час ли я
Окунусь в твои объятия –
Но я счастлива, я счастлива...

Схожу с ума, как снег в апреле,
Как сходит с курса иль с орбит
Корабль, как кожа с обгорелых
Ступней, когда земля горит.

Схожу, как сходит без рисовки
Загар с убитого лица,
Как – на конечной остановке
Пути без края и конца.

Схожу с ума. Он мне не нужен.
Он мне – как якорь кораблю.
Везувий вспыхнул. Ад разбужен.
Я без ума тебя люблю.

Не судите то, что вам неведомо,
Не глядите грязными глазами.
Светлого, заветного, неспетого
Не отдам я вам на растерзанье.

Я сама в себе свой рай и ад несу,
Пламя, что без дыма не бывает.
Ваша брань настолько не по адресу,
Что меня ничуть не задевает.

Господи, прости мне это счастье,
Дай мне не очнуться никогда!
Я сейчас тебе открыта настезь,
Как душа без тела и стыда.

Страхи, одиночества химеры,
Равнодушья жалящая боль –
Это было всё до нашей эры,
До того, как встретились с тобой.

До свиданья, то есть до страданья,
Восходящим заревом в груди.
До очередного расставанья,
До грядущей смерти впереди.

Предсонный сумрак тонок и непрочен.
Безгласны и бесстрастны небеса.
Но вот блеснула шлейфом фея ночи, –
Открыла мгла алмазные глаза.

О вечно новый замысел извечный!
Облит сияньем лунным окоём,
Касаньем легким путь намечен Млечный,
И только мы, и мы с тобой вдвоём.

И всё смешалось – губы, руки, мысли...
Творец небесный шлет свои дары.
Как грузно звезды гроздьями нависли,
Как грозно содрогаются миры...

Ночной дождь

Ночное небо за окном
И вековечный дождь.
А я молила об одном –
Чтоб не кончалась дрожь.

Он был замешан на крови,
На таянье снегов.
И беспредел моей любви
Не ведал берегов.

Я мечтала о свадьбе, о снежной фате,
И заранее сшила наряд:
Белый шёлк, соответствующий мечте,
И жемчужные бусинки в ряд.

А когда ты пришёл, а когда ты пришёл,
Налетел, подхватил, как тайфун,
Был уже ни к чему ослепительный шёлк.
Ненадетый ни разу, нелеп и смешон,
До сих пор он вздыхает в шкафу.

Часы тихонько тикают: тик-так...
Опять с тобою за полночь не спим мы.
Мне никогда ни с кем не будет так.
Так нежно, так остро, так нестерпимо.

Мы, словно в чаще, замерли в тиши,
Биенье крови в теле учащая.
Звериное тепло твоей души,
Как собственную кожу, ощущаю.

*Пошло слово любовь, ты права.
Я придумую кличку иную.
Б. Пастернак*

Не стыжусь штампованности слов,
Слышу их первоначальный звук.
На безлюдье диких островов
Я тебя по-птичьих позову.

Зашумят лесные голоса,
Откликаюсь эхом в вышине.
Как корабль на алых парусах,
Приплыла любовь моя ко мне.

Как на крыльях бабочки пыльца,
Трепетны, всегда как в первый раз –
Тайна черт любимого лица,
Первозданность стертых этих фраз.

Даль была лучиста и светла.
Лепетала, ластилась листва.
Помнишь, как мы слушали щегла?
Ты ему тихонько подпевал...

Не забыть, с годами не избыть
Грешного биения в крови.
Грех один на свете может быть –
Недостаток ласки и любви.

Как чудно всё – жемчужины снежинок,
Серебряные бусы фонарей...
О сколько их, улыбок и ужимок –
У счастья, что застыло у дверей.
Как торопили мы его: скорей!

Так празднично всё было и парадно,
И мы не замечали, что мороз,
Что кошками несло в чужом парадном,
И что соседка вытянула нос,
В котором стыл двусмысленный вопрос.

О, это было лето, лето, лето
Той подвенечной солнечной зимы.
И сколько бы ни набегало лет нам,
Ни прибывало холода и тьмы –
Всё те же мы, всё те же, те же мы!

Я за это счастье нашей встречи
Всех богов любви благодарю.
Я за тот метельный синий вечер
Говорю спасибо январю,

Снегопаду, что над нами реял,
Фонарям, что освещали путь,
Той скамье на вымерзшей аллее,
Музыке, что доносилась чуть.

Радость пела в сердце, нарастая.
Как метель, она кружила нас.
Мне тогда казалась, я растаю
От горячих рук твоих и глаз .

Я сейчас все это вспоминаю...
Снег фатой струится с высоты.
Я иду и будто принимаю
На асфальте белые цветы.

А то, что было всё «по правде»,
Всё, в чём душа была права,
Пуускай хранят в моей тетради
Заговорённые слова.

Когда-нибудь ночной порою
Открою старую тетрадь,
Как будто из души отрою
Всё, что зарыто умирать.

Земля качнётся, уплывая,
Как в тот негаданный визит...
И слов моих вода живая
Всё воскресит.

Высокое – и земное,
Далёкое – и родное,
Что было когда-то со мною,
Уже не вернётся вновь.

Растаяли все химеры,
Всё белое стало серым,
Ушла и надежда, и вера.
Осталась одна любовь.

Вдвоем

Сбылось всё то, что пела флейта,
О чём пророчил соловей.
Как сладко быть впервые чьей-то,
Не просто чьей-то, а твоей!

Как радостно поведать миру,
Что в нём я больше не одна.
Как будто в тёмную квартиру
Плеснуло солнцем из окна!

И кажется, что светом этим,
Что вечность нам даёт взаймы,
Я расплачусь за полстолетья
По векселям тоски и тьмы.

Наконец-то мы вместе. Окончилось бегство
От себя, от чужих и докучливых глаз.
Не от прошлого ты мне достался в наследство,
А оттуда, где Божеский слышится глас.

И открыто в обнимку с единственным другом
Я впервые свободу свою познаю.
Прижимаю к себе твою тёплую руку,
Как трофей, завоёванный в трудном бою.

*Все перепуталось, и сладко повторять...
О. Манделъштам*

Я – спутница беспутная твоя,
Путана для семейного житья.
Я – путаница слов своих и слез,
И всех твоих морщинок и волос.

Дома

В библиотеке

Мы с Давидом

То под ногами, то в твоих руках
Я путаюсь, в пространстве и веках,
И в хаосе вселенской темноты
Я путаю порой, где я, где ты.

Не знают и великие умы,
Где я и ты переплетется в мы,
Связавши в узел наше естество,
Так что лишь смерть распутает его.

Манят миры законные,
Только спешу я домой.
Ты – мое небо законное,
Месяц подаренный мой.

В синих просторах горбится
Профиль его земной.
Что без тебя мне город сей,
Бог с нею, со страной!

Мир отделен портьерами.
Тихо свечу затуши.
Будешь кружить потерянно
В безднах моей души.

Шарик, который вертится,
Нежен и невесом.
Мне до сих пор не верится,
Что это все не сон.

Ради чуда нашей встречи
Всем прощаю, кто оставил.
Обручило нас колечко
В рук твоих простой оправе.

С новым годом нашей жизни!
Что прекраснее сегодня
Этой сказки новогодней,
Что когда-то мы сложили?

Эхо опыта чужого,
Скучных сплетен гул трескучий –
Только отзвук искаженный
Наших подлинных созвучий.

Никому я так не верю.
За тобой – как за державой.
Жизнь одним порывом мерю –
Лишь к щеке прильнуть шершавой.
За небесной синей птицей
Загнала Пегаса в мыле...
Сто грехов потом простится
Нам за то, что мы любили.

Мы сошлись на дорожке узенькой,
Как нашлись посреди тайги.
Я – твоя волшебная бусинка.
Не теряй меня, сбереги!
Звёзд восторженное качание
Кружит голову, как «клик».
От земли я давно отчалила,
А до неба всё далеко.
Утоли этот голод яростный,
Эту жажду родства в крови.
Утони, как мятежный парусник,
В океане моей любви.

Будет дом. Не свеча, а лампочка.
Не луна, а орех в фольге.
Я – твоя домашняя тапочка.
В самый раз тебе по ноге.

Мы мечтаем о высоком
И стремимся вдаль за ним.
Ну, а что всегда под боком –
То не ценим, не храним.
Закружило в вихре вальса
В обруче любимых рук...
Пробил час. Сцепились пальцы.
На тебе замкнулся круг.
Отсверкали фейерверки.
Мне уже не быть одной,
Мерить мир иною меркой –
Самой верной и родной.
В тесноте, да не в обиде,
Вплоть до самого конца
Мчат в карете по орбите
Обручального кольца.

На вокзале толчя,
Где я ранняя, ничья,
Всё гляжу в стекло вагонов –
Где же там судьба моя?
Всё не в шутку, а всерьёз.
Майский дождь ослеп от слёз.
Я гляжу в чужие окна –
Где ты, принц из детских грёз?
Жизнь проходит – сутки прочь.
Не сестра уже, не дочь,
Я гляжу прохожим в лица –
Кто же сможет мне помочь?
Нету лиц и нет окон.
Я гляжу в глаза икон –
Где ты, где ты, моя радость?
Всё поставлено на кон.
Но молчат святые рты...
Я гляжу в твои черты.
Наконец-то, наконец-то
У меня теперь есть ты!

Двенадцать лет ношу тебя в себе,
А если разобраться – много раньше,
Когда жила в единственной мольбе:
«Осуществись, приди ко мне, настань же!»
Я помню наши краденые дни
И счастья непомерного усталость,
Лесное лето, ленточку лыжни,
Что в узелок навечно завязалась.
Я помню каждый лучик золотой
В тумане лет почти неразличимых.
И, может быть, наградою за то
Мы до сих пор с тобой неразлучимы.
Живу под сенью губ твоих и глаз,
Под крышей защищающих ладоней.
Неиссякаемый источник ласк
Из глубины, которой нет бездонней.
Живу я не за каменной стеной –
За теплотой родной и кровной плоти.
Все реки жизни встретились в одной –
Последнем на земле моём оплоте.

Если мне чего-то не хватало –
Вспоминала: у меня есть ты.
Это утешало и спасало
В нищете тщеты и суеты.

Жизнь мои залечивала шрамы,
Раны от утраты и тоски,
И судьбы моей крошила мрамор,
Отсекала лишние куски.

Словно скульптор в творческом запале,
Оставляя нужные черты...
Всё второстепенное отпало.
У меня теперь есть только ты.

Всё ищем мы заоблачную твердь,
Когда земля качнётся под ногами –
Соломинку, опору, посох, жердь
Иль мостик радуги меж берегами.

Луна висит дамокловым мечом.
Мир мельтешит, обманываясь, маясь.
Но небо подпираешь ты плечом,
К которому я тесно прижимаюсь.

Ты стал моим берегом и оберегом.
Вхожу в твою душу, как в тёплую реку,
И чувствую почву и твёрдое дно –
Всё то, без чего устоять не дано.

Жила без любви, без надежды и веры,
И в пропасть манили ночные химеры.
Но что мне теперь даже самая смерть,
Когда под ногами небесная твердь?

Ты был мне обещан и Богом, и Чёртом,
Давно позабытым в веках звездочётом.
Так выпали карты и звёзды легли –
Идти нам одною стезёю земли.

Это так удивительно,
Это так притягательно:
Ты – моё существительное,
Я – твоё прилагательное.

Суду не подлежащее,
Пером неопишное:
Я – твоё подлежащее.
Ты – сказуемое.

Мы – две системы, формы бытия,
С химически чужим составом крови.
Два полюса полярных: ты и я,
Ужившиеся под единой кровлей.

Но для слепой провидицы-любви
Мы – два магнита, слившиеся рядом.
Рождают электричество в крови
Всегда разноимённые заряды.

Счастье

Когда по судьбы наущенью
Года протекали в тоске,
Жила я предощущеньем,
От счастья на волоске.

Казалось, что-то случиться
Сегодня со мной должно,
И утро, как синяя птица,
Стучалось в моё окно.

Сбылось всё, что в снах томило.
Не верится, что сбылось!
Но стрелка судьбы застыла.
Недвижна земная ось.

Есть всё, что для счастья надо:
Работа, семья, дела.
Но где та босая радость,
Куда она забрела?

И рвётся душа на части...
Вдруг ночью проснусь в тоске:
Ах, где то бывшее счастье,
От счастья на волоске?

Под аркой радуги, в кольце обнявших рук
Так ярки радости, не ведавшие мук.
И жизнь домашняя, ручная, как зверёк...
Любовь вчерашняя, я слышу твой упрёк.

Как мы под ливнями бежали под плащом,
Как счастье пили мы и жаждали ещё...
Осенним золотом закрыло вышину.
Прости мне, молодость, покой и тишину.

Как трудно оставаться тою,
К которой ты привык давно:
С летящей прядью золотою,
Слепящей юной красотой,
Дурманящею, как вино.
Года подсунули подмену...
Но в сутках есть волшебный час,
Когда я снова, как из пены,
Предстану юной и нетленной,
Незаменимой, неразменной
В лучах твоих влюблённых глаз.

Низкая истина

1

Лохматое, неприбранное счастье
Без серенад, сонетов и свечей.
Браслеты не теснят ему запястья,
Не режет слух возвышенность речей.

Домашний круг. Уютный отсвет лампы.
Банальнее картины не найти.
Но в личной жизни нам милее штампы
И низких истин торные пути.

2

Душу возвышающий обман
Выигрышной правды неминдальной.
Феерии ждёт эротоман,
Но любовь всегда документальна.

Словно в приближении конца
Я люблю тебя напропалую.
В раме рук сплетённого кольца –
Драгоценность милого лица,
Где морщинку каждую целую.

Мы так близки, что наши имена
Через дефис писать готовы руки.
Отдельно нет тебя и нет меня.
Матрёшки мы, живущие друг в друге.

Любовь – игла в Кашеевом яйце.
Дрожа над ней, живу лишь при условии
Тепла в глазах и нежности в лице,
И ласки рук, сплетённых в изголовье.

«Мой милый, – говорю тебе, – мой свет», –
К груди твоей прижавшись что есть силы,
Чтоб между нами ни в один просвет
Не просочился холодок могилы.

Единство наше, как объятье, длить
Без передышки и без промежутка...
Нас и дефис не в силах разделить.
От этого и радостно, и жутко.

Я споткнусь на каком-то слогe –
Ты продолжишь за мною фразу.
Два медведя в одной берлоге,
Мы совпали с тобой по фазам.

Словно выплатили налоги* –
Беспробудочно мы сонливы.
Два медведя в одной берлоге –
Невелик же мир у счастливых!

Вопиюще не одиноки
В закутке домашнего круга,
Два медведя в одной берлоге –
Мы немислимы друг без друга.

Как бы вы вашу душу в страстях ни метелили,
Как бы ваша мечта ни витала воздушно –
Настоящее счастье всегда незатейливо:
Тесный столик на кухне, ночник над подушкой.

Проторёнными тропами жизнь устилается.
Не беда, коль не хватит в ней соли и перца.
Поцелуй чужих на губах могут плавиться,
Но они никогда не доходят до сердца.

Настоящее счастье – простое, но прочное,
Познаётся бок о бок, в обнимку, впритирку.
Ты один настоящий, все бывшие, прочие –
Только бледные оттиски через копирку.

* «Заплати налоги – и спи спокойно» –
реклама на ТВ

Сквозь тернии и шипы
Мой путь к тебе был упорен.
Из жизни, лихой судьбы
Тебя извлекла, как корень.

Прошёл первоцветья шок –
То всё шелуха, полова.
Ты – старый мой корешок.
Ты жизни моей основа.

Тетрадь, акацию в окне,
Тепло участливого взгляда –
Вот всё, что в жизни нужно мне,
А больше ничего не надо.

И что там будет впереди –
Не бередить себя вопросом.
...И – ямку на твоей груди,
Куда уткнушь холодным носом.

Ночь

Профиль древней лепки.
Морщинка глубока.
Обнимает крепко
Меня твоя рука.

Хорошо согреться
В домашней тишине.
Слушаю, как сердце
Твоё стучит во мне.

Там теперь навеки
Ночлег его, уют.
Сомкнутые веки.
Ангелы поют.

Призрачный и странный
Путь к себе самой...
Радость моя, рана.
Навеки мой.

Мы как будто плывём и плывём по реке...
Сонно вод колыханье.
Так, рукою в руке, и щекою к щеке,
И дыханье к дыханью

Мы плывём вдалеке от безумных вестей.
Наши сны – как новелла.
И качает, как двух беззащитных детей,
Нас кровать-каравелла.

А река далека, а река широка,
Сонно вод колыханье...
На соседней подушке родная щека
И родное дыханье.

Колыбельная

Этой песни колыбельной
Я не знаю слов.
Звон венчальный, стон метельный,
Лепет сладких снов,

Гул за стенкою ремонтный,
Тиканье в тиши –
Всё сливается в дремотной
Музыке души.

Я прижму тебя, как сына,
Стану напевать.
Пусть плывёт, как бригантина,
Старая кровать.

Пусть текут года, как реки,
Ровной чередой.
Спи, сомкнув устало веки,
Мальчик мой седой.

Отлетают котурны возвышенных фраз.
Остаётся лишь голая суть без прикрас.
И в душе проясняется, как негатив,
Этой песенки полузабытый мотив.

То, что было во сне, нелюдимо, во мне,
То теперь наяву, воедино, вдвойне.
Наши тропы сплелись, замыкая концы.
Мы, как ноты, слились – двойники, близнецы.

Я узнала теперь, как планета звучит –
Так, как сердце ночами о сердце стучит.
Я узнала, как выглядит абрис души –
Как лицо, что вошло надо мною в тиши.

Я люблю тебя, милый, – горячечным ртом...
Я давно позабыла, что будет потом.
Я – очаг твой, который согреет ладонь,
Твой сосудик, в котором мерцает огонь.

Я помню все слова, что ты мне говорил.
Они занесены на тайные скрижали.
Когда-то озарив и щедро одарив,
Лежат на дне души, с годами дорожая.
Скровищами душ – засушенных цветов,
Записочек твоих – не устаю владеть я.
Я помню все места на картах городов,
Куда, сбежав от всех, мы прятались, как дети.

Моя душа с тобой в надежде и в беде,
Завися от тебя, блажит иль занеможет.
А если нет тебя – то нет её нигде,
Ведь без тебя она существовать не может.

Чураясь пышных фраз, всего, что напоказ,
Моя любовь проста, мудра и старомодна.
Так впору мне она, просторна и легка,
Как в тапочке мне в ней, разношенной, свободно.

Но до сих пор пьянит твоей любви вино,
И ты моим теплом до доньшка просвечен.
Держусь за это дно, последнее звено,
Связавшее меня с присутствием на свете.

Опять наговорила на червонец,
Ни слова от тебя не утая.
Я диск кручу, дуря от бессонниц:
Ну как ты там, кровиночка моя?
Ты спросишь, что я делала? Любила.
В календаре вычёркивала дни.
Событья и слова тебе копила.
Всё подмечала, что тебе сродни.
Засыпан город весь осенней медью –
Сердечки писем в дальние края...
Звучит в ночи сквозь бездны и столетья:
«Ну как ты там, кровиночка моя?»

Уткнуться в тёплое плечо,
Туда, где сходятся ключицы,
И знать: что б ни было ещё –
Со мной плохого не случится.

Давид, звезда моей любви,
Не половина – пуповина
Навек связала по крови.
Я заполняю сердцевину

Одним тобой, тобой, тобой,
А всё не доверху, не вдоволь.
Срослись и телом, и судьбой.
Бывают сладостней оковы ль?

Замри, фортуна, не спеши,
Приникни тихо к изголовью.
Давид, душа моей души,
Дыши, живи моей любовью.

Как в омут, броситься в кровать,
В родную ямку носом ткнуться
И – засыпать, и – забывать,
И – никогда бы не проснуться...

Проснулась: слава богу, сон!
Прильну к тебе, нырнув под мышку.
Укрой меня своим крылом,
Согрей скорей свою глупышку.

Мне снилось: буря, ночь в огне.
Бежала я, куда не зная.
Деревья рушились во мгле,
Всё под собою подминая.

Но тут меня рука твоя
К груди надёжно прижимала,
Разжав тиски небытия,
И вырывала из кошмара.

Благословенные часы.
Мы дремлем под крылом вселенной.
Мы дики, наги и босы,
Бессмертны в этой жизни тленной.

Дыханья наши в унисон.
Привычно родственны объятья.
Когда-нибудь как сладкий сон
Всё это буду вспоминать я.

– Я руку тебе отлежала?
Твоё неизменное: – Нет.
Сквозь щёлочку штор обветшалых
Просачивается рассвет.

– Другая завидует этой.
– А я – так самой себе...
Рождение тихого света.
Обычное утро в судьбе.

Жемчужное и голубое
Сквозь прорезь неплотных завес.
Мне всё доставалось с бою,
Лишь это – подарок небес.

Мы спрячемся вместе от мира,
Его командорских шагов.
Не будем дразнить своим видом
Гусей, быков и богов.

Глазели в окна злые лица улиц,
Где я брела и бредила, дрожа.
Не царских лакомств, не заморских устриц –
Простого хлеба жаждала душа.

Искала счастья. Холодно, теплее...
Никак не находилось то плечо.
И лишь на той заснеженной аллее
Почувствовала кожей: горячо.

Единственный! Укутаться, уткнуться...
Был свыше предначертан этот путь.
Другой тропинки нет. Не разминуться.
И звёзды так упали – не свернуть.

Семнадцать лет творю любви молитвы.
Я слушаю, что ангел мне велит.
И наш союз чем старе – тем счастливей,
Неразделим, прекрасен и велик.

В волосах – ни сединок, в глазах – ни грустинки,
И ни капли горчинки в горячей крови.
Я прошу тебя, жизнь: не меняй ту пластинку,
Пусть закружит нас вальс вечно юной любви.

Я на карте места наших встреч обозначаю,
Календарному дню воспою дифирамб.
И тебя воспою, и в стихи мои спрячу,
Никакой вездесущей судьбе не отдам.

Всё, что бредило, зрело во мне и бродило,
Лишь сумятице сердце прикажет: нахлынь! –
То теперь до последней морщинки родимо,
И качает меня твоей ласки теплынь.

Я – изделие твоё. Твои руки и губы
Из меня воедино собрали куски.
Ты вдохнул в меня жизнь на манер стеклодува.
Я забыла вкус боли и запах тоски.

Отдаю или беру – различить не умею.
И хочу одного я теперь, не шутя –
Лишь любить и голубить, и холить, лелея,
И баюкать тебя, как больное дитя.

В твоём сердце зерном по весне прорастаю.
Отражаюсь в зрачках твоих: та ли? не та ль?
Может статься, единственная из ста я,
Что, как Золушке, впору пришёлся хрусталь.

Хэппи энд? Торжество? Избавленье от тягот?
Пусть несётся кораблик по волюшке волн.
Я не знаю, как звёзды в судьбе нашей лягут,
Что захочет любви и стиха произвол.

Мой пастырь, царь мой, поводырь!
Не льшу, а льну к тебе и ластюсь.
Дороже хлеба и воды
Лишь то, что называют счастьем.

Пускай всего судьба лишит –
Лишь были б рядом эти губы...
Чем больше жизнь идёт на убыль –
Тем больше прибыль для души.

Великий внутренний покой.
Что по сравнению с этим воля!
Теперь заполнено тобой –
Что было наполненьем боли.

Из царства вымысла – в между
Перехожу насущной речи.
Свою любовь перевозжу
Я с лунного – на человечесий.

Я знала бред её и брод,
Ночного таинства порочность,
И расставания непрочность,
И пагубу, и приворот.

Но, приручённая тобой –
Скользит вослед домашней тенью.
Вовек со мной моя любовь,
Неразлучимо – ночь ли, день ли.

Судьбе повелевает стих
Делить вдвоём и зной, и пасмурь.
И смех, и плач, и даже насморк
Отныне послан на двоих.

Прочнее не бывает уз.
Их суть, их смысл сакраментален.
Вот ты. Вот я. Вот наш союз.
Смешон и лишен комментариев.

Ты мне такое счастье принёс,
Такого нету нигде.
Оно не просто однажды сбылось –
Сбывается каждый день.

Оно родимее всех отчизн,
Стариннее всех эпох.
Такой, должно быть, бывает жизнь,
Когда в неё входит Бог.

Оно свечою украсит тьму,
Укутает, как в меха.
И нет никакого дела ему
До моего стиха.

Я поставила лишь на тебя одного,
У меня на земле никого, ничего.

Этот воздух ночной, этот свод голубой –
Всё отныне заполнено только тобой.

Духи прошлого канули в Лету давно.
Ты – последняя ставка в моём казино.

Мой любимый и муж мой, отец мой и брат,
За тобою, с тобою – до облачных врат
По канату над бездной судьбе супротив
Без страховки, гарантий и альтернатив.

Жизнь коротка, не ухватиться
За край, когда идёшь ко дну.
Не взвыть, как зверь, не взмыть, как птица,
Не кануть рыбой в глубину.
Но знаю истину одну:

С тобою вечный День Рождения,
И Рождество, и Новый год.
Спасенье ты моё, везенье
И исцеленье от невзгод.
С тобою нет плохих погод.

На улицах, в домах и в душах
Такая морось, грязь и гнусь.
Весь город уж по уши в лужах.
Я злюсь и у окна томлюсь.

Дождь чертит вкось свои конспекты.
Чего мы ждем? Куда пойдём?
Поездки, планы и прожекты –
Все перечеркнуто дождем.

Все заштриховано и смыто –
Цвета надежд, улыбки уст.
Дождь ходит по души как мытарь.
Мир обнищавший сер и пуст.

Но хорошо в свою берлогу
Укрыться в эту стыть и бредь,
И знать, что ты не одинока,
Что есть кому тебя согреть.

Мой дом, мой кров, моя пещера,
Убежище от суеты,
Моя любовь, надежда, вера –
Всё это ты, всё это ты.

Душа тепла уже не прячет
И встрепенётся – только тронь,
Когда в руке своей горячей
Твою почувствую ладонь.

Ах, только б этот взгляд любимый,
Посеребренный висок, –
Мой давний, неискоренимый,
Осуществившийся мой сон!

Услышать голос твой спросонок,
Не расставаться до зари.
Я – твой прирученный лисёнок
Из «Принца» Сент-Экзюпери.

Когда погаснувшей зарницей
Уйду в нездешние края,
О чём пригрезится, приснится
В последнем шуме бытия?

О чём-нибудь совсем домашнем:
Как мы играли с нашим псом,
Какой-нибудь обед вчерашний,
Как говорили обо всём.

И мне откроется воочью,
Что это, в сущности, был рай.
Свети, мой тихий огонёчек,
Живи, душа, не умирай!

Нам вечность не грозит.
Без нимба, ореола
Лицо твоё вблизи
Отчётливо и голо.

Всё меньше виражей
В смертельном нашем ралли.
Всё больше миражей
Развеяно ветрами.

И деревянный чёрт –
Смешное воплощенье
Твоих семитских черт –
Потутился в смущенье.

Уж сколько лет и зим
Висит он в изголовье,
Твоим зрачком косит
С укором и любовью.

Меняются черты,
Мелькают дни и даты,
Но вечно моё Ты,
Незыблемо и свято.

Ты выхватил меня
Из пустоты вселенной,
Из тьмы небытия,
Из водной дрожи пенной.

Обвёл защитный круг.
Лежу, как в колыбели,
В тепле сплетённых рук,
В твоём горячем теле.

Храни меня, храни,
Мой ангел с ликом чёрта!
Мне кажется, что нимб
Венчает лоб твой чёткий.

И отступают прочь
Кладбищенские плиты.
И дольше века – ночь,
Где наши лица слиты.

Всего лишь жизнь отдать тебе хочу.
Пред вечности жерлом не так уж много.
Я от себя тебя не отличу,
Как собственную руку или ногу.

Прошу взамен лишь одного: живи.
Живи во мне, живи вовне, повсюду!
Стихов не буду стряпать о любви,
А буду просто стряпать, мыть посуду.

Любовь? Но это больше чем. Родство.
И даже больше. Магия привычки.
Как детства ощущая баловство,
В твоих объятиях заключусь кавычки.

Освобождая сердце от оков,
Я рву стихи на мелкие кусочки.
Как перистые клочья облаков,
Они летят, легки и худосочны.

Прошу, судьба, не мучь и не страши,
Не потуши неловкими устами.
В распахнутом окне моей души
Стоит любовь с наивными цветами.

*Всего прочнее на земле печаль...
А.Ахматова*

Всё повторимо: почки и грачи.
Ни снег, ни дождь – ничто не брызжет новью.
Единственен лишь голос твой в ночи,
Что шепчет моё имя в изголовье.

Я заключу тебя в объятья строк.
Ты будешь в них, как в шлеме и кольчуге.
А если вдруг судьба взведёт курок –
Прочней мечта окажется о чуде.

Комната

*Комната. Скрипящая доска.
Четырёхугольная тоска.
А.Кушнер*

*Не выходи из комнаты,
Не совершай ошибки.
И.Бродский*

*Прочь от калитки моей, родина.
И.Кабыш*

Моё логово-угол, где стены хранят от ушибов,
Моя камера пыток, что пуще неволи мила.
Я не выйду из комнаты, не совершу я ошибок.
Мне она никогда не была ни скучна, ни мала.

Мой источник пиров средь чумы, мой очаг сновидений,
Моя комната-трюм, где заброшена дел дребедень,
Где, скрипя половицами, бродят любимые тени,
Где по чувствам, а не по часам судишь прожитый день.

Здесь в окошко, как в лупу, всё видишь яснее и проще.
Мир пушистым комочком свернулся у ног без затей.
Я не выйду из круга любви на продутую площадь,
Из сердечного света – на холод планеты людей.

Как сберечь отчий дом в этой немилосердной отчизне,
Где неистовый смерч наши гнёзда готов разорить?
В этом мире из комнаты выйти – что выйти из жизни.
Дверь открыть или окна – что жилы себе отворить.

Родина крошечная моя

И вгрызается в горло нам век-бультерьер...
Мир издохнет от кровопотерь.
Дрессировщик – хозяин его – изувер,
Им науськан безжалостный зверь.

Этот пёс кровожаднее, чем волкодав.
Ему жизнь человека – обед.
Как же нам, не приемлющим волчий устав,
Одолеть тебя, век-людоед?

Что творят эти взрослые дети?!
Нет планеты у нас запасной.
Полушария мозга в ответе
За беспомощный шарик земной.

Мы в единой находимся связке –
Каждый волен столкнуть иль спасти.
Все повязаны кровью, в замазке,
Никому от суда не уйти.

Не молиться бы нам, не поститься,
А спасти этот шарик родной.
Не отмазаться, не откреститься
От того, что зовётся страной.

Некогда бескрайняя, безбрежная,
А теперь сужаются края.
Бедная, безбожная и грешная,
Родина крошечная моя!

Продолжай кормить меня обманами,
Забирай последнее на чай,
Душу выворачивай с карманами
И, что заслужила, – получай!

Боль незаживающая, мутная
И ежеминутная в груди.
Родина, беспутная, валютная,
Ты за всё, за всё меня прости.

Страна больна смертельно. И преступно
Не видеть этих признаков в упор.
Спокойно спать, покуда запах трупный
Сочиться будет из щелей и пор.

Её кровавой рвоты от отравы
Гнилья помоек, радиовранья
Не видеть, воспевая лишь дубравы,
Берёзок шум да трели соловья.

Не любите Россию вы. Ну разве
Любовь это – в её последний миг
Хвалить красу, не замечая язвы,
И славить глас, не разумея крик?!

Национал-патриотам

А вам, друзья, я так отважусь
Сказать, поскольку здесь живу я:
Люблю Россию, но не вашу,
Сусальную и неживую.

Люблю не миф, не сверхдержаву.
Я, здешних улиц уроженка,
Люблю Россию Окуджавы,
Волошина и Евтушенко.

Не древних сказов благолепье,
Где столько патоки и фальши,
Не только пажити и степи,
Но и проспекты, и асфальты.

Не терема и не усадьбы, –
Люблю Россию без рисовки.
Что в нос вы тычете нам лапти,
Коль сами носите кроссовки!

России благодной, обильной,
С икрой, что ели до отвала,
Той, что вы чванитесь умильно,
На свете не существовало.

России в мирном хороводе,
Молящейся под образами, –
Такой и не было в природе,
Её вы выдумали сами.

Люблю, не пряча слова злого,
Когда глупа она, жестока,
Русь Гоголя и Салтыкова,
Русь Чаадаева и Блока.

Не тот зовётся патриотом,
Кто водку хлещет, как Есенин,
А тот, кто делает хоть что-то,
Кто мрак пытается рассеять.

Россию любит, кто ей служит,
Кто за неё пойдёт на плаху,
А не позёр, что бьёт баклуши
И рвёт у ворота рубаху.

На перекрёстке двух эпох,
Как на трапедии, стою.
И там – обман, и здесь – подвох.
Смотрю, запрятав крик и вздох,
Свою страну не узнаю.

Не то, чтоб я – за ловлю блох,
И мир не так уж в целом плох,
И всё равно не быть в раю...
Навис над Родиной сапог.
На перепутье двух эпох,
Как на голгофе, я стою.

1993

Новая Россия

Как тебе пьётся и курится,
Как тебе хмурится зло?
Съёжилось, скорчилось, скурвилось
Всё, что жило и цвело.

Мир был, простой и единственный.
Как неделимость раззять?
Кто-то, глумясь и бесчинствуя,
Смёл, как ненужное «ять».

Млея от запаха Запада,
Копим под кожей гной.
Душ, замурованных заживо,
Дух достаёт погребной.

Глас вопиющих на площади.
Боже, как выжить, скажи?!
Не задохнуться от пошлости,
Не захлебнуться во лжи?

Снова наивное яблочко
Катится времени в пасть.
Как исхитриться нам дьявольски
В пропасти не пропасть?

День ото дня безнадежнее.
Зори пылают в крови.
Эти проклятья острожные –
Лик оборотный любви.

Это моё, неразрывное,
До отвращения моё.
С болью, коростой, нарывами
Слито навек бытие.

Крошится, падает, рушится,
Всё погребая во мгле...
Боже, пошли же нам мужество
Жизнь пережить на земле.

1993

Кричит на митинге мессия,
И автомата блеск свинцов.
Виват, немытая Россия!
Я узнаю тебя в лицо.

Опять до основанья рушим,
Опять играем ту же роль.
Пусты карманы, нищи души,
И гол по-прежнему король.

Мечтали: дали б только крикнуть,
Что гол! И нет пути назад!
Успели к крику все привыкнуть,
А он все так же голозад.

Лишь раньше свита уверяла,
Что платье цвета кумача,
Теперь оно трехцветным стало,
А дело одного ткача.

1993

Трёхцветный флаг нам счастья не принёс,
Как кошка – по народному поверью.
Народ скулит и воет, точно пёс
Пред наглухо захлопнутою дверью.

215

О мученик обоганных идей,
Обманутая жертва обольщения!
Ты – уценённый кем-то сорт людей,
Изъятый навсегда из обращения.

Пока ещё наркоз любви, стихов,
Родного дома действует привычно,
И командорской поступью верхов
Не омрачён мой слух аполитичный,

Но среди чумы самоубийствен пир.
И Муромец однажды слазит с печки...
Вдыхаю жизни нашатырный спирт,
Чтобы очнуться от блаженной спячки.

Этот пошлый мир не стоит песен.
Вечен поединок душ и тел.
И нектар амброзий будет пресен,
Если хлеба досыта не ел.

Не жилец в отечестве мессия.
И, как испокон, из тьмы веков
Смотрит прокажённая Россия
Жёлтыми глазами кабаков.

Нет уже давно советской власти,
И нельзя на зеркало пенять,
Но опять сулят народу счастье
Мафиози стран, объединясь.

Русь, как Дунька, вырвалась в Европу.
(Чай, в неё прорублено окно).
Примеряй новинки гардероба:
Варьете, бордели, казино!

Где твои пленительные косы?
А была когда-то хороша.
И в алмазах не увидит космос
Тёмная косматая душа.

Колокольный звон по наши души.
Это стон по тем, которым жить.
Распростёрлась часть шестая суши.
Словно труп неубранный, лежит.

1994

216

Тупая, кровавая родина,
Вовек мы тебя не отмоём.
Тоскуя по жизни украденной,
В твоих околеем помоях.

Зари разгорается марево,
Небесные очи бездонны...
И облик твой с пьяною харею
Сменяется ликом мадонны.

Слепая, святая, юродивая,
Бредёшь наугад, наудачу.
К тебе припадаю, уродина,
Клянусь, и целую, и плачу...

1994

Когда души высокий градус
Взлетал, как чайка, в небеса –
Сверкал нам лермонтовский парус,
Горели Грина паруса.

Теперь, витринами сверкая,
Горят, как сотни маяков,
По всей России косяками –
Огни коммерческих ларьков.

Плебеи вырвались в плейбои.
Крутая выпала стезя
Пиратской промышлять тропую,
Из грязи выбившись в князья.

Троллейбус синий... Что за овощ?
О нем не ведают ГАИ.
Нам не придут уже на помощь
Матросы верные твои.

Итак, наплойте на лампы.
Их храм воздвигнут на костях.
Эпоха близится распада.
И пули в воздухе свистят.

1994

Нет, не былью, а антиутопией
Сделать сказку русским довелось.
Господи, ужель твои подобию
Нашу жизнь кроили вкривь и вкось?

217

Ставить антипамятники впору им.
Скотный двор растёт, весь мир объяв.
Слаб Замятин, отдыхает Оруэлл
Перед тем, что выдумала явь.

Русь – огромная деревня,
Что ни в чём – ногой ни в зуб,
Словно мёртвая царевна,
Ждёт спасенья – чьих-то губ.

Елисей прекрасный, где ж ты?
Оживи, спаси, явись!
Полумёртвая надежда
Простирает руки ввысь.

Скоро явится он сам уж,
Прямо с неба, как презент,
И возьмёт Россию замуж
Королевич-президент.

Выборы

Вновь рабы выбирают хозяев.
Выбирает хозяев народ:
Бюрократов и негодяев,
Демократов и – наоборот.

Да, история необратима,
Но всё той же эпохи замес:
Наш Иван-дурачок, Буратино
Всё участвует в шоу кретинов,
Уповаая на поле Чудес.

Без работы нынче Дон-Кихоты.
На простое ветряные мельницы.
Мы – рабы идеи и свободы.
Ничего у нас не переменится.
– Что ты будешь есть? – тебя спросила, –
Кашу овсяную или манную?
Ты ответил: «Это равносильно
Выбору меж Ельциным–Зюгановым».

1996

Пышно взбиты сливки облаков,
Солнце рдеет яблоком румяным.
Выбирай, страна большевиков,
Главаря, пахана, атамана!

218

Кровью обогрѣнная заря
Нас разбудит выстрелом «Авроры».
Вновь шеренги выстроятся в ряд,
Загремят тюремные затворы.

Будет дрессированный пиит
Петь одни дозволенные песни.
А окно в Европу заслонит
Занавес, что уж изъела плесень.

Барабанный бой заглушит вой.
Тот, кто был ничем, тот станет в силе.
И вздохнѣт от зависти живой
К тем, кто успокоится в могиле.

1996

Мы будем платить по кровавому счѣту
За всё, что лежит на Фемиды весах:
За преданный призрак крылатой свободы,
Что вновь испарился от нас в небесах,

За то, что стыда позабыли надсаду,
За то, что отринули душу за хлеб,
Отныне дорога, как быдлу и стаду, –
В казарму и стойло, в свинарник и хлев.

Июль 1996

Междутурье

Господи, ни охнуть, ни вздохнуть...
Э.Рязанов

Плюнь, да поцелуй злодею ручку.
А.Пушкин «Капитанская дочка»

Скоро будем охать и вздыхать.
Впрочем, можно что-нибудь на выбор.
Господи, избавь нас от греха
Выбирать меж леших и кикимор.

Как-то там говаривал Остап? –
И кобыла кой-кому невеста.
В лоб иль по лбу, этак или так –
Подставляй какое хочешь место.

Раздвоилась Родина в глазах
На неправых левых или правых.
И наводит ненависть и страх,
Как дракон, орѣл её двуглавый.

219

Как ни плюй – а руку в урну суй,
Пусть ты доведѣн уже до ручки.
Голоси, а всё же голосуй.
Плюнь, да поцелуй злодею ручку!

Только отольются им стократ
Наши слѣзы, наши охи-вздохи.
Выбирай судьбу, электорат!
И справляй поминки по эпохе.

Ты, Борис, конечно, прав,
Совесть властью вновь поправ.

А народ? Народ не рад.
Вымират электорат.

1996

Встреча

Она была с утра уже поддатой,
И плакал по ней чуточку дурдом.
Мы вместе с ней работали когда-то.
Теперь её узнала я с трудом.

Сейчас она бутылки собирает
И проклиная нынешнюю власть.
Она уже совсем дошла до края.
(Заплакала и выругалась всласть).

Ходила к участковому недавно:
Её убить грозился рэкетир,
Который контролирует, как главный,
И сквер, и магазины, и сортир.

А дочка безработная на шее,
Едва хватает на кефир и хлеб.
Вчера она была у ворожеи,
И та сказала: «Всѣ в руке судеб».

А я гляжу в её глаза косые,
И пробирает медленная дрожь.
Ах, что с тобою сделали, Россия!
Зубами только скрипнешь да пойдѣшь.

1995

Этот сквер от слова скверна,
Где торгуют фирмачи, –
Дух базара, дух таверны,
Перегара и мочи.

220

Вот алкашка спит на лавке,
Бомж из бака что-то ест.
Далеко кошмарам Кафки
До отечественных бездн.

Раздаёт газетки секта,
Охмуряет сладким сном,
Обещает воскресенье
В мире лучшем и ином.

Ветер сор метёт по лужам.
В этой алчущей толпе
Никому никто не нужен –
Ни другим и ни себе.

Не бренчать тебе на лире,
Не снискать душе даров
В этом сквере, в этом мире,
Самом скверном из миров.

В булочной

Старушка шептала, купюры считала.
Совсем ей немного на хлеб не хватало.

Я быстро ей сунула денежку в руку,
Чтоб только не видеть старушечью муку,
И тут же смешалась с толпой магазинной.
Но глянула мельком – и сердце пронзило:

Так губы дрожали, и дрожь её была –
Ведь я той подачкой её оскорбила!

Как стыд меня жёг, я себя проклинала!
И долго потом её взгляд вспоминала.

Промчалась зима, а за нею и лето.
Я снова иду мимо булочной этой.

Смотрю – у дверей притулилась старушка,
В дырявом пальтишке с облезлой опушкой,

И жалко на хлеб у прохожих просила:
«За ради Христа...С вами крестная сила...»

Та самая. Встретиться взглядом не смею.
Но что же судьба за год сделала с нею?

Та нищая гордость и глаз её холод –
Всё съел, обглодал унижающий голод.

И голос смиренный в привычных молениях
Уже не умел различить оскорбленья.

В натруженных пальцах щедеушно, неловко
Сжимала она, как цветок, сторублёвку.

И, встретившись взглядом, глаза опустила.
Узнала? Прочла мои мысли? Простила?..

1995

До свиданья, крутая эпоха,
Без руки, без слезы и без вздоха.
Лучше чашу полнее подлей.
Проститутка, хапуга, пройдоха,
Нам бывало порой в тебе плохо,
Но ещё не бывало подлей.

Век лапши, позавесившей уши,
Век душителей нищих старушек,
Свои бледные ноги закрой!
Так прощай, девяносто минувший,
Обокравший нас и обманувший,
И да здравствует голый король!
Декабрь 1995

В стране, где голый властвует король –
Как в Датском королевстве, всё прогнило.
Оскал Москвы, провинции мурло –
Одно лицо, одно гнильцо сроднило.

О бодрость беспробудная эпох!
Здесь, палачам забвение даруя,
Народ безмолвствует, индифферентен Бог.
Блажен, кто верует, а пуще – кто ворует.

В краю вампиров, где так любят кровь,
Недаром предпочли Христу Варавву.
Страна банкиров, нищих и воров –
Таковую мы себе снискали славу.

Страна рабов, где храмы льют елей,
А мафия бесчинствует безбожно,
Где власть ельцинизирует в Кремле,
И всем нам черномырденно и тошно.

1996

Помню какую-то передачу,
Где журналист у народных масс
Всё выпытывал наудачу:
«Что такое – счастье для вас?»

И отвечали ему – нелепей
Трудно придумать – «когда весна!»
«Счастье – когда две радуги в небе!»
«Счастье – когда нам поёт «На-На»!

Всё молодые ему девчонки
Под микрофон попадались тогда.
Щёки горели, взлетали чёлки.
Что они знали в такие года?

А журналист их слушал в пол-уха,
Всё кружил среди этих Лолит,
И вдруг сказала одна старуха:
«Счастье – когда ничего не болит».

Девочка плачет у Окуджавы –
Шарик спрятался в небесах.
Но не её, а старушку жалко,
Слёзы той тяжелей на весах.

Целая жизнь пролегла меж ними,
Путь от шариков – до молитв.
«Счастье – когда две радуги в небе!»
«Счастье – когда ничего не болит».

Что мне добавить к словам старухи?
Уточню только ряд идей.
Счастье – когда не стреляет в ухе.
Счастье – когда не стреляют нигде!
Счастье – когда наполнены миски,
Когда хоть что-то есть впереди.
Счастье – когда не болеет близкий.
Когда не болит планета в груди.

Я тобою ранена,
Я жива тобою.
Русь моя, окраина,
Небо голубое!

Всю тебя измызгали,
С молотка пустили,
Пулями и взрывами
Как изрешетили.

Всю тебя изграбили,
Но, и обвиняя,
На луну Израиля
Я не променяю.

Нищая, бездомная,
Без гроша в карманах,
Но глаза бездонные
Эти не обманут.

И вода ты мёртвая,
И вода живая.
Русь моя, разверстая
Рана ножевая.

Как там у Вильяма Шекспира?
«Театр – мир», а город наш –
Лишь небольшой кусочек мира,
И в нём такой же ералаш.

Здесь каждый день – всё та же пьеса,
Где будни, козни, зло и грусть.
И смотрим мы без интереса
На то, что знаем наизусть.

На улице сыро и серо,
И сердце одето в печаль.
Сквозит за решетками скверов
Промозглая голая даль.

Остатки июльского пира
На грязном осеннем столе.
И вся подноготная мира
Сиротски открыта земле.

Вот улица. Вот и аптека.
А где же заветный фонарь?
Разбила себе на потеху
Какая-то пьяная тварь.

И все холодней век от века.
И Блок принесен на алтарь.

Ни Онегина, ни Ленского –
Только Чичиковы сплошь.
То афганская, чеченская,
То реформенная ложь.

Все отравлено, загажено,
Все чужое, не мое.
Души мертвые обряжены
В заграничное тряпье.

Нет, не вечное, а вещное.
По одежке – не уму.
Солнце только померещилось –
И опять ушло во тьму.
Ни Онегина, ни Ленского...
Бьется строчка у виска.
И какая-то вселенская
Декадентская тоска.

Новые русские

Еще молитвы шепчутся губами,
А уж в уме считается навар.
Нательный крест, как револьвер в кармане,
Есть непреложный их аксессуар.

Жлобы, проныры, воры, рекитиры –
Для этой своры звездный час настал.
Грязнее привокзального сортира
Их тщательно отмытый капитал.

Все сто пудов пошлятины и мата
И лишь одна извилина в мозгу,
Немногим отличая от примата...
Довольно. Хватит. Видеть не могу.

Музыка

*И музыка, музыка, музыка
врывается в сердце моё...
В.Ходасевич*

Им после ужина –
Водочки, курочки –
Нужно отдушины:
Пения, музыкалки.
– Лучшему другу, –
Ну же, маэстро,
Корешу с юга,
Баксы – оркестру.
Сдачи не надо,
Это за вредность.
Что-нибудь наше,
Чисто конкретно...
Кто платит –
Тот музыку и заказывает.
Кто плачет –
Слёз своих не показывает.
Вместо музыки лада –
Той, что сегодня,

Слышу музыку ада
Из преисподней.
Нет, не величальную
Толику и Ленчику –
Песню поминальную
Мёртвому младенчику.
Песня колыбельная,
Тихая припевочка
Детям неродившимся,
Мальчику и девочке.
Баю-бай, баю-бай,
Поскорее забывай...
Мир, пробуравленный
Музыки зондом.
В горле – затравленный
Крик канте-хондо.
Не флейта, не лютия
И не гармония.
Дикая, лютая
Песня-агония.
Пой, в дурмане плавящем
Душу выворачивай!
Жизнь размажь по клавишам,
Всё сполна заплачено.
То, что бессонно
Слышишь полночи ты –
Марш Мендельсона
Для одиночества.
Нежная, плавная
Тема адажио...
Самое главное...
Нет его... Дажь его...

Утонув в словоблудии,
Неосуществлении,
Жизнь осталась прелюдией,
Музыкальным вступлением.
Что замуровано
В музыке той?!
Марш похоронный
Жизни пустой.

У Бога – в цейтноте,
Ему не видны.
Но все на учёте
У сатаны.

Ах, мне бы, ах, мне бы
Понять их разлад:
Безбожное небо,
Божественный ад.

В елее молитвы
Стоять со свечой,
А после – на битву
Огнём и мечом?!

Поклоны иконам
Неистово класть –
И тут же законно
Убить и украсть?!

Все спекулятивные
Игры плохи.
И богопротивные
Зреют стихи.

О, славьтесь, химеры,
И вечно, и днесь!
Безверья и веры
Гремучая смесь.

Мир расслоился с недавних пор.
Никак не возьму я в толк:
Кто-то здесь вол, а кто-то – вор,
А кто-то и вовсе – волк.

Нутро людское сквозь слой корост
Сумей разглядеть нагим.
Это – народ, а то – нарост.
Не путай одно с другим.

Не для меня газетного вранья
Подножный корм и рапортов победность.
Не для меня и сытные края.
О Родина, о нищая моя,
Я жизнь свою подам тебе на бедность.

Съешь и её... Как Блок, скрывая грусть,
В душе тая бесстрашного бесёнка,
Писал, – судить его я не берусь, –
Что слопала, гугнивая, мол, Русь,
«как чушка, своего ты поросёнка».

Другой Руси на свете не найти.
На место в сердце нету претендента.
Но с этой мне страной не по пути.
И в ногу мне не хочется идти
С лукавым и гугнявым президентом.

2003

Все мы дети грязной и безумной,
Под собой не чуемой земли.
Наши Грины вымерли, как зубры,
На мели все наши корабли.

Апокалипсическое время!
Наши корабли уже на дне.
Я сейчас ни с этими, ни с теми,
Я сейчас с собой наедине...

Грезим мы об алых парусах.
Белый парус ищет бури в море.
Жизнь и смерть мелькают на весах.
Как же выжить в этих волнах горя?

Пьян корабль. На дно уходит век.
Никому не выйти без урона.
Что это?.. Спасение?! Ковчег?
Пропустите, мной оплачен чек!
Глядь, а там, в волнах – весло Харона.

История – истерика времён,
Что убивает медленно, но верно.
Мир не для тех, кто тонок и умён.
Не для поэтов, не для слабонервных.

Сидят вожди в чертогах золотых,
Крутые, но пологие по сути.
Не ведает отныне чувств шестых
Шестая пядь, погрязнувшая в блюде.

Где был барак – теперь царит бардак.
Казармы перестроены в бордели.
Как будто стёр безжалостный наждак
Всё, чем владели и о чём радели.

Страна рабов, не чующих страны
Среди рекламных сникерсов и чипсов.
Страна воров, разграбленной казны,
Распроданных садов, забытых Фирсов.

Соблазн Рембо: поэзию презреть,
Уйти в торговлю, на далёкий остров...
Корабль пьян. Оставшийся на треть,
Он по волнам несёт свой мёртвый остов.

Закройте ваши души на засов.
Когда уходит из-под ног земное –
Уж не до белых-алых парусов,
Спасти б своё судёнышко, как Ною.

Куда ж нам плыть? Где выход, лаз, отсек?
О, никогда я не пополню стадо
В любви тебе клянущихся навек
И знающих, как надо и не надо.

Души с рассудком нескончаем спор.
Пустыня, как всегда, не внемлет гласу.
Стучит в сердца Лопахинский топор,
Как пепел незабвенного Клааса.

Когда не взвидишь света до зари,
Когда уже совсем к стене припёрло –
Вот тут-то Муза и заговорит,
Вот тут и запоёшь-то во всё горло.

О мазохизм чумного на пиру!
Какой бы груз внутри себя ни вёз ты,
Чем горше жизнь – тем сладостней перу,
Чем ночь темней – тем ярче будут звёзды.

В глазу окна – соринка месяца.
Слезами даль заволочло.
О, сколько грязи в жизни месится,
А всё-таки в душе светло.

Пусть всё заполонили гадины –
Хранит его грудная клетка.
И свету ровно столько дадено,
Чтобы не околеть.

Грязные статейки в пафосе дурном.
Слякоть на страницах, слякоть за окном.

Переполнил дождик чашу эту всклень.
Пусть их поливают все, кому не лень.

Подставляю сердце под холодный душ
Слов пустопорожних, чужеродных душ.

Выжигая лишний чистый углерод,
Получаю прочность высшей из пород.

Закаляю сердце, как литую сталь,
Чтоб его не грызла лютая печаль.

Пусть его не тронет ржавчина тоски,
Не растащат злые люди на куски.

Идёт погоня за душой.
Идёт погоня.
О как же жаждет мир брюшной
Её агоний!

Приказ составлен был в верхах
И подытожен:
«Поймать её! Повергнуть в прах!
Растлить святошу!»

Она жива собой сама,
Она невинна.
Но комья грязи и дерьма
Летят ей в спину.

Бомбят её клочки газет
И клочья сплетен.
И мчатся кони ей вослед,
Их гонят плетью.

Идёт погоня за душой.
Всё ближе дали.
Но снова лажей, как вожжой
Они достали.

Вещают сотни подлещов
На всех каналах,
Чтоб никогда она в лицо
Себя не знала.

И нас тошнит уже лапшой
Почти до рвоты.
Идёт погоня за душой,
Идёт охота.

Бездушен облик нелюдей –
Вождей в законе.
И от предчувствия гвоздей
Болят ладони.

Её хватают на лету
И вяжут крылья.
(Когда-нибудь на тему ту
Напишут триллер).

Слились в людской единый шлак
Волы и волки.
– Прощайте, люди! Я ушла.
Живите долго.

Ненужный ангел, всем чужой,
Её заждётся...
Утешен будешь не душой,
А чем придётся.

Что грело нас сильней огня,
Увы, отныне
Зимы укроет простыня,
Пожрёт пустыня.

Пусть спит душа в её груди
До смены века.
Пока поэт не возродит
В нас человека.

Исторгнув утро из нутра,
Проснется мой горластый город.
Что делать в свете фар утра
С душой, где только мрак и горечь?

И мутный день, что тот талмуд,
Который я прочесть не в силах...
Уже не светит никому
Офонаревшая Россия.

Душа подвластна барышу,
Кругом тупицы и невежды.
Но я хожу, дышу, пишу...
И разве в этом нет надежды?

Мне пишет природа

*Это в белом конверте
Ему пишет зима.
А. Кушнер*

Мне пишет природа волной на песке,
Чернилами рос на зелёном листке,

Размашистым почерком вьюги шальной
И азбукой Морзе капли хмельной.

Как яблоко падает в руки само,
По адресу сердца слетает письмо.

На небе бумажном – заката печать.
И стыдно, и страшно ему отвечать.

Неутомимо, неотвязно,
Как будто вправду человек, –
В окно стучатся ветви вяза,
Стучится ветер, дождь и снег.

Уж сколько лет и днём, и ночью
Стучится в жизнь незнамо кто,
Как будто что сказать мне хочет.
Но что?!

Окно

*Окно выходит в белые деревья.
Е.Евтушенко*

А у меня оно выходит в май,
В зелёный свежий шелестящий рай.
Напоминая разом лес и сад,
Мои миры расцветшие висят,
И ветка, как большой пушистый зверь,
В балконную заглядывает дверь.

Волной ольховой плещет у окна,
И от неё вся комната темна,
Но чем темней от лип и тополей,
Тем на душе и чище, и светлей.
Прощаю темень, семени труху
За зелень, сор, без коего стиху
Не вырасти, за веток перестук
Взамен руки, что не протянет друг,
Прощаю скрип и шорох по ночам
За этот свет божественный очам,
За этот ветра пробежавший ток,
Похожий так на детский лопоток,
За то, что несмотря на жуть и мрак
Распада, что не видывал Ламарк,
Сквозь смрад и срам нам брезжит по утрам
Природы чистый осиянный храм.

Дерево заглядывает в окна
С чисто человеческой тоской.
Ветви мокнут и под солнцем сохнут,
Что-то шелестят мне день-деньской.

Дерево бормочет и пророчит,
Сладко убаюкивает в ночь.
То ли от меня чего-то хочет,
То ли просто хочет мне помочь.

В природе неодушевлённой –
Все признаки твоей души:
Печаль и радость, пыл влюблённый,
Дремучий гнев неутолённый,
Тревога тайная в тиши.

Мы видим в ней свой жалкий жребий
И в небеса крылатый путь,
Зной страсти, нежности отрешья,
Восторг и ужас, страх и трепет –
Всю человеческую суть.

Во всём приметы близкого родства
Души с землёй, их тайного соседства.
Переплелись корнями дерева,
Им никуда от прошлого не деться.

Мертвеет пень безглавый под кустом.
Скрипит сосна в бессильной укоризне.
Дрожит осина, подавляя стон
По тем, кого любила в прошлой жизни.
Мне страшен их разбросанный пасьянс.
Шепчу: «Ну хватит, замолчите, будет!»
«Гляди на нас, – я слышу вещий глас, –
Когда-нибудь с тобою то же будет».

Осенний лист упал, целуя землю.
Деревьев целомудренный стриптиз...
И все мы занимаемся не тем ли,
В какие мы одежды ни рядись?

Я изучаю ремесло печали,
Её азы читаю по складам.
Усваиваю медленно детали
Того, что неподвластно холодам.

Того, что неспособны опровергнуть
Хорал ветров и реквием дождя,
Того, что учит: если очень скверно,
Ты улыбнись, навеки уходя.

Я приглашаю Вас на жёлтый танец,
Прощальный вальс в безлиственной тиши.
И не пугайтесь, если вам предстанет
Во всей красе скелет моей души.

За углом берёза закадычная –
Словно от тоски моей таблетка.
Речь её прямая закавычена
Птичками, сидящими на ветках.

Вновь аллея эта в ноги бросилась,
Расстилая листьев одеяло.
Ива-плакса опростоволосилась,
Все свои гребёнки растеряла.

Липки

Всё на свете подделка и липа
По сравнению с этим до слёз
Ностальгическим садиком Липки,
Тех, что всех ностальгичней берёз.

По аллеям бреду, как по следу,
Ухожу в его жизнь, как в запой.
Ну куда я отсюда уеду?
Разве можно расстаться с собой?

В этот сад мы все по уши влипли.
Сколько б времени ни утекло –
Расточает улыбки нам Липки,
Разливая по душам тепло.

Словно хочет напомнить с укором
Позабывший из детства мотив.
Не даёт мне уехать мой город,
Насмерть Липками прилепив.

Меж светом и теменью – драка.
От солнца кровава роса.
Восстали деревья из мрака,
На вилы подняв небеса.

Не в благостной тихой молитве,
Бросающей тень на плетень,
А в страстной и яростной битве
Рождается будущий день.

Деревья

В такую бурю не пройти и метра –
Смерч, словно смерть, сбивает на ходу.
Деревья, искривлённые от ветра –
Как грешники, что корчатся в аду.

Протягивают сухонькие руки,
Моля тепла, покоя и любви,
И содрогаясь от бессильной муки
Быть понятыми Богом и людьми.

Скрипят деревья, ветру потакая.
Корёжит их незримая вина.
И чудится – они нас окликают,
Людские называя имена.

Земля страданиями полна,
Как погляжу окрест.
Деревья бьются в твердь окна,
Луна несёт свой крест.

Дождь не устанет, весь в слезах,
Выстукивать стихи,
К которым люди в телесах
Останутся глухи.

На миг рождается рассвет,
Чтобы уйти во мглу.
И ветер воет что-то вслед,
Хватая за полу.

В какой-то безысходный круг
Силком вовлечено,
Всё стонет, корчится от мук,
И всё обречено.

Меня не обманывали деревья,
Книг хэппи энды, вещие сны.
Зверье не обманывало доверья,
Птиц предсказанья были верны.

Ни гриб в лесу, ни ромашка-лютик,
Ни родники, что манили пить.
А обманывали только люди,
Которых я пыталась любить.

Я читаю письмо дождя,
То, что мне он строчит на крыше.
А немножечко погоды
Снегопад белый стих напишет.

Лица улиц открытки шлют,
И ручьи пропоют серенады.
Ото всех я услышу: «люблю».
От тебя лишь – ни слова, ни взгляда.

Расплакался дождь. Не от боли,
А просто без всяких причин.
Земля приняла поневоле
Одну из небесных кручин.

И дождику так помогала
Умением все принимать,
И слёзы его промокала,
Как старая добрая мать.

Не погубите тишину!
Она от суеты устала.
Она на цыпочки привстала,
Чтобы продлиться в вышину.

Чтобы пролиться этой синью,
Где я, как в омуте, тону.
Шепчу беззвучно и бессильно:
«Остановите тишину...».

А солнце средь лесных силков,
Как золотая рыбка, билось.
И небо, словно от оков,
От облаков освободилось.

О Волга, ты – лекарство от истерик,
Где жизни бред, мучительный и странный,
Мне бережно залечивает берег,
Где волны мне зализывают раны.

Где парус мне белеет одинокий,
И век мне не бросается на плечи,
Где мир нам расстилается под ноги
Растительный, песочный, человеческий.

Где можно жить беспечно, не кручинясь,
Где мы с тобой вдали от всякой швали.
А по песочку скачет птичка чибис –
Её мы почему-то так назвали.

Лес встречает соловьиной свирелью,
Обучает нас отваге и смиренью.
Небеса полны волшебного свеченья.
Остальное – без вниманья, без значенья.

Лес постелет нам атласную перину.
Это вечно, человечно и зверино.
Перед смертью не надышишься озоном.
Остальное – вне сюжета, вне резона.

Акацию срубило ТСЖ.
Будь проклята Светлана Николавна,
Которая, как ясно мне уже,
Была в сиём деянье славном главной.

Я ей сказала, жаль, не все слова,
Что надо бы, крича у аппарата.
Но что ей это дерево – дрова! –
Достойной ученице Герострата.

Оно живое было. И цело
Его худое чахленькое тело
Неброско и застенчиво, светло.
Оно летело, пело, шелестело.

Беспомощны отчаянье и гнев.
Не вызвать совесть в дворнике-дебиле.
Была моя акация в окне.
И вот её средь бела дня убили.

Дерево

Оно шумело только мне
И лишь ко мне тянуло ветки.
Как я ждала, что по весне
Побеги вырвутся из клетки

И зацветут на радость всем,
Благоухая с юным пылом.
Оно зелёное совсем,
Оно застенчивое было.

Мне кажется, я слышу плач.
Мне словно душу обкорнали!
А дровосек – его палач –
Поставил галочку в журнале.

О, что имеем – не храним
И плачем, ибо не обрящем.
Мне стыдно за людей пред ним,
Таким живым и настоящим.

Веточка от срубленной акации –
Лишь одну успела я спасти –
Одарила щедрыми богатствами, –
За два дня сумела расцвести.

И стоит с набухнувшими почками
На окне в бутылке голубой,
Нежными прозрачными листочками
Тихо мне залечивая боль.

...Помню твое худенькое тело я,
Неподвижное на простыне.
«Для тебя я всё на свете сделаю», –
Ты шептала еле слышно мне,

И рука твоя бессильно падала...
Но теперь, я знаю, из могил
Это ты, родная, сердце радуя,
Зацвела мне из последних сил.

Весна

Конец зимы, начало лета
Соединились в слове этом,
Крича на тысячу ладов.
И, как соски, набухли почки –
Природы болевые точки –
В предощущении родов.

Праматерь вздохов на скамейке,
Весна, смешны твои ремейки,
Но вновь, как в юности, клюю
На эту старую наживку,
Твою прекрасную ошибку,
Вечнозелёное «люблю».

Моему дню рожденья

*В марте месяце родиться
– Господи, внимли хвале! –
Это значит, быть как птица
На земле.*

М. Цветаева

Один из первых дней весны,
А в точности – седьмой,
День пробужденья сил земных
И день рожденья мой!

Ты, помнивший мой первый крик
С младенческих желёз,
Источник бед моих, коррид,
Побед и горьких слёз,

Ты так же светел и лучист,
Как в прежние года,
Всё так же свеж, румян, речист,
А я уже не та.

И с каждым годом всё трудней
Соотнести баланс,
И всё смешнее и страшней
Наш долгий мезальянс.

О, не гони своих коней,
Единственный из сонма дней,
И дай ещё мне шанс!

«Весна» Боттичелли, «Весна» Боттичелли,
Летящие линии в солнечном теле,
Струющийся, плавный, томительный танец,
Шары золотые, хитонов багрянец.

О чудо чудес, «боттичелиев контур»,
Мазок, убегающий вдаль к горизонту.
В изломах материй и складках капризных –
Сознание хрупкости, зыбкости жизни.

В изменчивых лицах мадонн Боттичелли
Есть то, что мы втайне от жизни хотели,
Всё то, что пленяет нездешнюю властью –
Пронзительно-чёткая формула счастья.

Меня уже те рощи позабыли,
Где я брела в цветах своей мечты.
Но вот опять весна, и снова всплыли
Воспоминаний нежные цветы.

Веселый воздух родины и леса!
На радуге, на солнце, на крови
Взойдут слова сладчайшего замеса
И расцветут в садах моей любви.

Там сквозь снега деревья прорастают,
И облака целуют их слегка.
Там ждет тебя душа моя простая,
Как лес и поле – первого цветка.

Пусть земля омоется любовью,
Оденет все вокруг в цветастый шелк.
Я ставлю те букеты в изголовье,
Чтобы подольше было хорошо.

Когда цветов лежит копна,
Весь стол мой погребя,
Я чувствую себя как на
Похоронах себя.

Я всех цветов не обниму,
Смущением горю.
«Спасибо, что Вы, ну к чему,
Не надо», – говорю.

Но что-то вот уже не так
Во мне и на земле.
Вся комната моя в цветах.
Душа моя в тепле.

Гляжу на хрупкость красоты,
На стеблей свежий срез,
И чувствую, как те цветы
Нужны мне позарез.

О сирень четырёхстопная!
О языческий мой пир!
В её свежесть пышно-сдобную
Я впиваюсь, как вампир.

Лепесточек пятый прячется,
Чтоб не съели дураки.
И дарит мне это счастьеце
Кисть сиреневой руки.

Ах, цветочное пророчество!
Как наивен род людской.
Вдруг пахнуло одиночеством
И грядущею тоской.

Опустошенье, как после любви,
От целого дня на воле.
Как больно от каждой кровинки травы,
От каждой березки в поле.

Природа – избыток, в ее пустоте
Тону, не умея слиться.
Душе неуютно, она нигде.
Ей голо, как в небе птице.

Мне нужен домик для каждой тоски,
Природою не победимой.
Себя, разнесенной весной на куски,
Так трудно собрать воедино.

Заносчивый город карнизы домов задирает,
Но дальше носов своих крыш ничего не увидел.
А степь распласталась. И ей открывался астрал,
Размякшей от слёз, но на мир и людей не в обиде.

Зароюсь в траве, затеряюсь на этой земле
И буду учиться словам, голубым и зелёным,
Что спят в облаках, в сердцевинах цветов и в золе
Сгоревших сердец неволюбленных влюблённых.

Словам, что давно позабыты людской суетой
И городом гордым, отвергнувшим грешную землю.
Но вторят им птицы природною песней простой,
И степь пересохшими устьями жадно им внемлет.

У тоски моей взяв выходной, я шатаюсь по скверу,
Что название носит проспекта «полста Октября».
Всё, что я ни увижу – легко принимаю на веру,
С каждым деревом встречным о вечном в пути говоря.

Могут мимо меня равнодушные двигаться лица,
Могут струи дождя мне за шиворот литься пальто,
Но не злиться я буду, а тихо любить и молиться,
Чтоб однажды услышал и понял неведомо Кто.

Не гони меня, ветер, отсюда. Не каркай, ворона,
Предрекая беду, над украденной крохой дрожа.
Ты – моя оборона, любовь. И не знает урона
Отдающая всё до последней крупинки душа.

Я столкнулась с дождями беспределом.
Мир захлёбывается в дождях.
Извиваясь чешуйчатым телом,
Пляшут бешено на площадях

Их дождевики, дробинки, сардинки...
Обретая вселенский размах,
Превращаются в градинки, льдинки,
Бьют чечётку на головах.

И жила несусветная сила
В тонких жилах химеры босой.
Беспредметная ярость сквозила
И косила, как будто косой.

Только краешек выглянул солнца –
Дождь беспомощен стал и нелеп.
Был похож на косоного японца,
А теперь и подавно ослеп.

Какой-то допотопный ливень –
Как тот потоп, что после нас.
Струя сверкает, словно бивень,
И брызги радуги из глаз.

О капель мятных облегченье!
Сольёмся, мучась и лучась.
Свеченье туч – как помраченье
Рассудка в этот светлый час.

Дождь

1

Этот дождь – как вино. Он бурлит и шипит,
Разгоняя потоками грусть.

Этот дождь не идет, он пьянит и слепит.
Я напьюсь им, упьюсь и влюблюсь!

Я влюблюсь в этот дождь... Он прозрачен на вид.
Он так прост, его видно насквозь.
Этот дождь не идет, как во нитке скользит.
И сочится, как спелая гроздь.

Ты так холоден, дождь. Только мне горячо.
Я с тобой то нежна, то груба.
Ах, какой поцелуй, вот еще и еще
Водосточная дарит труба...

Заколдуй меня, дождь, забинтуй, забунтуй,
Ороси чертовскою водой!
Как земля прорастает от яростных струй,
Прорасту я цветком и звездой.

Облака покачнулись, поплыли назад.
Я бреду им навстречу одна.
Вот и кончился дождь. Высыхают глаза.
И дорога от слез не видна...

2

Как этот дождь идёт в охотку!
О, упоительные струи!
Я влюблена в его походку,
В пощёчины и поцелуи.

Дождь с серебристыми висками,
С косящим глазом из поднебья,
Дождь вперемешку с облаками
И радуги великолепьем...

Я задержусь в твоих секундах,
Я растворюсь в твоей купели,
В осколках маленького бунта,
В прозрачном невесомом теле.

И буду плыть в твоих потоках,
Дробясь на крохотные части,
Где всё – как Лета у истока,
Где молнии – как вспышки страсти...

3

Дождь неизбежно шёл четыре дня,
Пронизывая стрел своих уколом.
И всех прохожих он объединял
Прозрачным серебристым ореолом.

Род близости – промокшести людской!
Казалось, дождь идет над целым миром –
Так щедро он делился с ним тоской
И бурных слёз своих роскошным пиром.

Рождалась душ таинственная связь
И встречи взглядов – тайной пантомимой.
Одни сдавались, робко потупясь,
Другие же скользили гордо мимо.

Но не решался ни к кому никто
Приблизиться, и тысячи мечтаний
Вдаль уплывали, скрытые зонтом,
Неузнанные в дымке и тумане.

Дождь землю омывал в своей крови.
Людских сердец вершился поединок...
Роскошное излишество любви,
Как хлеб насущный, нам необходимо.

Осень, осень, розовое небо!
Твой закат надрывен и багрян.
Всё бледней, грустней улыбка Феба
В обрамление охры октября.

Осень, осень, музыка прощанья...
Твоя ласка, нежно-холодна,
Растворилась в воздухе печально,
Птичьим клином клича из окна.

Осень, осень, золотое сердце!
Холодок ладоней на виски.
Отвори в свои чертоги дверцу,
Разожми тиски моей тоски.

Осень, осень, ранние морозы.
Поцелуи, тронутые льдом.
И деревья гнутся, как вопросы.
Но ответ узнаешь лишь потом.

А на пороге осень –
Трефовая, бубновая...
Бросает карты в просинь –
На жизнь гадает новую.

А может, то не карты,
А золото монет,
То, что в огне азарта
Готова свесть на нет?

Что лето накопило,
Собрав в одной горсти,
Вмиг в горечи расплыла
Всё по ветру пустив?

А может, и не деньги,
А что ценнее клада,
И что ей, словно Стеньке,
Швырнуть в пучину надо?

А может, то листовки
С призывом жечь и рушить,
Стволы деревьев – винтовки,
Разделанные туши...

Мне осень ворожила,
Учила меня вздорному:
Разбрасываться жизнью
На все четыре стороны.

Я осень люблю и в природе, и в людях,
Когда успокоятся жаркие страсти,
Когда никого не ревнуют, не судят,
И яркое солнце глаза уж не застит.

На кроткие лица гляжу умиленно,
Их юными, дерзкими, детскими помня.
А жёлтые листья красивей зелёных,
И лунная ночь поэтичнее полдня.

Как слёзы по лицу, струятся годы,
Покуда их источник не иссяк.
В них что-то от бессмертия природы,
Когда из праха воскресает всяк

Для жизни новой... Листья желтолицы,
Напоминая лик немолодой.
Как я сейчас хотела б с ними слиться,
Совпав с травой, небом и водой.

По жизни плыть, не зная сроду броду,
Вдыхая этот воздух голубой,
Сливаясь с равнодушной природой,
С землёй, с народом... только не с толпой.

Осень в душе и очки на носу –
Я уж давно их по жизни несусь.
Что ещё к этому могут добавить
Морось и темень в девятом часу?

Всё-таки лета ушедшего жаль.
Мёртвые листья уносятся вдаль.
Катятся годы и хмурятся своды,
И умножают печаль на печаль.

Мокрая осень
Стучится в окно.
Золото с охрой
Облезли давно.
Слышится тонко:
«Пусти, обогрей!»
Осень с котомкой
Стоит у дверей.
Пусто в котомке.
Дыряво бельё.
Где же, мотовка,
Богатство твоё?
Осень-растратчица,
Где же твой дом?
Плачется, плачется
Ей за окном...

Дождь по крыше

Эту ночь осторожно пальпирует дождь.
Всё стучит, то порывист, то тих.
Словно там, в небесах, человечества вождь
На машинке печатает стих.

Вот опять он бубнит над моей головой...
Что ты капаешь мне на мозги?
Я пытаюсь постигнуть язык дождевой
И загадку невидимой зги.

Продиктуй мне свои ключевые слова,
Три заветные карты свои,
Те, что знают деревья, песок и трава,
Знают иволги и соловьи.

Мне откроется вещая тайна твоя
И подземные корни вещей...
Но уходит он, крадучись, в мрак бытия,
В мелкокрапчатом сером плаще.

Осыпается лес. Засыпает, шурша...
Конфетти устилает мой путь.
Облетает с деревьев и душ мишура,
Остается лишь голая суть.

Как вздетые руки в пролеты небес –
Задрожавшие струны осин.
И звучит осиянной торжественных месс
Тот осенний лесной клавесин.

Золотая моя природа!
А зима уже на носу.
Словно перекинь водорода,
Обесцветит твою красу.

Обессмертит твои творенья
В изваяниях снеговых,
Затушет твоё горенье,
Заморозит живой порыв.

Не меняй же своё обличье
На величье, безгрешья спесь.
Будь неприбранной, пёстрой, птичьей,
Замарашкой, какая есть.

Расстилай лоскутный ковёр свой,
Дли роскошную нищету.
Не спеши в это царство мёртвых,
В эту звёздную мерзлоту.

Кормление птиц

Табор пёстрый, горемычный,
Налетевший на куски,
Узнаю твой SOS привычный,
Голосок моей тоски.

Ваши перышки промокли,
Скачете, не чуя ног...
Кто услышит эти вопли,
Кроме тех, кто одинок?

Кому тоже у корыта
Крохи жалкие клевать.
Птаха! Ангел сизокрылый!
Нам бы перезимовать.

Промельк серенькой одежды.
Ну, ещё один бросок...
Голосок моей надежды,
Свежей песенки кусок.

Воробышек

По небу летели птицы.
Они кричали, галдели.
А люди, задравши лица,
Балдели: «Грачи прилетели!»

А рядом воробышек сизый.
Не улетал никуда он.
Чирикает над карнизом,
Непризнанный и неожиданный.

Бесстрашный аника-воин,
Взъерошенный серый чёртик.
Не более ли достоин
И чести он, и почёта?

Не ищет он лёгкой жизни,
Не хочет, хоть терпит муку,
Сменять нелюбовь отчизны
На щедрую ласку юга.

И радуюсь необъяснимо
Я этой неброской масти.
И верится, что хранимы,
Что тоже осилим зиму,
Дождёмся тепла и счастья...

Рецепт

Кусочек радуги, щепотку тишины,
Глоток дождя, пять капель Пастернака,
Тепло ладони, краешек луны,
Свежинку вечера, – не много ли, однако? –

Сирени кисть, соловушки фальцет,
Улыбки четверть, чуточку надежды –
И вот уже, гляди, готов рецепт,
Как выжить нам и видеть мир как прежде.

Если очень тошно или больно –
Ничего не требуй от икон.
Бог не слышит жалобы и мольбы.
Только благодарных слышит он.

Он свою божественную манку
На голову сыплет с высоты
Тем, кто видит мир не наизнанку,
А его прекрасные черты.

Первый снег

Скучный дождик шёл вчера
Чёртом полосатым,
А сегодня – снег с утра,
Праздничный, мохнатый.

Вот его весёлый бег
Стал под вечер тише.
С непривычки ослабев,
Снег прилёг на крыши.

Вся земля в счастливом сне.
Не буди, не надо...
Здравствуй, снег! Спасибо, снег!
Я тебе так рада!

Зимы лебединый балет
За окнами неописуем.
Мне сколько-то зим, а не лет.
Даруй свой серебряный свет!
Балуи леденцами сосулек!

Запущенный мячик-снежок
Отдарится той же монетой.
Как звонок твой детский смешок!
Алмазный зубной порошок
Отбелит улыбку планеты.

Не верится в пасмурь и хмурь
И слякоти липкую гадость.
Одна голубая лазурь,
И росчерк заснеженных бурь,
И чистая белая радость...

Снег

Жизнь, все круче твой разбег.
Многое уплыло.
Как ждала я первый снег!
Как я снег любила!

Снег шуршал у наших плеч,
Счастье нам пророчил.
Снег – свидетель наших встреч,
Наших одиночеств.

Засыпая, я во сне
Загадать пыталась:
«Если завтра будет снег...»
И всегда сбывалось!

А сегодня – ничего.
Вместо тайн – привычность.
Снег как снег. Ну что с того?
Будничный, обычный.

Только воздух стал свежей,
Замело дорогу...
Пусто, просто на душе.
Ну и слава богу!

Зима

Всё, что заснежено, остужено –
Вельможным кажется, чужим.
Как заторможено, контуженно,
Замедленно плетётся жизнь.

Как кружево судьбы ажурное
Под томный голос Адамо...
Оцепенелыми дежурными
Деревья стынут у домов.

Зима опустит саван-занавес,
Всё погребая в белой мгле...
Но март начнёт спектакль заново
Для уцелевших на земле.
Всё обнажит, что замуровано,
Откроет бездну мёрзлых тайн.
Я всё ещё начну по-новому.
Весна, отдай меня, оттай!

О подснежник, весны зародыш,
Как ты выжил один в лесу?
На морозной заре продрогший,
Со слезой в голубом глазу.

Сотворенное божье слово,
Его первый несмелый стих.
Нежнолепетный, лепестковый,
Он трепещет в руках моих.

Как у грешной моей России
Так невинны глаза небес,
Незабудок и речек синих,
И – подснежников полон лес?

О святые обманы мая!
Я побуду в вас до конца.
И бутоны, всё понимая,
Раскрывают свои сердца.

А небо беременно радугой,
Лежит на верхушках леса.
Губами ловлю, как патоку,
Последнюю ласку лета.

Зелёное братство сосновое,
Берёзово-белое царство, –
О древнее, вечно новое,
Единственное лекарство!

Лишь ты не обманешь доверия,
Не ведая собственной власти.
К деревьям – моим поверенным –
Спешу нашептаться всласть я.

Зелёное, жёлтое, алое
В прощальном кружит карнавале.
Недаром когда-то ангелы
Вас кронами короновали.

Ах лето, мой рай потерянный...
Прощай, колдовство факира!
И ветер суровый, северный
Холодной взмахнёт секирой.

Но вновь зарубцуются раны те,
И всё будет, как вначале...
Я ваша сестра по радости,
По кротости и печали.

Не все ещё корни вырваны
Из прошлого в жизни новой.
О сердце! Ещё не вырублен
Твой розовый сад вишнёвый!

Звериное тепло

Се человек: слабак, байбак...
Не помнит он, откуда родом.
И крики кошек, лай собак
Милы, как голоса природы.

Кто может так ещё согреть?
Кто так умеет душу слышать?
Зверьё не даст нам озвереть,
Поможет вылечить и выжить.

Глядят глаза зверей, моля,
И верят, что на свете зла нет.
О беспризорная земля
Без глаза отчего и длани!

Зверье

*И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

С. Есенин

Еще бы только не хватало бы...
Попался б этот мне злодей!
Их, как детей, люблю и балую,
Жалею больше, чем людей.

И не нужно никаким быть сверхчеловеком,
Никакого тут не надобно большого искусства.
Просто жить, и любить, и верить.
Что бы там ни говорил Заратустра.

Мой пёс, чертяка, черномордик,
Бежишь за мною по следам.
Не случаем, не данью моде –
Ты чем-то свыше был мне дан.

Как ты обнюхиваешь кустик,
Травинкой каждою влеком,
В балетной позе безыскусной
Здравши лапку над цветком.

Когда ты ластишься беззубо –
Ну как, скажи, тебя предать?
Не то что косточку из супа –
Тебе готова жизнь отдать.

Хотя тебя, по поговорке,
И не отмоешь добела –
С тобою, мой чертёнок чёрный,
Душа, как в юности, светла.

Моё животное родное,
Клубочек тёплый шерстяной.
Пока ты дышишь за спиною –
Нет одиночества со мной.

Дендик

За кусочек лакомый
Всю учёность выкажет.
Носик чёрный, лаковый, –
Чует, да не выскажет.

Царь в своей обители,
Спит, уткнувшись в тапочек.
Вы таких не видели
Бархатистых лапочек.

Ушки долгогривые,
Хвостик, как у зайчика.
Не найти игривее
И красивей мальчика.

Дендик

На смерть Дендика

Где ты, мальчик мой собачий?
Лай залиvistый замолк.
Я уже почти не плачу,
Сердце прячу под замок.

Как ты резво из передней
На прогулку побежал,
Повстречав свой миг последний
У второго этажа.

Сердце слабенькое очень
Подвело тебя в пути.
Приподнялся что есть мочи,
Рухнул снова и – затих.

Кто же думал про плохое?
Но восьмого февраля
Ночью тёмною, лихою
Приняла тебя земля.

Снег теперь тебя заносит
И уносит в царство сна.
Милый пёсик, чёрный носик,
Нет тебя теперь у нас.

Стынет кресло без владельца
И диванчик опустел.
Твоё маленькое тельце –
Где-то средь небесных тел.

По тебе скучает дворик.
Слёзы катятся из глаз.
Милый Дендик! Бедный Йорик!
Светик крохотный угас.

2001

Линда

Одинокая собака.
Потерялась? Бросили?
Глазки – словно два агата.
Шёрстка цвета осени.

Дети выстроили домик –
Из картонки хижину.
Там ютится пёсий гномик,
Жалобный, обиженный.

257

Хвост в колючках, лапки босы,
Вымокли на кончиках.
Ты моя теперь, не бойся.
Всё плохое кончилось.

2000

Ваше востромордие,
Госпожа собака!
Для кого-то – орды вас,
Для меня – одна ты.

Глазки словно вишенки,
Хвостик-молотилка.
Ох ты, моё лишенько,
Грязная подстилка.

Как бы ты ни гадила,
Что б ни натворила,
Дня нет, чтобы я тебя
Не боготворила.

Ваше хитромордие,
Маленькая скверность.
Ты достойна ордена
За любовь и верность.

Пусть отродье сучье ты,
Бестия-вострушка,
Для меня ты, в сущности, –
Лучшая подружка.

Иду, со сна полуслепа,
Выгуливать свою собаку.
Бежит собачая тропа
Средь лопухов и буераков.

Но Линда гордая моя
Дискриминации не знает.
На наши правила плюя,
Вновь на проспект перебегает.

Иду по-прежнему вперёд,
Но мой пример ей не по нраву.
Она по улице идёт,
А я – по кустикам и травам.

258

И, натываясь на бомжей,
Шарахаюсь и чертыхаюсь.
То там, то тут, гляжу, уже
Торчит компания лихая.

Куда тропа та заведёт
Средь бездорожья и мрака?
И кто кого из нас ведёт?
Кто человек и кто собака?..

Линда

Она

Собачники приехали во вторник.
В душе доньяне горечь и упрёк.
Спешили люди, убирался дворник.
Никто не защитил, не уберёт.

Под солнышком тогда они сомлели,
Доверчиво раскинувшись во сне.
Была как раз пасхальная неделя.
Природа оживала по весне.

Их детвора звала Малыш и Рыжик.
Подстилка ещё тёплая была,
Когда палач, благой заботой движим,
Сгребал в мешок убитые тела.

Но хуже всех была одна старуха,
Что набрала тот номер роковой.
Она шаги печатала упруго
И с поднятой ходила головой,

Гордясь собою, выполненным долгом:
Двор наконец очищен от щенков.
А мисочки ещё стояли долго,
Нетронутым налиты молоком.

Я видела потом, как спозаранку
Она спешила в церковь с куличом.
Уверенно плыла, держа осанку,
Как будто в этой смерти не при чём.

По крови той невидимой ступая,
Вступая в новый день и в новый век,
Бесчувственная, злобная, тупая,
Не понимая, что не человек.

Апрель 2001

*Гулял сам по себе пёс. Он был
красивый и бездомный.
(из рассказа школьницы Олеси К.)*

Маленькая девочка Олеся.
На руках котёнок или щенок.
Как она по-женски их жалеет —
Тех, кто в этой жизни одинок.

В непогоду с возгласом «бедняжка!»,
Втайне от соседей и семьи
Каждую окрестную дворняжку
Наряжает в кофточки свои.

А когда огромная собака
Дать щенку хотела смертный бой –
То, не испугавшись, не заплавав,
Заслонила пёсика собой.

Помню, как примчалась на рассвете, –
Что-то руки мне её суют:
«Может быть, мы скоро переедем.
Сохраните карточку мою».

Как она доверчиво прильнула,
Выдав жестом горькое житьё.
Как знакомо сердце мне кольнула
Одинокость детская её.

Вспомнились холодные вокзалы,
Комнаты пустынный неуют...
Как бы нас судьба ни разбросала –
Не забуду девочку мою.

Мир мой смирен, одномерен,
Однозвучен и убог.
В недоступной Богу сфере,
Где лишь печка да порог!

Сердце в латах. Дом в заплатах.
Муж запущен, пес забыт.
О плюгавый и заклятый,
Укатавший Сивку быт!

Месяц щурится ущербно,
Ухмыляясь в темноте.
Свет неясный и неверный,
Дело к ночи, быть беде...

О душа моя каплуны,
Возродишься ли, вопя,
Словно месяц в полнолуние,
Дорастая до себя?

Мир глубинный, голубиный,
Озари сияньем свеч
И теплом твоим звериным
Нашу жизнь очеловечь!

Портреты

Читаю случайные встречные лица
Замотанных женщин, спешащих мужчин.
Как много историй могло бы излиться
Из жестов и взглядов, гримас и морщин.

Как мало любви, осенённой богами,
Как много в глазах накопилось тоски.
Порою с испугом, порой с содроганьем
Читаю я повести судеб людских.

И, встретившись взглядом, глаза прикрываю,
Как будто повинна я в этой вине.
Глядит из толпы, из вагонов трамваев
Страданье, которому имени нет.

Минутные мины, мелькнувшие мимо,
Загадочным миром вдогонку маня...
Они залегли, затаились, как мины,
Чтоб после взорваться в душе у меня.

Историю эту однажды в письме
Прислала знакомая женщина мне.
Я бегло хотела его просмотреть,
Но что-то задело и трогало впредь.
И слёзы всегда подступали к лицу,
Когда то письмо подходило к концу.
Вот эти бесхитростных пара страниц:

«Мы с ним познакомились в мире больниц.
Впервые такой настоящий был друг,
И чувства откуда-то выросли вдруг.
Он умер в Аткарске у дальней родни.
Туда добиралась я долгие дни –
На кладбище, где не остыл его след...
Он снится мне вот уж одиннадцать лет.
То, мчусь я к вагону за ним напролом,
А он остаётся один за стеклом.
То вдруг он вдали померещится мне

И тут же растает, как снег на окне...
Однажды иду я с работы домой.
Кругом всё бело – это было зимой, –
И я на заснеженных крышах машин
Ему написала слова из души.
Увидит ли с неба мой Мишка привет?
Пришлёт ли он мне хоть какой-то ответ?
И тут вдруг взревел на машине клаксон...
Я знала: то он ко мне рвётся сквозь сон!
Машина рванула в лихом выраже.
Я шла и светло было мне на душе...»

Родная душа. Как нам мучает кровь
С движением односторонним любовь,
Когда не отнять, не оттаять уже...
Но взмоет душа на лихом выраже,
И в небе сверкнёт ей, себя не тая,
Бессмертная, Мишка, улыбка твоя.

Старушка

Как утром выгляну наружу –
Опять я вижу ту старушку,
Как с палочкой бредёт она.
Труха, почти фантом, химера,
Как будто из стиха Бодлера
Иль с Брейгелева полотна.

Я подошла не без опаски.
Одна. Читает. Пишет сказки.
Похожа чуточку сама
На сказку древнюю иль притчу
Своим сухим обличьем птичьим,
Старушка, милая весьма.

Её не ждёт ничья опека.
Приметой улицы и века,
Укутана, как в холода,
И с зонтом при любой погоде,
Она упорно ходит, ходит,
Как ходики, туда – сюда.

Фигурка маленького роста
Искривлена, как знак вопроса,
Но нет ответа с неба ей.
Судьба чужая манит тайной.
Старушка, гость земли случайный,
Прими дань нежности моей.

О бедные чужие бабки,
В платках, повязанных сверх шапки,
Одной ногой на свете том!
Предчувствием теснит мне душу:
Что, если выглянув наружу,
Однажды там не обнаружу
Старушки вечной под зонтом?

Своей жизни несчастной виновники
И ответчики за грехи,
Мне читают стихи уголовники,
И глаза у них так тихи.

Пальцы треплют листок тетрадный
И улыбка – где был оскал.
Словно лица их добрый сказочник
На мгновение расколдовал.

И казалось мне – в той обители,
Где суров и насильствен кров,
Нет мошенников и грабителей,
Нет насильников и воров.

Мы – другие? А вы уверены,
Если честно взглянуть назад?
Всем нам жизни срока отмерены,
Все ответим мы за базар.

Всё – случайности, всё – условности.
Я их слушала, не дыша.
И к презумпции невинности
Молчаливо взывала душа.

Анкета

Перед ним лежал листок анкеты.
Взгляд его беспомощно блуждал.
Что тут думать, право, над ответом?
Не был. Не имел. Не состоял.

Вспоминал по гамбургскому счёту
Всё, что было, мучило и жглось.
А в висках стучало обречённо:
«Не пришло. Не вышло. Не сбылось».

Поэт

Несбыточен быт, безнадежна надежда,
Давно обносилась худая одежда,
Во рту – ни росинки, в кармане – ни гроша,
С душою бродяги – Вийона, Гавроша,
Бредёт он по жизни, Всевышним отмечен,
И строк жемчуга свои под ноги мечет.
Но люди их топчут бездумно и тупо,
И жёлуди предпочитают под дубом.

Ты весь – как заросший, запущенный сад,
Откуда уже нет дороги назад.

Запущенный шарик в земной непокой
В небесном угаре Всевышней рукой.

Игрушка на ёлке, кружась и слепя,
Напомнит, как в детстве дразнили тебя.

Но кокнулся шарик – такие дела.
И трещина та через сердце прошла.

Заплаканный мальчик поёт о весне,
Но падает белогорячечный снег.

Деревья, как демоны, встав на пути,
Пророчат, что выход уже не найти.

Душа-побирушка, бобылка-душа,
Всегда за тобой ни кола, ни гроша.

Но снова ты голубем рвёшься в полёт,
Где ангел невидимый в ризах поёт.

Детской слабостью твоей обезоружена,
Всё гадаю, кем ты будешь, кто ты есть
В этой жизни сумасшедшей, обездушенной,
Под названием «Палата № 6»?

Будешь к Бахусу кидаться за защитой
И судьбе своей препятствия чинить.
Будешь рёбрышки гитары пересчитывать,
Будешь перышки гусиные чинить.

Пусть бы музук легион на шею вешалось,
Пусть сердчишки разбивал бы им шутя, –
Что угодно, чем угодно пусть бы тешилось,
Только б лишь оно не плакало, дитя.

*Я – чокнутый, как рюмочка в шкафу
надтреснутая... Но и ты – с приветом.
А. Кушнер*

*Она пьёт водку, словно подданная русская.
О. Митяев*

Под этим небом, выпитым до дна,
Вернее, штукатурным небом в триста
Свечей, немного красного вина –
И мир бездомный обретает пристань.

Мы чокаемся рюмочками всклень, –
И звук стекла, как нота, ухо режет –
За этот дом, за сталинскую смерть,
За твой успех, что за горами брезжит.

«Как подданная русская...» – сей дар
Мне не был дан, расхристан и неистов.
Ты пьёшь один данайцев солнцедар.
Так спаивают русских сионисты.

Чем чаще взмах бестрепетной руки –
Тем музыка души твоей всё глуше.
Я вижу, как глотки твои горьки,
Как тело перекрикивает душу.

Остановись! Не отдавай за грош
Заветной ноты чистоту и мяту.
Пока ещё ладонь не смяла дрожь,
Пока ещё душа твоя не смята.

О пьяниц и поэтов братский класс!
Бредёте вы, куда не зная сами,
То с наливными рюмочками глаз,
То с кроличьими красными глазами.

Физкульт-привет! Что этот хмель земной
Против того небесного букета?!
Я – чокнутая рюмочка с виной
Взамен вина. Но ведь и ты – с приветом.

А что осталось? В общем, ничего.
По крохам соберу – такая малость...
Но что-то вопреки всему живо.
Печаль и свет. И отчего-то жалость.

Найдёныш, несмышлёныш, сирота.
Сиянье нимба божеского дара.
Юродивая песенка у рта
Под треньканье истерзанной гитары.

Дым сигареты. Истина в вине.
Судьбы немилосердные уроки.
«Но я не лгу – лжёт память обо мне!» –
Ударом тока ранившие строки.

Лги, память, лги! Безудержней, нежней!
Показывай, что хочется увидеть.
Обманчивой, ей издали видней,
Чем близорукой пристальной обиде.

Высвечивай: котельной закуток,
Тетрадка, лампа, атлас Ленинграда.
Как сверху мне надписывал листок.
Как я тебе всегда бывала рада.

Трёхлетнюю событий череду,
Гандлевского, Б.Рыжего, Севелу,
В глазах твоих застывшую беду
И – дверцу того шкафчика в аду,
Что запереть я так и не сумела.

Дворник Павел Николаич
Чисто по двору метёт.
Кот урчит, собака лает –
Он и ухом не ведёт.

Поглощён своим уменьем,
Вычищает всё дотла:
До песчинки, до камешков,
Догола и добела.

Чтобы стало всё безликим,
Он метёт всё злей и злей,
Не оставив ни улики,
Ни былинки на земле.

Где ты, где ты, зелень лета?
Всё под корень, ё-моё.
Как он чисто делал это
Дело чёрное своё!

Пот утёр рукою тучной,
Сел устало на скамью...
Дворник, – я шепчу беззвучно, –
Душу вымети мою!

Чтобы не ветвились чувства,
Не клубилась пена дней,
Чтобы стало чисто, пусто,
Просто в памяти моей.

Попрыгунья

«Вот это облако кричит», –
Заметил ей художник Рябов.
В искусстве разбираясь слабо,
Она глядит влюблённой бабой,
И осень на губах горчит.

«Да, это облако кричит», –
Она кивает головою.
Оно кричит, о чём молчит
Луна в чахоточной ночи,
О чём ветра степные воют.

Оно кричит, пока он спит,
О чём капель по крышам плачет,
О чём душа её вопит
От первой боли и обид...
Она грешна не так – иначе.

Сергей Эфрон

*Такие в роковые времена
слагают стансы и идут на плаху.
М.Цветаева*

Застывшие траурной чёрной оправой
Глаза его передо мною.
Неправый герой с геростратовой славой,
Распятый своею странною.

Об ангеле том со светящимся ликом
Марина в стихах рассказала.
Волшебною бусинкою сердолика
Судьба их навеки связала.

Он был её гаванью тихой и нежной,
Где сердце от шторма спасалось,
Куда покаянно от бури мятежной
На круги своя возвращалось.

Он брал на себя её блажи и беды,
Заморыш с душою атланта.
Был рыцарем бедным, и лебедем белым,
И воином, и эмигрантом.

Залётные ласточки строчек заветных,
Души почерневший Везувий:
«Узнав, что Вы живы, бродил до рассвета,
От радости обезумев...»

Он был её паж, её мальчик послушный,
Но стыли набухшие жилы...
«О, мне ничего от Вас больше не нужно,
Лишь только бы знать, что Вы живы!»
И встреча под небом, чужим и далёким,
На старом Берлинском вокзале,
Где в смертных объятиях мокрые щёки
Друг другу они отирали.
Бессмысленно в судьбах запутанных рытсья
(В своей бы дай бог разобраться),
Но снова кричат, обжигая, страницы,
И я не могу оторваться.
Любимая родина в дымке туманной
Зовёт, и дурманит, и манит.
Но только забрезжит небесною манной –
И снова жестоко обманет.
Его поселили на Болшевской даче.
Они возвратились на муки.
Уже не мечтали, не ждали удачи,
А только конца и разлуки.
И в камеру ночью к нему херувимы
Слетали, луной озаримы...
Он жил лишь на трепетной, неуловимой,
Пронзительной струнке Марины.
Из строк протокола: «Я не был шпионом,
А честным агентом советским...»
Наивный политик, романтик зелёный,
Гидальго с улыбкою детской!
Он мог быть поэтом, учёным, актёром,
Он мог бы вычитывать гранки,
Когда б ни покрывшие имя позором
Кровавые тайны Лубянки.
О как же грязны и заражны следы их
Заглазных Союзов, Евразий,
Что даже такие – слепые, святые –
Забрызганы кровью и грязью!
Безгрешный палач, голубиный убийца,
В веках тебе не оттереться...
И пепел Клааса бессильно стучится
И рвёт на куски моё сердце.

В тот час роковой, расставаясь глазами,
Ни слова они не сказали.
Его расстреляли в Орловском центре.
И стансов о нём не слагали.

Ну сколько можно о Марине! –
Безмолвный слышу я упрёк.
Но я – о дочке, об Ирине.
О той, что Бог не уберёт.

Читала «Записные книжки».
О ужас. Как она могла!
Не «за ночь оказалась лишней»
Её рука. Всегда была!

Нет, не любила, не любила
Марина дочери второй.
Клеймила, презирала, била,
Жестоко мучила порой.

В тетради жёлчью истекают
Бесчеловечные слова:
«Она глупа. В кого такая?
Заткнута пробкой голова».

Всё лопотала и тянула
Своё извечное «ду-ду»...
Её привязывали к стулу
И забывали дать еду.

Как бедной сахара хотелось,
И билось об пол головой
Худое крохотное тело,
И страшен был недетский вой.

«Ну дайте маленькой хоть каплю», –
Сказала, не стерпев, одна.
«Нет, это Але, только Але, –
Марина – той, – она больна».

И плакала она всё пуще,
И улетела в никуда...
А может, там, в небесных куцах,
Ждала её своя звезда?

Являлась в снах ли ей зловещих?
Всё поглотил стихов запой.
Уехав, ни единой вещи
Ирины не взяла с собой.

Я не сужу, но сердце ноет,
Отказываясь понимать:
Поэт, любимый всей страной,
Была чудовищной женою,
Была чудовищная мать.

Любовь нахлынула внепланово,
Как Божья кара или милость.
Она любила так талантливо,
Но это всё не пригодилось.

Оставив каиново – Каину,
Она взяла октавой выше.
Потерянно и неприкаянно
Парит любовь её над крышей.

Для маски нет умения и сил.
Лицо открыто, беззащитно, голо,
И, как в посудней лавке среди громил,
Обречено ударам и уколам.

Пусть сатана там где-то правит бал –
Душа твоя невинна и бездонна.
О, не один в том омуте пропал...
Блудница. Стратотерпица. Мадонна.

Н. Могуевой

Женщина, влюблённая в природу,
В музыку, поэзию, собак.
На балконе рвутся на свободу
Ленты, заменяющие флаг,

Трёх цветов. И полыхает, жарок,
Поражая посторонний взор,
Резеды, петуний и фиалок
Тщательно продуманный узор.

Слушает она в магнитофоне
Голоса весёлых певчих птах,
Засыпает ночью на балконе,
Утопая в звёздах и цветах.

В дневнике записывает мысли,
Уходя в себя от суеты,
Пишет замечательные письма
И печёт чудесные торты.

Женщина, живущая во власти
Тайного свечения своего, –
Как она заслуживает счастья,
Сотворив его из ничего.

Это очарованное сердце
Не коснулась зависть или злость.
У его огня и мне согреться,
Как, должно быть, многим, довелось.

Памяти

Лены Тарасовой

Мне попалась под руку
Старая тетрадь.
Время! Что мне дорого –
Просьба: не стирать.

Там стихи прекрасные
Девушки одной.
Леночка Тарасова!
Ты всегда со мной.

*«Исцели от голода.
Голова в дыму.
Дажь его мне, Господи,
А меня – ему».*

Леночка Тарасова,
Помолись о чуде.
Кто увидел раз её –
Тот уж не забудет.

Рюшечки на платице,
Смотрит так смущённо...
Словно виноватится
Неизвестно в чём она.

Заливаясь краскою,
Дарит песнь свою...
Леночка Тарасова,
Как тебе в раю?

*«Прочь, рассудок студящий!
На глазах у всех
Быть любимой, любящей –
Или это грех?»*

Я прошу беспомощно:
Время, не карай!
Хоть солодкой тонущих
Удержи за край.

Бог тебя отметил.
Никнет голова...
Я прочла в газете
Страшные слова.

*«Стыли хоралы строгие Баха.
Осень, опомнись, плакса-неряха.
Глупое сердце, мокрая птаха,
Всё, что ты любишь, – горсточка праха».*

Из капкана комнат –
В мир, что так хорош...
Леночка, опомнись!
Господи, не трожь!

Оборвав надежду, –
Шаг через балкон...
Боже правый, где ж твой
Нравственный закон?!

*«Жизнь – лишь арена славы и страха.
После рассудим, Пасха иль плаха.
Время – сиделка, мудрая пряха.
Что же ты плачешь, осень-неряха?»*

По чернильным знакам
Проведу рукой.
Как тут не заплакать
Над чужой строкой?

*«Не остави в горсти –
Кинь звезду во тьму.
Даждь его мне, Господи,
А меня – ему».*

1996

«Меня никто не любит, только Бог», –
Она сказала, и меня пронзила
Горючих слов, запёкшихся в комок,
Слепая и бесхитростная сила.

«Молилась я... И Бог мне помогал.
О, если б Вам могла то передать я...»
И я училась, точно по слогам,
Неведомой чудесной благодати.

Наука оказалась нелегка.
У каждого в миру своя дорога.
И, слава богу, на земле пока
Мне есть кого любить помимо Бога.

Бабье лето

Как будто и льнёшь, и ждёшь, но
Душа – как в параличе.
Нежна, но так ненадёжна
Рука на женском плече.

Осеннего дня короче
Тепло той ласки хмельной.
А утро мудрее ночи,
Жесточе и одиноче.
Спать вместе, а плакать одной.

Критикесса

*Люблю я критиков моих.
На шее одного из них,
Благоуханна и гола,
Сияет антиголова.*

А. Вознесенский

«Старушки смаргивали слёзы», –
Строчила опус, зла, как бес,
Приняв высокомерья позу,
Одна из местных критикесс.

Она клеймила рудименты
Сентиментальной старины:
«Ведь не одни же сантименты
В стихах притягивать должны!»

Блистали перлы, как кораллы,
Летели перья, прах и пух.
О, как она их презирала,
Несовременных тех старух!

Претила ей восторгов сцена.
Она видала их в гробу.
Она-то знала строчкам цену,
Роняя их через губу.

Премудрый взгляд исполнен смысла,
Хранит цитаты голова.
Но дурно пахнут чем-то кислым
Мертворожденные слова.

Глядела критикесса косо,
Строчила пасквиль иль памфлет.
А у старух мерцали слезы,
И в лицах был пречистый свет.

Сосед

Эти не читают Пруста.
Всё, что свет – для них темно.
Он потянется до хруста
И – с утра за домино.

Крики «рыба», «пусто-пусто» –
От темна и до темна.
И кричала: «чтоб те пусто!» –
Из окна ему жена.

Жизнь прошла без мысли, чувства.
Как-то встретила его.
А в глазах-то – пусто-пусто...
И мертво.

Пройти по жизни невидимкой,
Чистюлей, льдинкой, нелюдимкой,
Неузнанно скользящей мимо
Того, что быть могло любимо.
Не запятнав ни рук, ни платья,
Презрев объятья и проклятья,
Не знавшись с болью и тоскою,
Во имя воли и покоя
Парить в своём высоком небе,
Где пусто, холодно, как в склепе.
Парить безбрежно, белокрыльно,
С душой, где снежно и стерильно,
Где, только Богу потакая,
Живёт лишь Муза, и людская
Нога там не ступала сроду...
Переборов свою природу,
И славы ангелов алкая, –
Кому нужна она, такая?

На могиле вдовы Некрасова

Цемент осыпался, ограда мхом покрыта.
Здесь похоронена в пятнадцатом году
Вдова Некрасова и, всеми позабыта,
Могилка прячется в кладбищенском ряду.

Прости саратовцев и не держи обиду,
Что не нашлось им для тебя ни средств, ни рук.
Вдова Некрасова, Феклуша, Зинаида.
В табличке значится – его «жена и друг».

«Зина, усни!» – умолял он не раз,
Но разжимала ты веки.
Двести ночей не смыкавшая глаз,
Здесь их сомкнула навеки.

Все его мысли тогда – о другой,
Ей были – звуки и рифмы,
Ну а тебе – только муки его,
Только предсмертные хрипы.

Светоч угас, замолчал соловей...
С ним лишь – душою и телом.
В чёрном ходила до смерти своей,
А похоронена – в белом.

Здесь отпевали в какой-то из дней,
Город с тобой породняя.
Я перед памятью светлой твоей
Голову низко склоняю.

Авдотья Панаева

Она одна лишь знала, кем он был,
Каким он был – когда никто не видел.
Как ревновал, и мучил, и губил,
И как её любил он, ненавидя!

Хватался и за нож, и за обрез,
Но ангелом-хранителем поэта
Пятнадцать лет несла она тот крест,
И многое простится ей за это.

Когда увянет цвет её ланит,
Подробные напишет мемуары,
Где трогательно верность сохранит
Своей былой привязанности старой.

Он смертью все страданья искупил.
Обиды, гнев сменила бабья жалость.
Осталось с ней лишь то, как он любил.
Единственное это и осталось.

Однажды, в нищете, марая лист
Кому-то с вечной просьбою аванса,
Услышала, как в форточку неслись
Слова и звуки дивного романса.

*«Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слёз,
Не помни ревности угроз...»*

И брызнули из глаз её ручьи,
И замерла рука на полдороге.
Чайковский, Римский-Корсаков, Кюи
Озвучили божественные строки.

А та, кому романс был посвящен,
Сидела у разбитого корыта,
Не зная, как жива она ещё,
Отвержена, покинута, забыта...

Из дневника Ю.Нагибина

Так вот оно каким явилось – страшное,
Когда увидел, отворивши дверь...
Не представляла жизнь моя вчерашняя,
Что мне так больно будет, как теперь.

Живу в бреду. Неверие, неверие,
Что это не приснилось в смуте дней.
Я праздную убитое доверие,
Справляю тризну мощную по ней.

Той прежней Беллы нет, а эта – Боже мой –
Губительна, враждебна, недобра...
И восемь лет, что с нею были прожиты,
Как лёгкий прах, развеяли ветра.

Она ворвалась в жизнь мою непрошено,
Обрушась сумасшедшею волной,
Смутила, закружила, огорошила
И погребла всё то, что было мной.

Чем дальше – тем безумнее и муторней...
Глядели ею люди и зверьё.
Всё было ею! Даже кофе утренний
Казался с лёгким привкусом её.

Я был повержен. Но ещё барахтался,
Пытаясь удержаться на борту.
Ты победила. Погубила. Радуйся!
Всё полетело к чёрту. За черту.

Спокойно, – говорю себе, – без паники!
Не хватит пальцев, в чём её винить.
Я не был слеп, хотя любил без памяти.
Я видел всё и всё низал на нить.

Подонков, что спешили напоить её...
Мне не забыть позора этих дней.
Но никогда так полно, упоительно
Ни с кем не будет, как мне было с ней...

То, что звенело жертвенно, торжественно –
Оборвалось, как слабая струна.
Извечно-бабьим обернулась женственность.
Разрушена волшебная страна.

Ещё немного твёрдости и холода –
Держись, старик, не вешай головы, –
И ты спасён от жалящего оводом
Страданья, униженья и молвы.

Казалось бы, всё выгорело, пройдено,
Уж нечего и незачем беречь.
Но – это ухо маленькое с родинкой,
И шея беззащитная, и речь...

И это пламя тёплого и рыжего...
Что делать с этим?! Кто мне даст ответ?
Не выдержу, не вынесу, не выживу!
И снова слёзы застилают свет.

Но было для неё змеиной шкурою –
Что для меня – сожжением дотла.
Я для неё был лишь литературою,
Она же кровь и жизнь моя была.

В моей груди свила своё гнездовище,
И, всё отняв, она вдруг стала всем.
Оставь меня ты, пьяное чудовище!
Раз ты ушла, то уходи совсем.

Корёжит душу эта боль бессильная,
Глядит бессонно с каждого листка.
Какая осень! Золотая, синяя!
А делать с нею нечего... Тоска.

Мне голосом её синица тенькает.
Пропитан ею воздух и жильё.
Ничто мне не поможет. Всюду тень её.
Мне некуда деваться от нее.

Иронические стихи

Трёхкомнатное логово души
Меняю на безадресное небо.
Меняю символ века «барыши»
На то, что бескорыстно и нелепо.

Меняю ваши баксы на рубли.
(Ведь у советских собственная гордость).
Всех расписных красавчиков земли
Меняю на единственную морду.

Меняю весь свой жизненный улов
На золотую рыбку-одиночку
И тысячу своих дурацких слов
На Пушкина божественную строчку.

Школьная контрольная.
Тшетно – не решу.
Но сию довольная –
Я стихи пишу!

И задачи с тыщами
Сводятся к нулю...
Не сказать, не высчитать,
Как тебя люблю.

Крутит жизнь бессонное
Пестрое кино.
Марши Мендельсоновы
Минули давно.

Пленка даром тратится,
И в итоге – нуль.
Я – в домашнем платье
Посреди кастрюль.

То – к тазам со сливою,
То – к карандашу...
Но брожу счастливая –
Я стихи пишу!

Пусть пирог я выброшу,
Щи пересолю,
Но зато я выражу,
Как тебя люблю!

Мой мирок, мой рай запечный,
Незатейливый, как лапоть.
Ужин сытный, чай покрепче, –
Что ещё для жизни надоть?

Оставляю без вниманья
Бред любви и книжный шорох,
Коль очаг меня поманит,
Где беля немывтый ворох.

Ни к чему багром иллюзий
Ворошить души колодец.
Я скажу незваной Музе:
«Ну зачем ты мне, уродец?»

Путь от печки до порога
Завещал нам мудрый предок.
И бессмертие с Чертога
Мне швыряет свой обедок.

Я возвращаюсь в знакомый контекст
Кухни, балкона, двора.
Сколько ещё здесь отчёркнутых мест,
Что мне исправить пора.

Всё подчищаю ошибки, ворча,
И недоделки в быту.
С жабою розу Есенин венчал,
Я же с куплетом – плитку.

*На рукомылке моём
Позеленела медь,
Но так играет луч на нём,
Что весело глядеть!
... запах дёгтя свежий,
таинственная плесень на стене.
А.Ахматова*

*Вдоль полок палец по привычке
Скользит во власти забывья.
Как хорошо лежат частички
Таинственного бытия:
Реснички, ниточки, ворсинки...
Как нежен хаос, волокнист!
А.Кушнер*

Как грубо чувствуют плебеи,
Когда являют спорость рук.
Я портить красоты не смею:
Я воспеваю ржавость труб,

Я, в свежем дёгте и суглинке,
Лелею плесень на стене,
Не смею смахивать пылинки,
Чтоб хаос был ещё нежней;

Любуюсь контуром ажурным,
Что влагой с потолка набух,
И вижу в крошке штукатурной
Летающий с уст Эола пух.

А если рухнет перекрытье
И погребёт меня под ним –
Придут поклонники почтить мя
И скажут, головы склонив:

«Погиб поэт! Невольник быта.
Хоть не умел он ни черта –
Он выше нашего корыта.
Он дух святой... не нам чета».

Стихи в защиту таракана

Завелись на кухне тараканы.
Не едят травильную кашу.
Может, завести на них капканы?
Или просто с ними подружиться?

Не морите тараканов, братцы!
Каждый хочет жить на белом свете.
И потом ведь, если разобраться,
И у тараканов тоже дети.

Для чего-то тараканье племя
Сотворила в древности природа.
Как бы ни давили их всё время –
Не скудеет вечная порода.

Может, из-за травли этих бестий
На земле какой баланс нарушен?
Может, наши беды – лишь возмездье
Нам за их погубленные души.

Как камень с плеч свалился враз –
Машину продали и дачу.
Отныне мчи меня, Пегас,
По бездорожью, наудачу!

Не попадаю в колею,
В следы людских стереотипов.
И легкомысленно плюю
На всех жизнеспособных типов.

О рабства огородный плен,
Ионычей святое братство!
Убогим видится с колен
Мне ваше нищее богатство.

О чём жалеть? О чём тужить?
Спешить в леса к дубам и клёнам.
Как хорошо отныне жить
Свободным и непреклонным!

Иных миров благая весть
Витала над умами.
И звёзды, все, что в мире есть,
Стояли над домами.

О вечных таинств торжество,
Предвосхищенье рая!
Но на рассвете волшебство,
Как звёзды, умирает.

Всё разрешится – се ля ви! –
Ночной горячкой речи:
Всю ночь шептать слова любви
И – не узнать при встрече.

Жизнь не отоваришь –
Хлопоты бесплодные.
Варишь, варишь, варишь...
Глядь – опять голодные.

Только с плеч гора лишь –
Вновь в быту погрязла я.
Моешь и стираешь,
Смотришь – снова грязное.
А порой отступишь
От постылых правил сих –
Любишь, любишь, любишь...
И опять понравился!

*Я знаю: истина в вине.
А.Блок*

Нет, не в вине она, а в чае.
В тебе, мой чай, души не чаю.
Заваривайся и крепчай,
И угощай, и привечай
Того, кто всех на свете слаще,
Кому я как бы невзначай
Скажу: ходи сюда почаще
И жизнь мою возьми на чай.

Снова на чьей-то улыбки крючок,
Словно беспечная рыбка, попалась.
Мало как будто в жизни досталось.
Манит в тумане любви червячок.

В кровь разбивая губы и лбы,
Биться в сетях, задыхаясь и мучась.
Вечная рыба и бабья участь!
Неотвратимы уроки судьбы.

Мир нам готовит пир на крови.
Ладит ловушку ласковый витязь.
Остановитесь! Не становитесь,
Бабы и рыбы – рабами любви.

Перед зеркалом красуюсь,
От тебя я слышу: «Рубенс!»
Огорчилась: неужель?
А мне мнилось – Рафаэль!
Вот истаяю, словно воск, –
Будет Брейгель или Босх!

Жизни нет от полноты.
Нечего надеть.
Мне для счастья полноты
Надо похудеть.

Ненавижу полноту
И всё то, что с ней
Как-то связано в быту
Человеко-дней.

Полной грудью не дышу,
(может лопнуть шов),
Полной рифмой не спешу
Украшать стишок.

Полноводная река
Мне и та тошна,
И пошлее колобка
Полная луна.

Надо, надо, – говорю, –
Зверски голодать.
И готовностью горю
Полсебя отдать

В жертву будущей себе,
Стройной, как газель.
Голод с совестью в борьбе
Спрячт и досель.

В автобусе мне место уступили.
Галантный тон. Усы и борода.
– Как женщина ещё я, значит, в силе, –
Так сладко мне подумалось тогда.

Но после вдруг сомненья подступили
И отравили сладость лебедой:
Как женщине его мне уступили
Или как женщине немолодой?

С крыльев бабочки пыльца
Облетела.
Нет уже того лица,
Да и тела.

И всё реже суд молвы
Обличает.
И по отчеству, увы,
Величают.

Тает

Тает снег... Тает лед...
Тает в небе самолет...
Тают в сумраке года...
Тает счастье без следа...

Все вода, вода, вода!

Никто уже не смотрит вслед,
А было время – обораживались.
Как сбросить нам заклятье лет,
В царевен снова обораживаясь?

И, кажется, рецепт простой:
Целуй меня, целуй сто раз, молю,
И стану, словно в сказке той,
Я Василисою Прекрасною.

Прекрасная Дама любила другого.
(Любой рядом с Блоком был смерд!)
То Белого, то арлекина-Чулкова,
А после был паж Дагоберт.

Остались записки стареющей Любы,
Где строки, бесстыдством светясь,
Взахлёб рисовали объятия, губы
И всю их преступную связь.

«Я сбросила всё и в момент распустила
Блистательный полог волос.
Какая была в нём порочная сила,
Какая любовная злость!

Согласие полное всех ощущений,
Экстаз до беспамятства чувств...»
Дословно почти, без преувеличений
Цитирую с авторских уст.

Промолвила с грустью Ахматова Анна,
Прочтя, что попало в печать:
«Ах, ей, чтоб остаться Прекрасною Дамой,
Всего только бы промолчать...»

*На кой мне чёрт душа твоя.
М.Лермонтов*

Толстой страдал, что он не любит крыс.
Всё сокрушался, что так некрасивы.
Гадливости своей не в силах скрыть,
Хотел любить, но был любить не в силах.

Никто не любит чёрненькими нас.
Не нужен Сирано и Квзимодо.
Лягушка лишь царевною нужна.
Нет дела никому, что так нежна,
Так хороша душа-то у уroda!

В моей жизни – жирным курсивом
Всё, что связано с той зимой.
Слава богу, что некрасивый –
Тем вернее ты будешь мой.

Пусть кривой, глухой, хромой –
Лишь бы мой!

И некому послушать,
И не с кем говорить...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

«Согреть другому ужин»...
А после ждать ножа?
Чужому ужин нужен,
А вовсе не душа.

Убережась от блажи,
Сбежит в свои края.
«На кой мне чёрт, – он скажет, –
Нужна душа твоя?»

И кличешь, как кликуша,
Того, кто скажет: «пить»...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

Телефон звонит в передней.
Я задерживаю шаг.
Почему-то медлю, медлю
Трубку тронуть за рычаг.

И гадаю: чей же голос
Прозвучит сейчас в тиши,
Утоляя вечный голод
Пира жаждущей души?

Кто хранит в уме неброский
Телефонный номер мой?
Кто так одинок сиротски,
Что звонит ко мне домой?

Чьё так искренно участие
И нужна я так кому,
Что звонок уж четверть часа
Надрывается в дому?

Я спешу на роскошь пира.
В мыслях радуюсь: виват!
– Это сауна? Квартира?!
Обознался. Виноват.

«Как дела? Какие планы?» –
Слышим часто от других.
«Как здоровье? Как зарплата?», –
Сами вопрошаем их.

Всяк во всё суёт свой носик
Так, как долг ему велит.
И никто, никто не спросит:
«Как душа? О чем болит?»

Дождик плюёт и сморкается.
Ноги лакают слякоть.
Смерть – светодню. Смеркается.
Хочется пить и плакать.

Всё не во вкусе. Не в фокусе:
Хмарево и неярко.
Насморк. Мигрень. Что проку в сем?
Да и вся жизнь насмарку.

Кончался дождик. Шёл на убыль,
Последним жертвуя грошом.
И пели трубы, словно губы,
О чём-то свежем и большом.

Уже в предчувствии разлуки
С землёй, висел на волоске
И ввысь тянул худые руки.
Он с небом был накоротке.

О чём-то он бурчал, пророчил,
Твердил о том, что одинок...
Но память дождика короче
Предлинных рук его и ног.

Наутро он уже не помнит,
С кого в саду листву срывал,
Как он ломился в двери комнат,
И что он окнам заливал.

Как близоруко призрачное счастье.
Оно мерцает всюду и нигде,
Даря свой облик издали, отчасти.
Его глаза туманные лучатся,
Как солнечные блики на воде.

Оно – пятно расплывчатое света...
Но стоит лишь тебе надеть очки,
И ты воскликнешь: «Боже, что же это?!»
Где лунный лик, приснившийся поэту?
Какие-то болячки и клочки

Волос...Из серебристого тумана
Возникнет морда, шея с кадыком,
Пиджак потёртый с порванным карманом.
Лицо мечты без грима, без обмана.
И это то, к чему ты был влеком?!

Все заусенцы, ссадины, дефекты,
Все желваки земного бытия...
Хотите, чтобы жизнь была конфеткой –
Загадочной, манящей и эффектной?
Очки снимите. Сделайте, как я.

В кафе «Манеж»

Задумав с мужем отдохнуть по-светски, –
Был летний вечер солнечен и свеж, –
Зашли мы с ним в кафешку на Немецкой
С двусмысленным названием «Манеж».

Застыли мы потом как истуканы,
Когда предъявлен был суровый счёт,
Включивший вилки, блюда и стаканы,
Столы и стулья, кажется, ещё.

А счёт крутой за отбивную нашу –
Как будто бы из золота она –
Терпенья моего превысил чашу, –
В себе тогда была я не вольна.

Да лучше бы на кухне мы, ей-богу,
Домашнего вкушали пирога!
В кафе «Манеж» забыли мы дорогу,
Поскольку жизнь ещё нам дорога.

Клиентов здесь не холят и не нежат,
Улыбкою рублёвой не дарят.
Обманут, обмишулят, обманежат,
А после вслед ещё обматерят.

Ода лоху

Среди человеческого чертополоха
Всегда отличишь лопуха или лоха.

На лбу у них крупно написано: «лохи».
(А следом идут дураки и дороги).

На радость эпохам родные мессии
Советского лоха взрастили в России.

Наивен и прост, он не видит подвоха
И часто впросак попадает, заохав.

Не требуя многого, радуясь крохам,
Питаюсь порой чечевицей с горохом,

Он мир удивляет сознанием совковым,
И чем-то нам люб вот таким, бестолковым.

Про лоха, прошу вас, не думайте плохо.
Он всё-таки лучше, чем хам и пройдоха.

За чистую всё принимая монету,
Но их не имея, он близок поэту.

И в сердце вдруг кольнуло, как ножом, –
Вгляделась в силуэт мертвецкий, скотский:
А вдруг это какой-нибудь Ханьжов?
Второй Рубцов? Иль Рыжий, иль Высоцкий?

Вот так когда-то Веничка бухал,
Есенин становился вдруг нестойкий,
Григорьев Аполлон не просыхал
И Блок был пригвождён к трактирной стойке.

Участливо склоняюсь и светло,
Ища в чертах преображенья чудо...
Но не чело мне кажется, а мурло
Незнаемый с поэзией пьянчуга.

Поэту не внимал народ.
Куда ни глянь – мордovorот.
Таков уж род земной.
Поэту всюду укорот.
А если кто и смотрит в рот –
Так только врач зубной.

Вот поэт, зовётся Цветик.
Он напишет вам сонетик.
Он не лабух, не лопух,
Он поэтик Винни-Пух.

В голове его опилки,
Рифмы копяты в затылке.
Громоздясь на пьедестал,
Он нас всех уже достал.

Графоманы, графоманы –
Песни, повести, романы...
В них вся совесть, ум и честь –
Не издать и не прочесть.

Сколько их? Куда их гонят?
Что в шкафу они хоронят?
Кипы папок, ни рубля
И отказов штабеля.

Заберётся на диванчик
Наш болванчик-одуванчик
И вершит души полёт.
Ай да Цветик-виршеплёт!

С Музой заключая сделки
На шумелки и пыхтелки,
Он плодит их, как акын.
Ай да Винни, сукин сын!

Это творчеством зовётся.
Слово наше отзовётся.
Бочку – даром что пусту –
Слышно людям за версту.

Мопассаны, Г., Г. Манны
Тоже были графоманы.
Просто этим повезло.
И опять судьбе назло

Он над опусом колдует...
Бог иль сын его диктует.
Так они вдвоём с Христом
Лист марают за листом.

Если вирши не по вкусу –
Все претензии – к Иисусу.
Это он надиктовал
Сей продукции обвал.

Вы не смейтесь над поэтом.
Он явился к вам с приветом.
У него надменный вид.
Будет Цветик знаменит.

Он не пашет и не строит,
Он – звезда, он астероид,
Залетевший издаля
На планету к нам Земля.

Вот пройдёт лет двести-триста –
Он тогда, как Монте-Кристо,
Критиканам отомстит –
Высоко наш Пух взлетит.

Будет он в обойме звёздной.
Мы поймём, да будет поздно,
Что такую-то строку
Не найти во всём веку.

Графоманы, графоманы...
Где же ваши эккерымань?
Каждый сам себе божок.
Пожалей его, дружок.

Цветик, Винни-Пух, Незнайка, –
Своё имя выбирай-ка.
Чем не звучный псевдоним?
Кто скрывается под ним?

*Когда б вы знали, из какого сора...
А.Ахматова*

О Боже правый, из каких помоек
Растут стихи на этих стеллажах!
Из школьных двоек, непотребных коек,
Запутавшись в словах и падежах.

Такие вирши вы ещё найдёте
На стенах туалетов без труда.
Уж слишком много плесени и дёгтя.
Сплошные лопухи и лебеда.

Язык погряз в том соре, как в трясине.
Читатель, эту лажу – отложи.
Где тот мусоросборник в магазине,
Который бы очистил стеллажи?

Обрастаю книгами –
Тяжкими веригами,
В прошлое ведущими,
Жизнь мою крадущими.
День бежит потоком с кручи
Всё быстрее, бурнее, круче.
Я же с книжкой под мышкой –
В подземелье серой мышкой.
Среди книжных дней и ночек
Жизнь застряла между строчек.

В книжном магазине

Распространяя запахи духов,
Она брезгливо книжки ворошила.
И продавец ей сборничек стихов
Моих неосторожно предложила.

Она, не пролистнув и полглавы,
Отбросила его к едрене-фене:
«Но это же всё классика, увы.
А мне бы что-нибудь посовременней».

А я, там оказавшись в тот момент,
Вдруг ощутив себя премного выше,
Подумала: «Вот это комплимент!
Не всяк при жизни эдакое слышит».

Лелею искомые строчки,
Как будто прибудных котят.
Такие ж они одиночки,
И так же вниманья хотят.

Дитёнышей ласково кличу,
Даю им еду и питьё,
И всё, что они намурлычат,
Шутя выдаю за своё.

Но вот уж какую неделю
Меня эта мысль бередит:
Котят ли лелею на деле
Иль грею змею на груди?
И эта змея, как Олега,
Ужалит однажды до слёз.
Поэзия – это не нега,
А полная гибель всерьёз.

В наряд из слов благоуханных
Ряжусь и в зеркало гляжусь.
И с каждой строчкою коханой,
Как с торбой писаной, ношусь.
И даже строчку-страхолюду
Лелею, холю и блюду.
Но что-то в этом есть от блуда –
Словокупленья на виду.

Стихи – какой-то нонсенс, казус.
Как шквал, что кляксою стечёт.
Как будто бы вселенский хаос
Пытаюсь взять я на учёт.
Земля и небо, тише, тише.
На миг замрите не дыша.
Я лишь вожу рукой, а пишет
Моя душа, моя душа.
Бог не диктует перевод свой,
И на устах его печать.
Я за издержки производства
Сама привыкла отвечать.

Писать уж больше не могу.
Рука сейчас отвалится.
А голова моя – чугун,
В котором что-то варится.
Как отзовется то, что в нём?
Кому-нибудь понравится,
Кто – безразличным будет пнём,
А кто-то – и отравится.

Порой иду и вижу в страхе:
Непробиваемо глухи,
Мелькают рожи, морды, ряхи, –
Им не нужны мои стихи.
Но есть ещё глаза и уши,
Я их повсюду узнаю.
И вижу лица, лики, души, –
Для них живу, дышу, пою.

Стих мой рождённый,
Мне на печаль,
Ты искаженный
Вышел в печать.
Лучших отрезать
Несколько строк –
Словно от тела
Отрезать кусок.
Что ж тут поделывать...
Кричи – не кричи.
В чём-то редакторы
Все палачи.
Взял, отхватил
Ни за что, ни про что.
Был бы ты стих,
А теперь уж не то.
Стих мой несчастный,
Стих мой калека,
Видеть в тебе
Не хотят человека.
Что же мне делать?
Дайте ответ!
Стих мой, зачем ты
Явился на свет?
Знай же, редактор,
Помни теперь –
Прежде, чем резать,
Семь раз отмерь!

Пророки вечно в дураках.
Их жизнь тому порукой.
И ангел в серых облаках
Глядит сердитым букой.

Как будто лишь одну вина
Во всей вселенской дури,
Он смотрит сверху на меня,
Как волк в овечьей шкуре.

Пусть кто-то будет резок крайне,
Пусть кто-то борется и спорит,
А я – за гранью, я – за гранью
Добра и зла, любви и горя.

Пусть кто-то там слюною брызжет,
Кричит и кроет что есть мочи, –
Я буду выше этой крыши
И тише украинской ночи.

Меня не соблазните дрянью.
Дразните – буду словно пень я.
Ведь я – за гранью, я – за гранью...
Не выводите из терпенья.

Экстрасенсы и суггестологи,
Врачеватели и целители,
Ясновидящие, астрологи –
Наши доблестные «спасители»,

Знатоки черно-белой магии
Самой что ни на есть категории,
Колдуны, чародеи всякие, –
Сколько вы уже объегорили?

Вы могущественны, как Кришна,
Вы привычны к публичному буму.
Посоветовавшись со Всевышним,
Называете круглую сумму.

Там и сям открываются курсы –
Обученье платное чарам.
Нет способностей? Были б ресурсы!
Не таких уже обучали.

Мы замерим вам биополе,
Зарядим целебную воду.
Налетай! Исцелись от боли!
Пока есть на нас еще мода.

Оба Глобы мыслят глобально
И ворочают судьбами мира.
Если звезды столкнутся случайно,
Знай: в продаже не будет кефира.

Кто ты есть? Козерог иль рыба?
Нам судьба уготована скопом.
Мы мозгами раскинуть могли бы,
Но зачем, коль есть гороскопы?

Ворожба, приворот, наговоры,
Бесконтактных массажей лажа.
Оккультисты, шаманы, воры, –
Поумнеем мы все когда же?!

В нашем пошлом, замшелом быте
Не от порчи прошу или сглаза, –
Сохрани ты меня, Спаситель,
От носителей этой заразы:

От дурмана дурных шаманов,
Колдунов, озабоченных сексом,
Сохрани ты мои карманы
От обмана всех экстрасенсов!

1993

Говорят, что есть они, флюиды,
От виска к виску.
Что же Вы не слышите обиды
И мою тоску?

Если есть и вправду биополе,
Импульсы в крови,
Отчего не чувствуете боли
И ожог любви?

Если б биотоки эти были –
Верят, дурачки! –
Вас бы так они испепелили,
Что осталась только б горстка пыли,
Ручка да очки.

Вы мне сказали: «Тема закрыта».
Словно захлопнулась дверь.
Сердце разбито. Сиж у корыта.
Что тут попишешь теперь.

О почтальоны! Оставьте конверты,
Ставьте на сердце печать!
Можно о жизни. Можно о смерти.
Только о главном – молчать.

Заживо нежность в землю зарыта.
В стойло вернулся Пегас.
Вены не вскрыты. Тема закрыта.
Словно покойнику – глаз.

Друзья по Интернету,
Собратья по перу...
Но жизни в этом нету,
Как в свёкле на пару.

Любовь по телефону –
Безликая весьма.
И почте электронной
Не заменить письма.

Несёт в себе угрозу
Компьютерная мышь
Сквозь стёкла нюхать розу,
Дышать через камыш.

О друг мой виртуальный,
Подмена, суррогат,
Пусть я не актуальна,
Как старый агрегат,

Но не куплю компьютер
И принтер не куплю.
Люблю я свежесть утра,
Живую жизнь люблю!

На языке бульварных площадей,
Базарных перебранок меж людей,
Очередей – со мною говорила
Простая жизнь народа без затей.

И мне хотелось быть такой, как все:
Не пятой спицей в общем колесе,
Не о красе всея вселенной думать,
А, как и весь народ, – о колбасе.

Я от прекраснотушия лечусь,
Ненормативной лексике учусь,
И чувствую: ещё совсем немного –
И я пойму умом родную Русь.

1991

Что значит – на картошку посылать,
На посевную, овощную базу,
Младое племя – что за благодать! –
Наверное, не слышало ни разу.

История не раз их удивит
Словами: «персоналка», «аморалка»,
«Звать на ковёр», «поставили на вид».
Сейчас они звучат смешно и жалко.

Давно уж снят студенческий значок,
Сор времени уже исчез из виду.
Но вспомню, как не ставили зачёт
Мне Ленинский – и не унять обиду.

Я голошу и гоношусь,
И голосую гласно,
Но никогда не соглашусь,
С чем буду не согласна.

Я гласная, а не согласная,
И этим кой-кому опасная.

Я в голос буду голосить,
Голосовать руками,
Но не могу я выносить
Согласья с дураками.

Я гласная, а не согласная,
И потому такая классная.

Деспоты не любят диспутов.
Если ты не тварь и тля –
Неустанно и неистово
Вырывай из горла кляп.

Смертный грех – чегоугодие.
Не переступи между.
Богу одному – свободе я –
Поклоняюсь и служу.

Но куда теперь податься мне?
Где луч света среди мглы?
Глупы и нелепы Чацкие,
А Молчалины подлы.

Софьи выберут Молчалиных
В президенты и в мужья.
Остаётся лишь в отчаянье
Застрелиться из ружья.

Меня от Достоевского знобит:
Углы, подвалы, жёлтые билеты...
Герой всегда изломан и забит,
И что ни героиня – то с приветом.
Истерики, чахоточных плевки...
То в дрожь тебя бросает, то в зевоту.
О мир, где вместо неба – чердаки,
А лучшие из лучших – идиоты!

Шагреновая кожа творчества

*Одной надеждой меньше стало –
Одною песней больше будет.
А.Ахматова*

Шагреновая кожа творчества!
Гляжу, сама себе не рада,
Как на листке тетрадном корчится
Моя отравы и отрада.

Жизнь за окном переливается
Цветами неоренессанса,
А у меня переливается
В метафоры и ассонансы.

О творчество, страна Дурмания,
Ты – суррогат, зараза, мизер!
Как мне избавиться от мании
Жизнь подменять игрою в бисер?

Когда глазами в звёздах тоном мы,
Их отраженья множат воды.
Жизнь и поэзия – синонимы?
Антонимы и антиподы!

О творчество, твоё могущество
Оплачено большою кровью.
Ты сотрясаешь души ждущие,
Как ветер сотрясает кровли.

Непостижимо и таинственно
Сомнамбулическое слово
Ведёт тропинкою единственной
За дудочкою крысолова.

Грозою распахнуло форточку.
Польнью пропитался воздух.
Чем хуже жизнь – тем лучше творчеству.
Чем ночь темней – тем ярче звёзды.

Надежды – вдрызг, удача – побоку,
Но живы чудные виденья.
Идёшь по жизни, как по облаку...
О наважденье заблужденья,

Что только разрешусь от бремени, –
И мир в стихе моём нетленном
Предстанет неподвластным времени,
Пронзительным и просветленным.

Цель жизни – самовыраженье
В картинах, музыке, стихах,
В лица необщем выраженье,
Во всём, что побеждает прах
И страх, что все мы в мире тленны
И одиноки во вселенной.

Порой мы пишем паче чаянья
И только зря конверты тратим.
Письмо в бутылке – жест отчаянья
И одиночества в квадрате.

О жанр самоубийц и смертников,
Пронзавший холодом вокзала,
В котором я одна из сверстников
Всегда стихи свои писала!

И Музы нищенское рубище
Навек окажется нетленно...
Стихи – как письма в прорву чудища,
Протест против разлуки любящих,
Рассеянных во мгле вселенной!

Вновь мои заоблачные бредни
Вас окликнут розово в тиши.
Мой ночной безмолвный собеседник,
Равнодушный друг моей души!

О, велик соблазн ночного часа...
Много в нём увидеть суждено.
Мгла легла – и звёзды залучатся.
Жизнь ушла – и обнажится дно.

Я привыкла издавна к разлуке.
Я в ней поселилась, как в дому.
Простираю в неизвестность руки
И пишу неведомо кому.

И не променяю на живую
Жизнь ночную, что в себе ношу.
Я пишу – и значит, существую.
Я живу – и значит, я пишу.

В стихах живу я в полный рост,
А в жизни так не смею.
Душой тянусь до самых звёзд,
А телом не умею.

Обломки строф, как корабля –
Свидетельства крушенья.
Не даст ни небо, ни земля
Мне самоутешенья.

А шар земной – Содом, дурдом,
Вращается в угаре.
Я балансирую с трудом,
Как девочка на шаре.

Одиночество, книги и мысли.
И тетрадь приоткрыта, дразня.
Пусть меня в этой жизни не числят,
Где толпа, магазины, грызня.

Я один на один с этим небом,
С очертаньем рассвета в окне.
Буду тем, кем никто еще не был,
Дорасту до себя в тишине.

На вершинах познания холод.
Запылилась душа, как земля.
Буду слушать свой внутренний голос,
Буду ждать, как слова заболят.

Но за все наступает расплата:
Жизнь опять настигает врасплох,
Неподвластная музыке лада,
И взрывает размеренный слог.

Я вольюсь в магазинную гущу
И постигну, себе изменя,
Неизменное в вечно текущем,
Неразменное в сутолке дня.

Поэзия границ не знает.
Ты возвращаешься домой,
Ногой устало дверь пиная,
Голодный, суетный и злой,

А тут она вдруг на пороге
Встречает, трепетно светла...
Иль даже раньше, на дороге,
Где машет ветками ветла.

Поэту нужно так немного.
Под каждым камнем спят стихи.
Вот пёс перебежал дорогу –
И в нём поэзии штрихи.

Идут её флюиды с крыши,
Где кот мяучью речь ведёт.
Прислушайся – и ты услышишь...
Взгляни вокруг – она нас ждёт.

Первая капля дождя зазвенела
И переполнила чашу молчанья.
Там, где в судьбе оставались пробелы –
Выросли строчки любви и печали.

Полночь рассыпала звезд серебро –
Дорого хочет купить мою душу.
Я отпускаю на волю ветров
Все, что в своих кладовых обнаружу.

Как только снова небо вызвездит
И лампа вспыхнет, ослепя –
Даю подписку о невыезде
Из дома, из самой себя.

Даю подписку Богу, ангелам,
Ночной всевидящей судьбе,
Что – ни в Америку, ни в Англию,
Пока должна самой себе,

Пока должна я свету, музыке,
Пока слова ещё не те –
Клянусь, не выйду даже к мусорке,
Ни к раковине, ни к плите.

Я буду слушать звуки трубные,
Пока не искуплю греха
И не раскроются преступные
Хитросплетения стиха.

«Как тебе там?» – я спрошу у звезды.
«Холодно», – ёжится лучик.
Этой в незнаемое езды
Мне бы не знать было лучше.
Чем ближе к небу – тем холодней.
Жить на земле надо просто.
Но зато сверху мне всё видней.
И я понимаю звёзды.

Не нужен повод для стиха.
Взошёл, как лопушок,
На поле боли и греха
Всамделишный стишок.

Не нужен повод. На виду
Растёт он, воли полн.
Я у него на поводе
Отныне, а не он.

Подсолнушек расцвёл в тиши,
Окреп в моей крови.
Не нужен повод для души,
Для счастья и любви.

Горит заря до радостного крика,
А шум дождя имеет серый цвет.
И музыка взывает: посмотри-ка!
А краски так звучат, что спасу нет.

Так плавно звуки облекали слово,
Так много говорящим был клавиш...
Вокальный цикл Владимира Орлова
Меня на эти строки вдохновил.

Надвигается час роковой –
Ночь отпустит лихие поводы,
И меня понесёт за собой
Захлестнувшее слов полове.

Я забуду и век, и число
В этой пуще неволи охоте.
Поднебесное взмывает весло,
Исчезая в водовороте.

Обмелевшая суша души,
Пересохшие губы Танталя...
Утолить эту жажду спеши,
Пока утро ещё не настало.

И подслушать у звёздных миров
Их язык неисповедимый,
Тайну вещей божественных слов...
Но они – непереводимы.

Перевод с языка немоты,
Темноты и ночного безмолвия...
А слова так чисты и просты,
И флюиды святой правоты
Источают их в небо с любовью.

Я соловей, что кормится лишь баснями.
Небесный хлеб души дороже хлеба.
Не правда ли, что может быть прекраснее
Распаханно-распахнутого неба?

От мира не сего моё пристанище,
Где снов нецеломудренное царство.
Я пью напиток млечный и дурманящий,
Как сладко-бесполезное лекарство.

Раньше знали их и птицы, и листва,
А потом их грязью мира с неба стёрло.
Я ищу неизреченные слова,
От которых перехватывает горло.
Сор планеты ворошу и ворожу.
Воскрешаю, как забытую порфиру.
Я их лентою судьбы перевяжу
И отправлю до востребованья миру.

Поэзия не знает дня рожденья.
Ещё не воплощённая в словах,
Она была озвучена гуденьем,
Журчанием, шептаньем в деревьях,
Небесным громом, рыком динозавров...
Заполнив чёрный космоса провал,
Зародыш поэтического завтра
В утробе мира тайно созрел.
Из брэнной пены, вдохновенной дрожи,
Выпутывая голос из сетей,
Она рождалась, тишину корёжа
Страдальческим мычаньем предлюдей.
Теперь уже не вызнать, не исчислить,
Как чувства, переросшие инстинкт,
Преображались постепенно в мысли,
Как те потом перетекали в стих...
Добравшись до истоков этой жажды,
Себя на любопытстве я ловлю:
Кто, на каком наречии однажды
Исторг из глотки: «я... тебя... люблю!»?
Сквозь хаос ритмов, щебетанье птичьё
Пробилась мука музыки немой.
И стало тех слогов косноязычье
Рождением поэзии самой*.

Грамматика вовсе не так уж суха,
Ты зря относишься к ней с нелюбовью.
Она не мертвее иного стиха,
Слова наделяя и плотью, и кровью.

* Это стихотворение завоевало второе место на Международном конкурсе поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2003 год)

Вот существительного существо
В своём величии первозрядном
И прилагательное, что его
Словно в глазурь облекает нарядно.
Глагол – это ангел движения, жизнь.
Мотор, сообщающий ускоренье...
О сколько в грамматике скрытых пружин,
Нам облегчающих словотворенье!
Всем нам слежаться в грамматике слой,
Уничтожению не подлежащий.
...А я за тобой – не как нить за иглой,
А как сказуемое за подлежащим.

Стихи растут из сора и из ссор
С самим собою, с миром, с мирозданьем.
Из пониманья, что весь этот вздор –
Души твоей рисуемый узор –
Есть порученье, Божее заданье.
Из ощущенья личной правоты,
Из чувства, что тебя нет виноватей.
Путём зерна из вечной мерзлоты,
Из темноты, небесной высоты,
Из теплоты единственных объятий.

Стихи – не чувства, это опыт,
Который душит и страшит.
И не слова, а лепет, шёпот,
Невыразимый стон души.

Стихи – не лёгкое дыханье,
А тяжкий горла перехват.
Не правоты своей сознанье,
А мысль, что ты лишь виноват.

Стихи – та боль, что не стихает,
Всегда держащая в тисках,
Не облечённая стихами,
Не облегчённая тоска.

Когда, не зная милосердия,
Пройдёшь сквозь всё, что и врагу...
И лишь тогда, как перед смертью,
Ты прохрипишь свою строку.

*Мы, поэты – люди голые.
А.Ахматова*

Мы голые люди, весёлые люди,
Мы служим хорошей мишенью для судей.

Что колет вам глаз, непотребно, прожжённо,
Заметней на том, что всегда обнажённо.

Мы голые люди, мы полые люди,
Набитые хламом идей, словоблудий.

Кто в руку положит, кто бросит в нас камень,
Вы можете голыми брать нас руками.

Мы дикие люди, косматые звери,
В нас души распахнуты настезь, как двери.

Нам нечем укрыться и некуда деться.
Дрожит на ветру оголённое сердце.

Неисправимый интроверт,
Гляжу на след воды зеркальный,
Где отраженья звёздных черт
Неотличимы от реальных.

А масло в роковой руке
Уже плеснуло у трамвая,
И жизнь, отлитая в строке,
Лежит и смотрит, как живая.

А если чуточку совру,
Прикинусь вещью гуру,
А если я сфальшивлю раз,
Кто догадается из вас?

Но это видят облака,
Хотя глядят издалека.
И это чувствует луна,
Читая строчки из окна.

Сообщница души, ослушница ума,
Черчу узор судьбы. Он тёмный и неровный.
Чего хочу, зачем? Не ведаю сама.
Что это – гул веков или биенье крови?

Невольница любви, соперница богов,
Я жизнь свою творю, играю, как по нотам,
Под музыку в тиши единственных шагов,
Под скрип пера в ночи исчерканных блокнотов.

Есть вещи, что боятся слов:
Их назовёшь – и всё растает...
Есть вещи, что боятся снов,
Где наши души обитают.

Попытка рая на земле –
К чему я чувствую призыванье,
Что робко светится во мгле
Без имени и без названья.

Недо-весна: недо-вода,
Недо-тепло, недо-одежда.
Между дождём и солнцем между,
Как между нет и между да.

Расплывчатость всего, что тало
И что устало быть зимой...
Мне кажется, я начертала
Портрет поэзии самой.

Кораблик

Текут ручьи разливные,
Ни для кого не важные.
По ним плывут наивные
Кораблики бумажные.

И рваный лист тетрадный
Поманит вдруг нирваною,
Несбыточной, загадочной
Страной обетованною.

Лети, мой синий парусник,
Сквозь все ветра весенние,
Врезайся в волны яростно
И не ищи спасения.

Мои мечты и чаянья
Поведай всем и каждому,
Кораблик мой отчаянный,
Печаль моя бумажная.

Поэзия должна быть делом личным.
Кто Музу дома в старом пиджаке
Встречать не посчитает неприличным –
Тот с вечностью всегда накоротке.
Писать своё, до грани, до предела
Интимное, на смех или на грех.
Поэзия должна быть личным делом.
И лишь тогда она нужна для всех.

Сиянье солнечного дня.
«Купанье красного коня».
Могучий конь, былинный конь
И ярко-красный, как огонь.
Им правит мальчик, невесом,
И телом слаб, и худ лицом.
Не знает критик-ортодокс,
Как разгадать сей парадокс.
Тут нет нигде полутонов.
Сюжет и стар, и вечно нов.
Вот так Есенин по весне
Скакал на розовом коне...
Крылатый конь. Небесный свет.
Тот мальчик, верно, был поэт.
«Купанье красного коня»
Вам всё расскажет про меня.

Комната о четырёх углах.
А я – её уголовница.
Я – преступница на словах.
Чернокнижница, чернословница.
Как тот раб, уж давно побег
Из себя самой замышляла я.
Но куда сбежит добровольный зэк,
Вросший в логово обветшалое?
Мил домашний мне мой арест
В отрешённости своей дикости.
Видно здесь мне нести свой крест,
Пока смерть на волю не выпустит.

*А если грязь и низость – только мука...
И. Анненский*

Мне пишет зэк, что всё находит отклик
В его душе в прочитанных стихах.
И просит он издателя: не мог ли
Прислать им книг, погрязнувшим в грехах?
Казалось бы, что общего меж нами?
Не зарекайся – мудрость говорит.
Никто не вправе первым бросить камень.
У каждого в шкафу скелет зарыт.
Мир – камера огромного размера.
Подглядывает Бог в глазок луны.
Он знает: все достойны высшей меры,
Читая наши помыслы и сны.
«Наш коллектив и я, Иван Молочко,
Пишу не столь из отдалённых мест...»
Так что в них суть и что лишь оболочка?
Душа взревёт, как поглядишь окрест.
«И время драгоценное досуга
Мы на стихи затрачиваем все...»
«А если грязь и низость – только мука
По где-то там сияющей красе?»

Где найти козла отпущения
Всех грехов моих и стихов?
У кого попросить прощенья,
Что сама я и мир таков?
Вот и радуга сверху свесилась,
Руку тянет моей в ответ.
Ах, и держит-то всех на свете нас
То, чего на поверку нет.

Я схороню себя в своих стихах.
Нет, не увековечу – изувечу.
Я втисну в строчки искренность и страх,
И свой рассвет, и свой последний вечер.
Чтоб каждый стих звучал, дышал и пах,
Я жизнь свою в него вмещаю с хрустом.
То снега хруст, иль яблока в зубах,
Или костей, отрубленных Прокрустом?

В своём соку закисшая строка.
Фонтан, себя питающий устало.
А я – река! Нужны мне берега
И море – то, в которое б впадала.

И – города, что плыли бы в огнях...
Мне нужно всё, несущееся вольно,
Глядящееся пристально в меня,
Клонящееся в трепетные волны.

Но, стиснутая вдоль и поперёк
Плотиной дел, инерции, рутины,
Я превращаюсь в жалкий ручеёк,
В то, что судьба и жизнь укоротила.

*Хоть горшком назови,
только в печь не ставь.
Поговорка*

Я не поэт, что б там ни говорили.
Люблю картошку, а не крем-брюле.
У моего Пегаса нету крыльев.
Он, как и мы, ступает по земле.

Я не поэт. Я алиби имела:
Готовила, стирала среди дня.
И в это окровавленное дело
Я вас прошу не вмешивать меня.

Я не поэт. Какие тут обиды!
Как сухостой, суха прямая речь.
Но знаю, как меня ни назови ты –
Не миновать пылающую печь.

Я всего лишь кустарь-одиночка
Над огромной страной,
Где моя одинокая строчка
Натянулась струной.

И по ней – одержимая бесом,
Чтоб кружило и жгло!
Я поэт нетяжёлого веса,
Но мне так тяжело.

Ночь в слезах, как в своём соку.
Наступает сухое завтра.
Обменяю тоску на строку –
Вот такой я устрою бартер.

Одурь горя и чад чепухи,
Все свои чумовые недра
Обменяю на эти стихи
И, как пепел, развею по ветру.

Без сучка и задоринки гладкая ложь,
Равнодушия сытый и глянцевого нолик.
Всё округло и залакировано сплошь.
Их ничем не зацепишь, ничем не возьмёшь.
Крутит жизнь без конца этот розовый ролик.

Так привычен, наезжен ровнёхонький путь.
Как боитесь прервать этот замкнутый круг вы!
Но откроет, прочтёт ли когда кто-нибудь
Заскорузлую нежность, шемящую суть
И любви угловатой корявые буквы?

Снобы

Эти диетические души,
Подмастерья красного словца,
Эти замороженные уши
И заплесневелые сердца!

Эта их гримаска: «Очень мило», –
И паскудно перышком скрипит...
Как при встрече с жизнью их знобило!
Как их от стихов моих снобит!

По земле ползут они, как слизи,
Сквозь свою тростиночку дыша.
Ничего не смыслит в плоти жизни
Вегетарианская душа.

А рыба каждого стиха
Несёт в раскрытой пасти
Невинность утра, мрак греха,
Страдания и страсти.

Что этой рыбе западня,
Наживки, сети, снасти!
Ведь у поэта – ни отнять,
Ни дать не в вашей власти.

На задворках российской империи,
На окраине прежнего мира
Без отличий пустой фанаберии
Обходилась легко моя лира.

Без высокой писательской гвардии,
Освящающей благословеньем,
Без какой-либо студии, партии,
Равнодушна к цепей этих звеньям.

Не нуждаюсь я в помочах, поручнях.
Но когда ж у нас будут в почёте
Не печати в писательских корочках,
А в читательских душах печати?!

Мелькают лица: тёти, дяди...
Мы все – единая семья.
Махнутья жизнями, не глядя.
Какая разница, друзья?

Покуда не свалюсь со стула,
Сижу и знай себе пишу.
На жизнь давно рукой махнула,
Кому-то дальнему машу.

Пока пишу – дышу,
Как та Шехерезада.
Всю жизнь – карандашу.
Не отрывая зада.

А может, не права,
Что мне стихи – как воздух?
К чему слова, слова,
Когда на небе звёзды?

Ироничная старая дура,
Посмотри, как хорош этот миг,
Естество самой жизни, натура,
А не книжный описанный фиг!

Ещё Блок говорил, что не строки
О цветах нам нужны, а цветы!
Только что ей чужие уроки
Против этой высокой мороки
И сознания своей правоты.

*В отчаянье или в беде, в беде...
А. Кушнер*

Шагреню поэзии моей,
Чем больше строк – тем жизнь короче.
Укрой, пожалуйста, согрей
Тех, кто ещё согреться хочет.

И легче станет им в беде,
Узнав, что есть в житейском море,
Кто стыл на сумрачной звезде
И тоже плакал в коридоре.

Я в печку уходящих дней
Подбрасываю хворост строчек.
И жизнь тем ярче, чем черней
Вокруг... Чем ярче – тем короче.

«На чёрный день», «на худой конец»
Рассчитываем обречённо.
Конец – он всегда худой. Наконец
Венчает он день этот чёрный.

Не носом в подушку – а носом в тетрадь,
Раз горе тебе не даётся.
От этих слёз – как бы их ни стирать –
Хоть что-нибудь, да остаётся.

Раскроет память старые блокноты,
С души сдувая пепельную пыль.
Из одиночной заполночной ноты
Родится фантастическая быль.

Рванусь, срывая связки и суставы,
Пронзая эхом толщу облаков,
Иль, может быть, не вытянув октавы,
Паду костями своих черновиков.

Но верится, что из ночных видений,
Из-под руин заоблачных дворцов,
Сплетенья теней, сказочных владений,
Из всех моих хотений и радений
Проступит жизни чистое лицо.

Поэты

Неподвластная духу тленья,
Проступает теней игра.
Лики умерших поколений
Оживают в овалах рам.
В полумраке пустынных залов
Канделябры... Старинный плюш...
Мне казалось, я осызала
Жар и пепел великих душ.
Вечный светоч эпохи прошлой!
Эмигрирую в эру ту.
С современностью этой пошлой
Примириться неумоготу.
Мой корабль уплывает в дали.
Тайновидческий путь тернов.
Припадаю к ним, попадаю
В очертанья следов и снов...

Лермонтов

1

Потомок старинного рода,
Не Байрон, о нет, ты иной,
Ты – произведение природы,
Как ливень в полуденный зной,
Как синие горы Кавказа,
Желтеющей нивы волна,
Как молнии огненноглазой
Стремительные письма.
Пылающий протуберанец
С разверстой, как рана, душой,
На этой земле – чужестранец,
Загробному раю – чужой.
Ценою томительной муки,
Всему, что вокруг, вопреки,
Обрёл ты волшебные звуки,
Мятежное пламя строки.

Единственно и отрешённо
В твоём одиноком пиру.
Там воздух небес разрежённый...
Но гибель красна на миру.

И хочется острову тайно –
Волнам набегающим в плен,
Склонить свои гордые пальмы
У чьих-то родимых колен,

И парус тоскует, как нищий,
По встреченной в море ладье.
Как жадно созвучья он ищет
В пустынном своём бытие!

И – отзвуки, отклики, клики
На всю поднебесную высь:
Спасайся, мой мальчик великий!
Пока ещё можно спастись!..

Уехать в Тарханы, в Тарханы,
Где тихо в саду поутру,
Где стелятся в поле туманы,
И листья шумят на ветру,

Где муза ночами порхает,
И нету всевидящих глаз.
В Тарханах тревога стихает.
Ну что тебе этот Кавказ?!

Два белых крылатых оленя
Из царства бессмертного льда
Туманною лунной аллеей
Умчали тебя в никуда.

Но след твой остался на свете,
Как снежных вершин торжество.
И плачут утёсы столетий,
Лелея в морщинах его.

2

«Кто мне поверит, что я знал любовь,
Имея десяти лишь лет от роду?
Подкашивались ноги, стыла кровь...
Мы отдыхали на Кавказских водах.

Забуть не в силах девочки одной
Лет девяти... Не помню, хороша ли,
Но образ тот навеки был со мной,
Куда б пути земные ни лежали...»

Так вспоминал поэт свою любовь.
Пройдут года, и след её растает.
И встретит эту девочку он вновь
Через 17 лет... Но не узнает.

Эмилия Верзилина. Звезда
Кавказа. Бело-розовая кукла.
Изящна, образованна, горда,
Стройна, и белокура, и округла...

Мишель влюблён. Прогулки тет-а-тет.
Но вот она не кажет глаз, остынув.
Вниманием красавицы согрет
Усатый обаятельный Мартынов.

И началось! Обстрелы эпиграмм,
Сарказмов яд, всё злее и жесточе...
Но лишь скалистым ведомо горам,
Как он страдал, душою кровотока.

Она тебя не стоила, Мишель!
В тот самый день, когда тебя зарыли,
Эмилия – подумаешь, дуэль! –
Отплясывала весело кадрили.

Прошло ещё семнадцать. И тогда
Была опубликована записка
Поэта, где Кавказская Звезда
Себя узнала в восьмилетней киске.

Какой судьба придумала курьёз!
И романист так вряд ли подытожит:
Та девочка из юношеских грёз
И дама-вамп – лицо одно и то же.

Два чувства только было, два – в одном,
Всё, что меж ними – тень бывшего пыла.
Одно поэта пробудило в нём,
Другое человека в нём убило.

Баратынский

*Счастье на проторённых дорогах.
А.Пушкин*

Что, если б Пушкин сумел-таки
Наталью уговорить
Отбросить тщеславье мелкое,
Желанье блистать, царить, –

Уехал к себе в деревню бы,
Лелеял родную речь,
Скрипя гусиными перьями,
Поленья бросая в печь...

Какое б счастье для Родины!
Но слушает кто Сивилл?
А вот Баратынский вроде бы
Мечту ту осуществил.

Сбежал в благодать обители,
Спасая болящий дух,
И только его и видели!..
А пламень стиха – потух.

Вне блеска балов и раутов,
В блаженстве трудов и нег,
Казалось бы, жить да радовать
Себя и железный век.

Но мира закон – волнение,
Пусть горе, страданье, гнев!
Души водопад в забвении
Застынет, оледенев.

И что же ему останется?
Скучать в окруженье чад
И скромно прохожим кланяться,
Кляня себя по ночам.

Не счастье – а только тень его
Среди проторённых троп...
Нигде нет спасенья гению.
Иль телу, иль духу – гроб.

Иннокентий Анненский

Нерадостный поэт. Тишайший, осторожный,
Одной мечтой к звезде единственной влеком...
И было для него вовеки невозможно –
Что для обычных душ бездумно и легко.

Как он боялся жить, давя в себе природу,
Гася в себе всё то, что мучает и жжёт.
«О, если б только миг – безумья и свободы!»
«Но бросьте Ваш цветок. Я знаю, он солжёт».

Безлюбая любовь. Ночные излиянья.
Всё трепетно хранил сандаловый ларец.
О, то была не связь – лучистое слиянье,
Сияние теней, венчание сердец...

И поглотила жизнь божественная смута.
А пасынка жена, которую любить
Не смел, в письме потом признается кому-то:
«Была ль «женой»? Увы. Не смог переступить».

Фёдор Сологуб

Он ждал её. В окошко: «Скоро ль?» –
Выглядывал на дно раз пять.
К обеду ставил два прибора
И простыни велел менять.

Вязанье с воткнутою спицей,
Тетради, книги, – всё, как в ту
Минуту, день, когда, как птица,
Она вспорхнула в высоту.

Когда ж Нева весною вскрылась
И тело, вмёрзшее меж льдин,
Нашли, когда ему открылось,
Что он воистину один,

Что никогда уж не разует
И не коснется этих губ, –
Не закричал, не обезумел,
А был спокоен Сологуб.

Застыло, как заледенело
Его усталое лицо,
И на руку себе надел он
С любимой снятое кольцо.

Выл в голос ветер, отпевая...
Она, укутанная в шёлк,
В гробу лежала, как живая,
А он за гробом мёртвый шёл.

В своём миру далёком, дивном
Он затаился, тих и мал.
И никуда не выходил он,
И никого не принимал.

Когда ж минуло тридцать суток
Под тяжким бременем потерь,
И, опасаясь за рассудок
Поэта, застучали в дверь,

Увидели: свеча мерцала,
И цифры, цифры – счёту нет...
«А это – дифференциалы», –
Спокойно объяснил поэт.

О, не невротик, не фанатик,
С ума сошедший от тоски,
Поэт – он был же математик,
Ночами заполнял листки

Столбцами цифр, и, торжествуя,
Всё ж вычислил, что он не миф,
Что существует, существует
Тот свет, потусторонний мир!

И стал он появляться в свете,
Приветлив, ровен, как всегда.
Ведь то сам Бог ему ответил:
«Соединюсь ли с нею? – Да!»

Решив важнейшую задачу,
Он снова жил, не видя дней.
И лишь стихи читал иначе,
Чем раньше, чем тогда, при ней...

Она ему являлась в нимбе.
Он ждал у бездны на краю,
Когда же он её обнимет
В раю, снегурочку свою.

Не ведая ни сном, ни духом,
Что знала лишь она сама:
Что в пропасть чёрную шагнула,
Любя другого без ума.

Серебряный век

Серебряный ли? Чёрный, бело-красный,
В потёках крови, брызгах мятежей.
Ужасный век, и всё-таки прекрасный
Божественным безумьем виражей.

Когда идёт игра небес слепая –
Стихи, как тучи, мчатся чередой,
И серебро отделки отступает
Пред чёрною народною бедой.

Россия, Русь, невытая Расея,
Твои поэты гибнут, но с тобой.
Ахматова, Есенин, Ходасевич –
Все сцеплены единою судьбой.

От их печалей помутились дали.
На крик в пустыне Бог молчал в ответ.
Но лишь такие драмы порождали
Великую поэзию на свет.

Блок

«Ночь, улица, фонарь, аптека»
Всю жизнь тоску внушали веку.
Но каждый век, сроднившись с ней,
Был предыдущего страшней.

«О, было б ведомо живущим
Про мрак и холод дней грядущих», –
Писал нам Блок, ещё не зная,
Как он до ужаса был прав.

Насколько мрак грядущей бездны
«Перекромешнит» век железный.
Метафизический мейнстрим –
Страшилка детская пред ним.

Аптеки обернулись в морги
И виселицей стал фонарь.
И не помог Святой Георгий,
Не спас страну от пуль и нар.

О, если б только знал поэт,
Когда писал свой стих тоскливый,
Что через пять начнётся лет –
То показалась бы счастливой

Ему та питерская ночь,
Фонарь – волшебным, а аптека
Одна могла б ему помочь
Смертельной морфия утехой.

Никто не знает, отчего
Скончался Блок... И вдруг пронзило:
Не от удушья своего
И не от музыки вполсилы,

Он вдруг при свете фонаря
Увидел будущее наше,
Все жизни, сгинувшие зря,
Заваренную веком кашу

И ужаснулся этой доле:
Кромешный мрак, и в нём – ни зги.
Он умер в этот миг от боли.
Он от прозрения погиб.

Письмо Елизаветы Кузьминой- Каравановой Блоку

Любимый, любимый, Вы мой,
Тоски и случайности крепче.
В разлуке, в печали немой –
Всегда со мной чудо той встречи.

Когда я в спасенье от зла,
От осени, мрака, обмана
Отчаянно к Вам ворвалась
Из уличного тумана.

Негромкие Ваши слова.
До полночи свет незажжённый...
И было душе горевать
Так радостно и обнажённо.

Я стала в тот вечер сильней,
Почувствовав зябнувшей кожей,
Что Вам тяжелее, чем мне,
Бессмысленнее и горше.

Не муж, не жених и не друг...
Но жизнь по спирали вращалась.
Кончался обыденный круг –
И снова я к Вам возвращалась.

Порою любовью к другим
Из сердца пыталась Вас выместить,
Но всё исчезало, как дым,
Поскольку воистину Вы есть.

В плену суеты и молвы
Мне мнится всё чаще и слаще, –
На целой земле только Вы –
Единственный и настоящий.

Я нежность к Вам в сердце ношу,
К Архангелу, Богу, Поэту.
Я Вам без надежды пишу –
Ну, как на другую планету.

Сейчас в Наугейме цветы
Зажглись на каштанах, как свечи.
Со мною лишь сны и мечты
О нашей единственной встрече.

Здесь лебеди средь островов
И замков задумчивых шпили.
Я шлю Вам привет от всего,
Что здесь Вы когда-то любили.

Я сердце в конверте Вам шлю:
Возьмите взаимы мою душу.
О, не для себя я люблю.
Я знаю, что Вам это нужно.

А не захотите понять, –
Не встретив ответные руки,
Смогу пустоту лишь обнять, –
Знать, мало отмерено муки,

И многие круги пройти
Ещё предстоит мне до смерти
На этом тернистом пути,
В его грозовой круговерти.

Предчувствуя смерч огневой,
Я пальцы ломаю до хруста.
По руслу стези роковой
Дойду я до Вашего русла.

Пусть ясно сейчас мне одной,
Что путь этот тяжек, но светел.
Господь Вас храни, мой родной.

Он ей ничего не ответил.

Хлебников

Безумец, мечтатель, задира,
Бродяга, презревший уют.
И стать председателем мира
Ему не составило труд.

Природная магия речи
И вечные числа планет...
Он был всех поэтов предтечей,
Нет, больше того – сверхпоэт!

Смотрел на себя, как на небо,
Где звёзды всходили в душе.
Был тем, кем никто ещё не был
И больше не будет уже.

Мечтал он, что в солнечном свете
Утопит вражду и беду.
Его смелых замыслов дети
Рождались в блаженном бреду.

Мечтал о коммуне подлунной, –
Колумб, реформатор, бунтарь!
Играл на алфавитных струнах,
Слагая вселенский словарь.

Галактики чужа величье
И чувствуя времени пульс,
Он создал язык этот птичий,
Вне быта и жизненных польз.

И верило мудрое сердце
До самого края пути:
Поэзия – только лишь средство,
Чтоб истину обрести.

Но верен был ей, а не прозе.
Ну кто так сказал бы другой:
«О Русь, поцелуй на морозе!»
«Свобода приходит нагой...»

Коктебель Волошина

Край синих гор зовётся Коктебель.
Небесный взор. Морская колыбель.
Ламанча снов печального гидальго.
Здесь всё хранит недавние следы:
Скалистый профиль, абрис бороды,
Ступнями отшлифованная галька.

Сюда пристал когда-то Одиссей.
Здесь Ариадной был спасён Тезей.
О Киммерия, древняя Эллада!
Здесь аргонавты завершали путь,
Здесь амазонки выжигали грудь,
Орфей спускался в филиалы ада.

«А вдруг он в самом деле Божество?
Пан здешних мест? Природы торжество?» –
В смятенье детском думала Марина.
И, кажется, доносят нам ветра
Суровый голос мужественной Пра,
За мирный нрав отчитывавшей сына.

Не мог ни на кого поднять руки,
Но жил законам века вопреки,
Всеми тому, что совести противно.
Глядятся в душу, трепетно тихи,
Картины, как безмолвные стихи,
Стихи, как говорящие картины.

Черубина

Лицом бледна, нехороша.
Лилит. Испанская инфанта.
В мечтах и снах её душа,
В слезах погибшего таланта.

Был скромн быт её дневной,
Но в этой хромоножке школьной
Жил дар нескромный, неземной,
Толкнувший на обман прикольный.

Не знал продвинутый журнал,
Что титул, с гордостью носимый,
Лишь имя чёрта означал,
Кусок морёной древесины.

Частица чёрта в ней была,
Когда, как папоротник ночью,
В свой час единственный цвела
Так обморочно и порочно...

Ты стала феею стихов,
Легендой петербургских залов,
Но пряным облачком духов
От рук их алчных ускользала.

И демонический твой смех
Сводил с ума аристократов.
Ты знала дьявольский успех!
Но как он был до боли краток...

Твой рыцарь, Сирано, гуру
Не внял смертельности забавы.
Отравой горькой стало вдруг –
Что начиналось гордой славой.

Молва одёрнула: «Очнись!» –
И этим окликом убила,
С высокой башни сбросив вниз...
О Черубина! Черубина!..

Вот так и я, сквозь снов туман,
В погоне за нездешним раем,
Высокий пестуя обман,
Бреду сомнамбулой по краю.

Не окликай своей судьбы.
От правды – никакого толку.
Итог – расквашенные лбы.
И только!

Бальмонт

Поэзия, в общем, не лучшая,
Но в ней оживала весна.
В наивные эти созвучия
Россия была влюблена.

В губерниях с грубыми вкусами,
В салонах, где тёрся бомонд, –
Повсюду звучало, как музыка,
Волшебное слово «Бальмонт».

Он жил, околдованный рифмами,
Божественной тайной влеком,
И с жизнью, усеянной рифами,
Казалось, совсем не знаком.

Все деньги считал он «монетою»,
До цифр не снисходя.
Фиалок красой фиолетовой
Забрасывал серость дождя.

Взволнованный отблеском месяца,
Ловил его в волнах реки.
Казалось, что нимб над ним светится,
Всему, что вокруг, вопреки!

Свободу любил и безумие,
Судьбы своей подвиг вершил.
Любой показался бы мумией
Пред факелом этой души.

Он умер в заброшенной клинике.
От губ отлетели стихи.
И капали слёзы у клирика,
Когда отпускал он грехи.

Сегодня такие не в моде, но
Я знаю сейчас хорошо,
Что сызнова влюбится родина
В поэта с весенней душой.

Андрей Белый

1

Белым облаком снега и пуха
Он летал и светился во мгле,
Небывалым событием духа
Объявившись на этой земле.

Ясновидец, пророк, одиночка...
Полуангел? Дитя? Божество?
Был он весь невпопад и не в точку,
Не жилец, не от мира сего.

Не любили, травили, морили...
Но сметала преграды, круша,
Обменявшая корни на крылья,
Обретавшая небо душа.

2

Глаза – цвета голубя и серебра –
Светились улыбкой и лаской,
Но чудилась там, в середине нутра,
Какая-то корча и пляска.

Взлетали под замысловатые па
Сюртучные фалды и руки,
Но в кончиках губ, где змеилась судьба,
Таилась мелодия муки.

Был больше легенд и написанных книг,
Был выше всей блажи и чуши.
Замученный ангел, очнись хоть на миг,
Спаси наши грешные души.

3

Испепелённое лицо.
Дымятся волосы над бровью.
Взгляд по-осеннему свинцов.
Улыбки бледное бескровье.

Был весь, как оголённый сад...
Но в нём, взамен бывшего пыла,
До-человеческое, над,
Сверх-человеческое было.

4

Баловень, фантаст, капризник.
Усмехались: шут, чудак...
А теперь на горькой тризне
Поминаем каждый шаг.

В белом облаке печали
Неземной улыбки свет.
Растворился в дымке дали –
Только мы его видали ! –
Твой жемчужный, вьюжный след...

5

Серебряный мой голубь, альбатрос,
В каких просторах, высях и пучинах
Тебя носило, в эмпиреях грёз,
Отсюда никому не различимых,

По океану собственного я,
И берега не видя, где причалить,
Захлебываясь в бездне бытия,
В мелодиях малиновой печали...

Я верю, ты не умер, ты живой.
Сияешь миру золотом в лазури.
Когда-нибудь из дымки грозовой
Ты мне ответишь отголоском бури.

Кузмин

Певец Петербургской богемы.
(А в детстве – в Саратове жил).
Какие романсы, поэмы,
Какие он песни сложил!

Тусовки «Бродячей собаки»,
Их чадный подвальный уют...
Тут были тужурки и фраки,
Кого только не было тут!

Но лишь заводил он рулады –
Стихали и споры, и гам.
И не отпускали с эстрады,
И розы летели к ногам.

Бесстрастному Богу не внемля,
О сердце шептал его стих.
Любил он и небо, и землю
Сильнее, чем песни о них.

Эротика, поиск экстаза,
Флиртов будуарный угар...
И дух ядовитых миазмов
Витал в петербургских кругах.

Бывали сюжеты покруче...
Шли опыты среди мужчин
Иных человеческих созвучий
И новых духовных общин.

С лицом молодого сатира,
Был падок на дьявольский глас.
Казалось, вся пагуба мира
Глядела из бездн его глаз.

Но там, за личиной, за маской,
Пустой шелухой греха
Таилась наивная сказка
И сладкая нега стиха.

Сменяются веши и веси,
Но это осталось в крови:
«Александрйские песни»,
«Вожатый», «Куранты любви».

Мандельштам

Его стихи росли из снов,
И обертоны слов невнятных
Крушили азбуку основ
И отдавали нотой мятной.

«Немного красного вина...»
Пью по глоточку и хмелею.
И повторяю имена:
«Россия, Лета, Лорелея...»

Взрывоопасен Пастернак,
Прекрасен Блок и Фет всеилен,
Им благоволил Божий знак,
Их совершенство без извилин.

Но тот – наивный и смешной,
Не с своего плеча одетый,
С нелепо вздетой головой, –
Карикатура на поэта,

Он был сластёной из сластён,
И недотёпой, и растяпой,
Он был бродягой, как Вийон,
И легкомысленным, как Чаплин.

Кололи глаз его грехи
И смех ребячий без причины.
Монументальные стихи
Им сочинялись не по чину.

Неволей пуще всех охот
Текли они струёй из крана,
И воспалённый их бормот
Звучал, как музыка органа.

Ему так страшно было жить.
Он был пугливым, точно серна.
Хотел губами ворожить,
Мечтал согреться спичкой серной.

Как птичка с горлом золотым,
Сгорал в неугасимом жаре.
Он с веком волчьим был на ты,
Он заглянул в зрачки державе.

Тебе ли этот мой упрёк,
Певец замученный и милый,
Что жизнь свою не уберёг,
Спасая душу от могилы?

Промчались годы, отрубя.
Нагрязнул рынок мелочёвый.
И знают в основном тебя
Увы, по песням Пугачёвой.

И век не тот, и жизнь не та,
Но мир не сделался добрее.
Кругом паучья глухота
И власть, как руки брадобрея.

Соперницы

Их звали Марина и Анна.
Теперь они обе в раю.
Уж сколько им пели осанну!
И я им ещё пропою.

Их сравнивать неплодотворно,
Как сравнивать лаву в огне
С разреженным воздухом горным,
Что равновелико вполне.

Мне дорог до боли сердечной
Маринин кровавый восторг
И – тайна ахматовской речи,
Гармония камерных строк.

Храня старины отпечаток,
Вписалась одна в антураж
Вуалей, мехов и перчаток
И прочий салонный пейзаж.

Другая – кабацкой царицей
Взошла по ступеням голгоф,
Себе воздавая сторицей
Исторгнутым золотом строф.

У них не случилось союза.
Судьба их мосты развела.
Ахматовой строгая Муза
Безмерности не приняла.

Была ли здесь чуточку ревность,
Надменность дворянских кровей?
Она ведь была королевой,
А разве их может быть две?

Соперницы... Но ненароком
Вражду побеждало родство. –
Служители богу Эроту
И сестры великой Сафо!

Две Музы, огня и печали,
И обе волнуют нам кровь.
Как две стороны той медали,
Что жизнь выдаёт за любовь.

Пастернак не заехал к родителям.
Тщетно ждали они в тоске.
Лет двенадцать его не видели.
Так и умерли вдалеке.

«Здесь предел моего разумения», –
От Марины дошла хула.
А сама-то в каком затмении
Дочь на смерть свою обрекла?

Гёте не попрощался с матерью –
Душу «Фаусту» берегал.
Бродский сына оставил маленьким,
Устремясь к другим берегам.

Вы – особые, вы – отмечены.
Что вам дружество и родство?
Как же в этом нечеловеческом
Уживается божество?

Классик щёлкнет цитатой по носу:
– Мал и мерзок не так, как мы.
Вы – стихия, вы выше кодексов,
Выше совести и молвы.

Что мы смыслим с моралью куцею,
Именуемые толпой?
Что поэту все конституции,
Коль – запой или вечный бой?

Не стреножит поэта заповедь,
Он – в полёте, певец, чудак...
Только что-то меня царапает.
Что-то в этом во всём не так...

Франсуа Вийон

Кривился королевский двор:
Оборван, несуразен, страшен.
Поэт – бандит, мошенник, вор...
Как близок он эпохе нашей!

Как был бы он сейчас подстать
Её борделям и притонам.
Хоть вряд ли будут там читать
Молитву Франсуа Вийона...

Среди чумных пиров и тризн –
Нет лучше дружеской пирушки,
А жизнь – игра, где ставка – жизнь,
Не стоящая ни полушки.

Не об идиллии мечтал –
О сытой жизни средь достатка.
И соловью предпочитал
Зажаренную куропатку.

От жажды не спасал ручей,
А в голод, как ни резонёрствуй –
Не погнушаешься ничем –
Ни шулерством, ни сутенёрством.

Утешась с толстою Марго,
Блеснул сатирой на прощанье.
Как он мочил своих врагов
В том знаменитом «Завещанье»!

Дарил подштанники одним,
Другому – тумачи и розги,
Всем, всем, кем в жизни был гоним,
Сполна он по заслугам роздал!

За оскорблений кипяток,
За униженья – будут знать их!
О мечь голодных животов
Придворной челяди и знати!

Его притягивало дно.
Подонки общества – не сливки,
Но брали всё, что не дано,
Тем, что не робки и не хлипки.

И, душу грешную презрев,
Он шёл за суетным и бранным.
Манил его богатства блеф,
Как сладкогласая сирена.

И вот – тюрьма в Мён-сюр-Луар.
Он – жалкий узник подземелья,
И в страхе ждёт небесных кар.
Какое горькое похмелье!

Клянёт судьбу, звезду Сатурн...
Не плачь, школяр, смиришь с судьбою.
За всё, что выстрадано тут,
Оправдан будешь там Судьёю.

Там ты напьёшься у ручья,
Наешься каплунов и уток,
Там ждёт тебя Катрин твоя,
Придворный мир внимает, чуток...

Орфей, разбойник-соловей,
Никто для Господа не лишний.
Молитву матери твоей
Услышал всё-таки Всевышний.

Забавник, клоун, шалопай,
На все готов за грошик медный,
Но – как он там ни поступай –
Вошёл в историю, в легенду.

Он всех просил его простить.
И, поминая время оно,
Прошу вас строго не судить
Беднягу доброго Вийона.

Я за помин его души
Неспешно и благоговейно
Сегодня пригублю в тиши
Глоток французского глинтвейна.

Когда обидам несть числа,
Когда тоскливо и бессонно –
Пусть очищает нас от зла
Молитва Франсуа Вийона.

Артюр Рембо

Родился в захолустном Шарлевиле.
Был в преисподней. Выходил в астрал.
Его боготворили и хулили.
Артюр Рембо. Бунтарь. Оригинал.

Как ненавидел он свою обитель,
Лелея с детства ярое «долой»!
«Он будет гений, – прорицал учитель, –
Да вот не знаю, добрый или злой».

В молитвах и трудах не видя прока,
Поэзии грядущая звезда
Предался вакханалии порока,
Наивность тела рано обуздав.

Долой гнильё, рутину, дряхлость плоти!
Эпоха сдохла. Затхлый век смердит.
Корабль взмыл в дрейфующем полёте.
Он обречён. Он должен победить!

Свою погибель возлюбив, как Бога,
Презрев огни прибрежных маяков,
Летел в знамёнах гнева и восторга,
Куда хотел, теченьями влеком.

Неандерталец с голубиным взглядом,
В котором отражались небеса.
О, лишь у тех, кто видел пламя ада,
Бывают так невинны голоса!

Как рассказать историю паденья
И забытья, алхимию словес,
Ночные фантастические бденья,
Трагедию несбывшихся чудес?..

Сполна оплачен Люциферов вексель.
Проиграно жестокое пари.
В глухой пустыне, в эфиопском пекле
Ты к каторге себя приговорил.

Неприручённым и непримиренным
Ушёл, ни мир, ни Бога не простив.
Где был корабль – плывут по морю брёвна...
О, как же сам себе ты отомстил!

Борис Поплавский

В любой среде казался чужестранцем он,
Сошедшим со страниц Эдгара По, –
Поэт Руси из царства эмигрантского
С прививкою Верлена и Рембо.

Стихи являлись в вещих снах не раз ему,
Они росли как волны и трава –
Не подотчётны логике и разуму,
Вернувшиеся в музыку слова.

Он знал, что мир оправдан только музыкой –
Мерилом всех поступков и утех.
Она была наградой и обузой,
Преградою того, чем был успех.

Высокое его косноязычие
Творило пир печали и тщеты:
Ничтожества античное величие,
Поэзию роскошной нищеты.

Росинкой мака сыт был, с неба манною –
Бродяга, шантрапа, опиоман...
Надтреснутой мелодией шарманочной
Сочился в мир стихов его дурман.

Он несся в ночь планетой беззаконною,
Сжигая за собою все мосты,
Сходя с ума в пространство законное
От скорости, свободы, пустоты.

Фантазия бредовою заразою
Язвила мозг. Он ею был ведом,
Рождая Аполлонов Безобразовых
И черных ослепительных мадонн.

Сквозь снежный сумрак мне мёрцала тень его,
Кларнета пение, лиловый дым...
Как это полагается у гениев,
Он умер своевольно молодым.

В двадцатом он ушёл за море с Врангелем,
А в тридцать два – шагнул в ночную тьму...
Мир флагов, снега, дев, матросов, ангелов
Навек замолк. Но вопреки всему

Мелодией, вобравшей всю истерику
Души, преодолев её предел,
Домой с небес к единственному берегу
Он через смерть и время долетел.

Забытым поэтам

Обречённые на забвение,
Обручённые с мукой сладкой...
Неподвластные духу тления,
Реют чудные их мгновения
На ветру неземных галактик.

Пред божественной их нирваною
По-школярски немеют вузы.
Страны спрятанные и странные...
Пятна белые? Раны рваные
На живом ещё теле Музы!

Я снимаю бинты кровавые,
Обнажаю рубцы и шрамы.
Я из Леты слова вылавливаю,
Чтоб воздать долгожданной славою
Всем героям великой драмы.

Мария Шкапская

Как писала Мария Шкапская!
И откуда взялось такое?!
Что-то плотское, чисто бабское,
Изболевшееся, людское...

Не была ты счастливой женщиной.
С детства мыкалась, стиснув зубы.
Дома – полная достоевщина:
Мать – недвижна, отец – безумен.

Не страшась никакого жупела –
Ни помоек, ни катафалка, –
В сумасшедших домах дежурила,
Собирала тряпье на свалках.

И в словесность влилась бездонную
Не каким-то путём окольным –
На кресте распятой мадонною,
Со своею тоской и болью.

Ты писала о детских саванах,
Колыбельках пустых, абортах,
Но такими словами кровавыми –
Как Господь не восстал из мёртвых?!

Всех грехов земным искуплением
Как измучено твоё сердце!
И в гробу с паровым отоплением
Нипочём ему не согреться.

Нелюбимая, одинокая,
Задохнулась в беззвучном крике –
Так нелепо – на съезде кинологов,
Созывая собак на ринге...

Не боюсь о стихи пораниться.
Чем горчее строка – тем слаще.
«Я в поэзии только странница.
И поэт я – ненастоящий». –

Так писала Мария Шкапская,
Но не ведала своей силы.
Вот читаю – и слёзы капают.
А душа говорит: спасибо.

Леонид Губанов

Не печатали поэта, не печатали.
Он оставлен был России на потом.
Словно шапку в рукава – в психушки прятали,
И ловил он, задыхаясь, воздух ртом.

Только в пику всем тычкам и поношениям,
Козням идеологических мудил,
Жизнь брожением была, самосожжением.
Он на сцену, как на плаху, выходил.

Кровь бурлила и шальное сердце бухало,
И, казалось, наливало ему сам Бог.
Был он братом и по крови, и по духу им –
Всем великим собутыльникам эпох.

Нет, недаром, видно, так пытал-испытывал
И отметил щедрой метою Господь.
Недостаточность сердечная? Избыточность!
Не вмещалось это сердце в эту плоть.

И, пройдя его, слова сияли заново,
И срывали с уст молчания печать.
Невозможно их читать – стихи Губанова.
Ими можно лишь молиться и кричать.

Бродский

Оставил в Питере её подмену,
Двойницу, стареющую средь мужчин,
А с собой увёз, что была неизменно
Весела, глумлива и без морщин.

Был путь его прям, от победы к победе,
И только где-то внутри продрог.
От себя ну куда же, куда уедешь?
Нету, нету таких дорог.

А если и есть, то в седло, поверьте,
За всадником сядет его краса.
И так скакать им до самой смерти,
У которой будут её глаза.

Сергей Чудаков

Алкаш, библиотечный вор,
Мошенник – поискать по свету,
Наркоделец и сутенёр,
Но был он гением при этом.

И хоть прошёл за кругом круг
Этапы жизни самой скотской, –
Его воспел великий друг
И антипод Иосиф Бродский.

Знарок культуры мировой,
Тусовок светских завсегдатай...
Но не осталось от него
Ни фото, ни последней даты.

Один литературовед
Собрал, что было, по крупичкам:
Пивнушка... в ёлочках паркет...
Тюрьма... психушка... царство шприца...

Его бесцветное пальто,
Плывущее куда-то в Лету...
Его стихов не знал никто.
И всё-таки он был поэтом!

Не положительный герой?
Капризна Муза, как и слава.
В её избранниках порой
Не Иисусы, а Вараввы.

Она не отвергает дно,
Не презирает низких истин
И всё прощает за одно:
Талант, когда он бескорыстен.

Поэт и воля – заодно,
Пути их неисповедимы.
Однажды сиганул в окно
Аж со скамейки подсудимых!

Ищи-свищи, куда исчез,
Какая приютила хата...
А через годы этот бес
Всплывает педагогом МХАТа!

Ловчил, обманывал судьбу,
Но всё ж конец изведал горький:
Не похоронен был в гробу,
А растворили на помойке.

Читаю Чудакова я
И строк постыдных не смываю...
Теперь лишь Бог ему судья.
Литература мировая.

Смотрела вечер Евтушенко.
Порою ком стоял от слёз.
Нет, не понять мне отношенья
Газет и желчи их желёз,

Которой пишут о поэте,
Не стоя и его ногтя.
Ну что дались вам кофты эти!
Он любит праздник, он дитя.

Как вы кипите жаждой мщенья!
Как ненавидите успех!
Ведь он – живое воплощенье
Поэзии, живой для всех.

Неужто строки не задели,
Вам не открывши ни аза?
Откройте книгу, в самом деле,
Разуйте души и глаза!

А если что-то в строчке плохо
С той или с этой стороны,
Поймите, он – уже эпоха,
Он – часть истории страны.

Любовь народа вам – обида,
Она вам – как команда «фас!»
Ума и сердца инвалиды,
Ей-богу, я жалею вас.

И слёз своих, души озноба,
Всего, что не стереть годам,
Писаке, критикану, снобу
Я не отдам.

Владимир Соколов

Какое блаженство читать Соколова!
Мне кажется, я поняла, как никто,
Что слово бывает светло и лилово,
Что в юности дождиком пахнет пальто.

То в жар погружаясь, то в холод знобящий,
Смакую божественных строчек нектар
О том, что пластинка должна быть хрипящей,
Что школ никаких – только совесть и дар...

Всё лучшее в мире даётся нам даром,
И мы принимаем бездумно, шутя,
И утро с его золотистым пожаром,
И листья, что, словно утраты, летят.

В волнении пальцы ломая до хруста,
Я буду читать до утра, обомлев.
Забуду ль когда твоих девочек русых
И в ботиках снежных твоих королев?

И снова, как в детстве, обману поверю,
Ещё ожидая чего-то в судьбе.
Ты Моцарт, маэстро, а я твой Сальери,
Который отравлен любовью к тебе!

В сиренях твоих и акациях мокну,
С отчаяньем слушаю плач соловьев,
И жизни чужие, как бабочки в окна,
Стучатся и ломятся в сердце моё.

Тебе не пристало величье мессии,
Ты просто поэт, и не скажешь полней.
Я знаю, что всё у тебя – о России,
Но каждая строчка твоя – обо мне.

И это родство всё горчее и глубже,
Как звук разорвавшейся в сердце струны.
Мне дорого, как ты застенчиво любишь,
И в этой любви мы с тобою равны.

Опять приниматься бумагу маракать,
С ночью звездой говорить до зари...
Когда заблужусь, потеряюсь во мраке –
Я строки беру твои в поводыри.

Какое блаженство читать Соколова!
Как с ним вечера и рассветы тихи.
Как сладостна власть оголённого слова...
Неужто же всё это – только стихи?!

Александр Кушнеру

Пишу в смятенье безотчётном,
В пространство, в воздух законный,
Не удержавшись от полёта
За Вами ласточкой с балкона.

Не знаю, где письмо отыщет –
В подпольном вашем комитете,
Там, где ветра Олимпа свишут,
На этом ли, на том ли свете?

О Муз небесных мафиози,
Мне Ваши песни стали сниться.
Пишу, дрожа, как на морозе –
Сообщница и ученица.

От строчек – аромат лаванды...
Я ими брежу, как Кассандра.
Ношу в себе, как контрабанду,
Евангелие от Александра.

Казалось, с жизнью безутешной
Душа и радость разминулась,
Во мраке канула надежда,
Но Вас прочла – и жизнь вернулась.

Ночная музыка звучала,
Дневные сны смежили око.
Я на Письмо Вам отвечала
Прямую речью биотоков.

Прошу Вас вглядываться зорче,
Нас различать поодиночке,
Пусть даже почерк неразборчив,
И вместо строчек – только точки.

Певец уюта и покоя,
И дома, что завис над бездной...
Я знаю, что это такое,
Когда кричишь в ночи беззвездной.

Прощенья нет и пониманья,
Колючей боли не измерить,
Но есть во мраке мирозданья
Душа, которой можно верить.

Как удаётся быть при этом
Так упоительно домашним,
В графине видеть чудо света,
Следить за молоком сбежавшим;

Добравшись добела, до сути –
С тарелки отмывать цветочек,
И так, очистив мир от мути,
Жить всласть, талантливо и сочно?

Быть классиком, гранитом, бюстом...
К чему вещественная вечность,
Когда стихи так безыскусны,
Добры, мудры и человечны?

В них падаю и пропадаю,
И оторвать не в силах взора,
Нутром и сутью совпадаю
Без щёлочки и без зазора.

Они воистину нетленны.
Я заклинаю Вас – поверьте –
Звездой сумрачной, вселенной,
Зимой обещанным бессмертьем –

Пока летает в небе птица
И вертится земля покуда –
Мне сниться будет и светиться
Стихами названное чудо.

Пусть крылья бабочка сложила,
Тая меж них рисунок неба,
Была б она, души пожива
Жива... А большего – не требуй.

Существование размыто,
И ненадёжно, и безгласно,
Но жизни формула добыта,
И всё-таки она прекрасна!

«Стихи – архаика...» Быть может.
Но даже если в Лету канут, –
Объятый дрожью иглокожей,
Со дна их кто-нибудь достанет.

Пусть даже будут в мире этом
Царить духовные калеки –
Поэт останется поэтом,
Горя, сходя во тьму, вовеки.

2000

*Здесь до тебя я был,
Я плакал в коридоре...
А.Кушнер*

Здесь до меня он был, он плакал в коридоре.
Мне музыка и боль души его слышна.
И, кажется, на треть укоротилось горе.
Ура, не я одна! Ура, не я одна!

Здесь до меня он был. И до сих пор он возле.
И лишь его тоской земля напоена.
Но что же мне сказать тому, кто будет после?
Увы, не я одна. Увы, не я одна...

Марина Цветаева
и ее адресаты
поэма

Ты была буревестной и горевестной,
Обезуме-безудержной и неуместной.
Твои песни и плачи росли не из сора –
Из вселенского хаоса, моря, простора!

В эмпиреях парящей, палящей, природной,
Просторечьем речей – плоть от плоти народной,
Ты в отечестве, не признававшем пророка,
Обитала отшельницей, подданной рока.

Ты писала отчаянно и бесполезно
По любимому адресу: в прорву и бездну.
Я люблю твою душу, души в ней не чаю.
Я сквозь годы сквозь слёзы тебе отвечаю.

Певческим горлом, речью без пауз
Через тебя разговаривал хаос.
Пеной морской первозданно дыша,
Музыкой слова рождалась душа.

Жизнь разыграла свою как по нотам,
Тяготам вверясь её и темнотам.
Княжеством слова и царствием снов
Ты овладела до самых основ.

Люди судили с своей колокольни,
Не понимая, как тебе больно.
Ты же была на высокой своей,
Там наполняясь вселенною всей.

Равенство дара души и глагола.
Всё на виду – беззащитно и голо.
Радость – сверх меры, мучение – всласть.
Не виновата – такой родилась!

Некомфортабельна, бескомпромиссна,
Ты – воплощение высшего смысла.
Божий ребёнок в мире людей,
В мире, какого не знали лютей.

Любила всей собою,
Ласкаясь, как река,
Как яростное море
Объемлет берега.

Но камню поцелуи –
Что мёртвому – интим.
Исход был неминуем.
Финал неотвратим.

Остынув и отхлынув,
Ты оставляла пляж,
Холодный и пустынный,
Бездушный, как муляж.

Товар души не пользовался спросом.
Зверь убегал от щедрого ловца.
Сердечный жар встречаем был морозом,
И домом были лбы, а не сердца.

Но, не страшась облома и курьёза,
Любила наобум и напролом.
Того, кто предпочёл бы ей берёзу –
Не встретила, не обняла крылом.

Ей нравились чёрт и волк,
Эола крутые вихри.
Хоть кудри вились, как шёлк,
Но глаз был пантерин, тигрин.

На бой вызывала зло,
Бравировала грехами.
Когда в любви не везло –
Отыгрывалась стихами.

Из небытия, из небыли
Творила она людей.
Те в жизни такими не были.
Что им до её затей?

Лавиной своей безмерности
Она их сметала в прах.
Попытки любви и ревности
Устало терпели крах.

Земного бы ей уклада бы,
Чем так высоко парить...
Но пуще неволи надоба –
Раздать себя, раздарить.
Чтоб снова волной запениться
О чей-то гранит колен
И вспыхивать птицей Фениксом,
Навек побеждая тлен.

Она была приметой века,
Безмерней всех его мерил.
Бог по ошибке человеком
Её однажды сотворил.
Сродни стихиям и лавинам,
Творя свой ад, растя свой сад,
Всё дальше, всё непоправимей
Переселялась в небеса.
Ей расстоянья – не преграды.
Она любила вопреки.
Ей письма заменяли взгляды,
Прикосновения руки.
Ни женской хитрости, ни шарма –
Богиням это ни к чему.
Она не отмеряла шага,
Летя над пропастью во тьму.
И в никуда из ниоткуда
Летела, возрождаясь вновь,
Её заоблачное чудо –
Её заочная любовь.
Идиллии не выносила.
Рвалась из жизни, как из жил.
Какая неземная сила,
Какой ей демон ворожил?
Непознаваемое Канта,
Бескрайней неба и морей...
Петрарка меркнет, блёкнет Данте
Пред этим пиром эмпирей.
Палящих губ и рук касанья
Ей заменяло, грея кровь,
Души полярное сиянье –
Эпистолярная любовь.

Любовь её – не то, что вхоже
В такой-то дом в такой-то час,
А выхождение из кожи,
Что рвётся, корчась и лучась.

Рука от нежности избытка
Не в силах удержать перо.
И длится сладостная пытка,
И приближается к зеро...

Петр Эфрон

Морщинки смеха возле длинных глаз,
Высокий лоб и щёк сухая впалость.
Какая нежность в сердце разлилась!
Любовь была синоним слова «жалость».

Она не изменяла, не лгала –
Волной тепла и света накрывала.
Пусть «Пётр» – это «камень» и «скала», –
Она нежнее имени не знала.

Любила безгранично, всей собой,
Одной любовью – музыку, берёзу,
Стихи и вечер дымно-голубой,
И мужа, и свои ночные грёзы.

Пришли неповторимые слова.
Он первым был, кого поцеловала
После Сергея... И была права
Всей правотой безудержного шквала.

Она могла, она умела сметь,
Всю душу отдавая на закланье.
Любовь её не победила смерть,
И это было первое посланье,

Познавшее великую тщету –
Письмо в пространство, в вечность, в пустоту.

Осип Мандельштам

Державные, воспитанные строфы
Не сочетались с обликом певца,
Не знавшего ещё своей голгофы,
Весёлого враля и гордеца.

Заносчивый, беспечный лебедёнок
С ресницами густыми в полщечи,
Вниманием красавиц обойдённый.
Она в огонь швыряет сердце: жги!

И мечется оно, как детский мячик,
Чтобы судьба им наигралась властью.
«Божественный десятилетний мальчик»
Узнал впервые, что такое страсть.

О, как она парила окрылённо,
Дарила всё, что встретит на пути.
Лукавый отрок, серафим, орлёнок...
И, клетку сердца распахнув, – лети!

Александр Блок

А встречи не было. Биографы не числят
Её в ряду цветаевских потерь.
Но не в земном, не в ординарном смысле
Она была, и даже есть теперь.

Её обычным не увидеть зреньем.
Над бездной лет протянуты мосты.
Она в ином, четвёртом измеренье,
Где область чувств находится шестых.

Орфей, сын Бога, существо из мифа,
Бесплотный призрак, снеговой певец,
Не признанный в грязи погрязшим миром,
В страданиях затихший наконец.

В полёт ушедший ангел, небожитель,
На запад солнца устремив крыла.
Не смерть – его природная обитель –
Жизнь на земле случайностью была.

Не потянулась вслед ему руками
И не сошлась рука с его рукой.
«А если б встретились – он не за облаками,
А был бы здесь», – промолвила с тоской.

Мели над миром синие метели,
Капели пробуждали ото сна.
Ах, если б знать, в какой он колыбели
Сейчас лежит, ах, если б только знать...

Никодим Плуцер-Сарна

«Даниил», «Фортуна», «Казанова» –
Все они навеяны одним.
Узколицый, смуглый, чернобровый.
Плуцер-Сарна, имя – Никодим.

Чем же вдохновил, каким обманом
Тот авантюрист и супермен
На «Любви старинные туманы»,
«Дон-Жуана», бурную «Кармен»?

Запах, запах смуглой той сигары...
Ночь Монако виделась ей в нём.
Роскошь страсти, каторжная кара
И окно бессонное с огнём.

«Лишь ему под силу было это, –
Вспоминала, голову клоня, –
Полюбить не женщину, – поэта,
Вещь такую трудную – меня».

Даже ей, с судьбой степного волка,
Нужно было знать, что всё же был
Кто-то, кто хотя бы ненадолго,
Но по-настоящему любил.

Юрий Завадский

Нечеловечий рост. Красив, как бес.
Всё в нём – особенного сорта.
Святой Антоний, что сошёл с небес,
Чтоб воскрешать людей из мёртвых.

Таким она увидела его
На сцене в пьесе Метерлинка.
Убожество ее и божество.
Неуловимая подлинка

Змеилась в уголках прелестных губ.
Холодноватая улыбка.
Глаза Нарцисса, что влекут и лгут,
Мерцающая призрачно и зыбко.

Комедиант, кутила, лицедей!
Тщеславие и вероломство.
Когда ещё увидишь среди людей
Такого ангельского монстра.

В её стихах ни раньше, ни потом
Весёлости такой не встретить.
Но лёгкая любовь с большим трудом
Давалась ей всегда на свете.

Грешок грошовый, юноша, плейбой!
Смешались в чувстве по призванию
Влюблённость и насмешка над собой,
Презрение и любованье.

Николай Вышеславцев

Николай Вышеславцев. Художник и график.
Широко образован, учён и умён.
Чем таким он Марине душевно потрафил,
Что включён был в созвездие прочих имён?

А ничем. Не его была вовсе заслуга
В том, что билось, томило её и влекло.
Просто страх, что укроет их вечности вьюга,
Что немного – и тело уже отцвело.

Но не счастье ждало, а его лишь личина.
Царь-девице найдётся ли кто-то под стать?
Худосочное жалкое сердце мужчины
Было каменным и не умело летать.

Остывал на костре приготовленный ужин.
Ведь вчера ещё только в глаза ей глядел!
А сегодня косится, и ужин не нужен,
И душе обозначен смертельный предел.

Оскорблённая гордость сердечного пыла.
Защищалась от слов, как ударов в лицо.
И была неподсудна, поскольку любила, –
Значит, чище чернящих её подлецов.

А портрет, что с Марины напишет художник, –
Тяжело на него и тревожно смотреть.
В том лице, искажённом мучительной дрожью,
Одиночество, горе, страданье и смерть.

Евгений Ланн

Казалось, он судьбой ей дан,
Как ангел с мощными крылами.
«Евгений Ланн! Евгений Ланн!» –
Звенело в ней колоколами.

В его чертах дышала страсть.
Он был похож на Паганини.
Полуулыбки злая сладость,
Порывистость летящих линий.

Орлиный нос и жёсткость глаз.
Разлёт волос подобен крыльям.
Вновь в небесах открылся лаз
Благодаря её усильям.

Прообраз Красного Коня,
Мужское воплощенье Музы.
Он реял пламенем огня,
Свободный от земного груза.

И птица Феникс ожила!
Умчит её крылатый Гений
Из мира тяжести и зла
В края воздушных песнопений...

Никто б не мог любить сильней!
Но лишь собой была богата.
На долю доставались ей
Не абсолюты – суррогаты.

В душе, казавшейся родной,
Таилась хитреца и хилость.
Там клетки не было грудной,
Куда б её душа вместилась.

В руке лишь пепел от огня.
С небес на землю возвращенье.
С обложки «Красного Коня»
Она снимает посвященье.

Сергей Волконский

В тёмных прядях – нити седины.
Взгляд очей тяжёлых карь и пристальн.
Олицетворенье старины.
Дон-Кихот. Потомок декабриста.

Княжеское гордое лицо.
В нём она почувствовала сразу
Мудрый мир старейшин и отцов,
Уходящей благородной расы.

О, какой бесценный это клад,
Внешне невещественный, незримый.
«Человеком на высокий лад»
Стал он для восторженной Марины.

Тяжкий грохот Красного Коня,
Ускакавшего по тропам горным,
Вдруг сменился тихим часом дня,
Часом ученичества покорным.

Роскошь душ и пиршество умов.
Слушание жадными ушами.
Переписка трёх его томов –
Сладкий долг, уроки послушанья.

Сколько надо было разгрести,
Отмести всё то, что было лишним
От её неполных тридцати
До его шестидесяти с лишним.

Не сказать, чтоб он её любил,
Но уже сдавался в поединке.
Скверный кофе желудёвый пил,
Сваренный ему на керосинке.

Расстоянье между визави
Одолела силой тяготенья,
Всею безответностью любви
И – добыла в вечное владенье!

Это чувство было без невзгод,
Выше всего женского-мужского.
Ещё долго-долго – целый год –
Не хотелось ей любить другого.

Абрам Вишняк

О прелесть хищника мужского,
Его ленивого броска!
Зевок звериный вместо зова
И флорентийская тоска.

Пустой орех, порожний колос,
Но как обманывает лоск!
И вкрадчивый, как полночь, голос,
И шерсть курчавая волос...

Он был животное, растение.
Стихи любил он, как духи,
Меха... Любовь была постелью
Без всякой книжной чепухи.

Блаженства чашу пил до донца,
Но с жизнью сердца не знаком.
И он тянулся к ней, как к солнцу,
Своим помятым стебельком.

Судьба таким не занозила
Душ ахиллесову мозоль.
Изнеженный, неотразимый,
Не знал он, что такое боль.

Она всего лишь жить пыталась,
Кроила пальцами в крови,
Чтоб выкроить хотя бы малость
Великой низости любви.

Слова-ладони гладят, поят,
Ласкают буквами в строке.
«Мне нужно что-нибудь живое».
Спала с письмом его в руке.

От нежности смежая вежды,
Ночами грезила, не спя.
Но жажда не была надеждой.
Она пила саму себя.

Системы не имев иммунной,
Как в пропасть, падала ничком,
И жилы превращались в струны
Рыдавшей скрипки под смычком.

Ей душно было в той постели.
Хотела вечного душа.
Всё кончилось через неделю –
Ей нечем было с ним дышать.

Александр Бахрах

О, как она ждала письма!
Так приговора ждут,
Пытаясь не сойти с ума
От тиканья минут.

Строки натянута струна
И сердце всё в крови.
Заочность – странная страна,
Страна её любви.

И материнская тоска,
И смута женских чар,
Сойдя с бумажного листка,
Слились в единый жар.

Её любовь – не пут зажим.
Сама себя лепя,
Она для тех, с кем сводит жизнь, –
Лишь повод для себя,

Лишь повод для своей души,
Забытой долгим сном,
Как песня чудная в глуши
О тайном и родном,

Чтоб в раковине красоты
Таить мечту невстреч,
От скверны внешней суеты
Свой жемчуг уберечь.

Идёт волшебная игра.
Она творит свой миф –
Факир блокнота и пера,
На час ночной калиф!

О том, что над, о том, что всклень,
О том, что хочет куст.
Безмерность слов – всего лишь тень
Безмерности тех чувств.

И вот не даль уже, а близь.
В глазах – мерцанье звёзд.
Душа и молодость сошлись,
Двух абсолютов схлест.

Игра – как жизнь, игра – как рок,
Как инобытие.
Но ничего, помимо строк,
Не вышло из неё.

Ушёл тот миг, разоблачась,
Иным огнём гоним.
Был с ним её окончен час.
Осталась вечность с ним.

Константин Родзевич

Виновник обрыва на ноте высокой –
Иная в судьбе её роль.
Тот, прежний, был болью, а этот был только
Желаньем убить эту боль.

Стихов не любил её. Читил Гумилёва.
Бывал на войне и в тюрьме.
Студент-эмигрант, донжуан и гулёна,
А, в общем, себе на уме.

И снова слепая душевная трата,
Блаженная смута в крови.
Он был не вершинным заоблачным братом –
Любовником самой любви.

Простая мужская животная сила.
Не вздох – а ликующий крик.
Впервые земные слова находила,
Открыв средь морей материк.

Впервые открылось ей счастье счастливых,
Вкус хлеба – не пресных мякин.
Из сотен Пьеро – боязливых, слезливых –
Единый – за жизнь – Арлекин!

Письмо – сама жизнь, торжество и сиянье,
Как вызов попам и гробам.
Мираж, лишь на миг обернувшийся явью
И сладко прильнувший к губам.

Вершина любви обрывается в море.
Из клетки отпущен птенец.
Гора – её гордость. И горечь. И горе.
Гора породила Конец.

Рассталась навек, без надежды на встречу.
Расшиблась на полном скаку.
Ей нечем любить и надеяться нечем –
Разбитое сердце в снегу.

Но стиснуты зубы, и веки сухие.
Разбрасывать камни – пора.
Стихи – не нужны, остаются стихии:
Лавины, моря и ветра.

Борис Пастернак

Жажда ангельского, ту-светного.
«Дай мне руку на весь тот свет!»
Вся тоска всего безответного
Этот вымолила ответ.

Всех затмивший живых и умерших,
Он был с нею душевно слит
Всеми помыслами и умыслами,
Как Адам со своей Лилит.

Бог простил бы за эту боль её
Грех беспутства и зло измен.
Дом был долей, а он был волею,
Той, что счастьем дана взамен.

«Изначальные несовместимости –
Жить тобою и жить с тобой».
Пересиливала их мнимостью,
Высшей милостью и волшеббой.

Осыпала, как снегом, стансами.
Целовала чернильный след.
Выколдовывала на станции,
Вызывая душу на свет.

И под всеми косыми ливнями,
Возле всех фонарных столбов –
Её оклик ночами длинными –
Его отклик на этот зов.

Довели до предела – спасу нет –
Одиночество и печаль.
Что ей делать, слепцу и пасынку,
Ночью плачущей без плеча?

Ей, незрячей, его, незримого,
По каким искать городам?
Сердце, посланное Мариною,
По стальным летит проводам.

Своего близнеца отыскивая
Средь штампованных постоянств, –
Страсть неистовая, неизданная,
Выше времени и пространств.

А свиданье висело в воздухе.
В далях таяло: «Где ты, друг?»
На том свете ей будет воздано
За крылатость вздетых рук.

Календарные даты путающая,
Срока ждёт она своего
И оглядывается в будущее
На несбывшегося его.

Райнер Мария Рильке

Старинный замок. Тихий сад.
В горах затерянная местность.
Светилась в голубых глазах
Таинственная неприметность.

Печаль полуприкрытых век.
Звучанье строк подобно флейте.
Кто – ангел? Богочеловек?
Орфей двадцатого столетья?

Их душ глубинное родство
Поэта сразу покорило.
На карте внутренней его
Была отмечена Марина.

Поверх барьеров и помех
О, как ей в грудь к нему хотелось!
Он был единственным из всех,
В котором всё сплелось и спелось.

Он был её живое Там,
Её заоблачное чудо.
И вновь несбыточным мечтам
Слепых надежд даётся ссуда...

Любви ненасытима суть.
Ей вечно платишь неустойку.
Сказать любимому: не «будь
Со мной», а «будь!» – и только.

Глаза в слезах, душа в цвету.
Длитель даль и боль – её призванье.
Свиданье душ «на тем свету»
Без признаков существования.

Ладони никогда уже
Не лягут на земные плечи.
Попытка комнаты в душе –
Предвосхищение невстречи.

В отчаянье во тьму одна
Глядит бессонными очами.
Куда? Зачем? За что?! Стена.
Власть рока. Далее – молчанье.

Растёт и ширится тоска,
Стремясь из тела, как из склепа.
Но из земного тупика
Есть выход: в беспредельность неба.

Пусть не дано им счастье двух,
Но даль всегда встречалась с далью,
Простор – с простором, с духом – дух,
Печаль вселенская – с печалью.

Горит в раю его звезда.
В зрачки светил глаза упёрты.
Но ни на миг она тогда
Его не ощутила мёртвым.

Где жало, смерть, твоё? Любви
Заоблачной сродни заочность.
Её небесный визави
Теперь читал её без почты.

И месяц, тайною томим,
Застыл в пространстве законном,
Как вечный памятник двоим,
Не встретившимся в мире оном.

Любящая, нелюбимая! –
Дышит болью каждый шаг.
То болезнь неизлечимая,
Называется душа.

О блаженство! О проклятие!
Набирала высоту.
Рук раскрыленных объятия
Обнимали пустоту.

В безответном мире, где ни зги,
Ты высоким шла путём.
И серебряные дребезги
С неба сыпались дождём.

И от этой беспросветности,
От безлюбости земли
Устремлялась ты к ту-светности,
Сладко брезжущей вдали.

Доживать – дожёвывать горькую полынь...
Лучше – след ножовый уж, мертвенная стынь.

Нет вопроса вздорного – быть или не быть.
Точит мысль упорная – где бы крюк забить.

Заглянув бестрепетно в прорези зари,
Ты ушла бессмертною, в небо воспарив,

В тишину упавшую строки прохрипя,
Удавить не давшая родине себя.

Страна её убивала.
Затягивала петлю,
Скамью из-под ног выбивала.
Никто не сказал: «люблю».

Никто не раскрыл объятия,
Никто не расправил крыл.
И розового платья
Никто ей не подарил.

Но силу в себе растила,
Отринув и смерть, и страх.
Страна её не вместила
И вытеснила в астрал.

Не чета она роду людскому,
Заскоружлым его племенам,
А небесному или морскому,
Занесённая бурей к нам.

Ни в телесной земной оболочке
Не вмещала просторы свои,
Ни в пределы написанных строчек,
Ни в прокрустово ложе семьи.

Ни приюта себе, ни ночлега,
Ни единства с душою родной.
На шестые сорта человека
Выносило шальной волной.

И не души – а слабые душки
Ей встречались на тропях земных,
Что парили в пространстве воздушном,
Лишь пока она дула на них.

Наступала разлука, разруха,
Неизбежный для смертных предел.
На высоты вселенского духа
Вместе с нею никто не взлетел.

«Всю жизнь напролёт пролюбила не тех», –
Мне слышится вздох её грешный.
Что делать с тоской безутешных утех,
С сердечной зияющей брешью?

Что делать с расплатой по вечным счетам,
С ознобом нездешнего тела?
Любила не тех, и не так, и не там...
Иначе она не умела.

У гения кодекс иной и устав.
Он золото видит в отбросах.
Любить... Но кого же? – мы спросим, устав.
Пред ней не стояло вопросов.

Ей жар безответный в веках не избить.
Любой Гулливер с нею – хлюпик.
О, если бы так научиться любить!
С тех пор так никто уж не любит...

*Монолог Людмилы Дербиной,
невенчанной жены
Николая Рубцова
исповедь*

Ну почему он умер, почему?! –
Твердить я буду до скончания века.
Я до сих пор не верю, не пойму:
Неужто я убила человека?
Уставясь взглядом в чёрный потолок,
Мучительно ворочаюсь на нарах.
Судьбы моей ужасный эпилог
Проходит пред глазами, точно кара.
...На голове – берет, и брючки клёш.
Пальтишко на нём ветхое болталось.
В толпе такого встретишь и пройдёшь,
Я и за мужика-то не считала.
Следы попок на лице всегда,
И шарф накручен на цыплячьей шее.
За этот шарф-то я его тогда...
Свежа та рана. С каждым днём свежее...
Не крестись, пока не грянет гром.
Теперь его стихи читаю, плача:
«За всё добро расплатимся добром»...
Но в жизни получилось всё иначе.
Мы сели на скамейку где-то в сквере.
Он стал читать стихи, и почему –
Не знаю, но, стихам его поверя,
Я в тот же миг поверила ему.
Такая мощь звучала в тех стихах!
И всадник на холмах своей Отчизны,
И родина, которая тиха, –
Всё это и моею стало жизнью.

Мне Николай без боя сдался в плен.
Он от любви весь пожелтел и высох.
Я – смуглолица, с ядрами колен,
Рыжеволоса... вся – как зов, как вызов.
Не знают ни враги и ни друзья,
Каким он был... каким не с кем он не был.
А как его оплакиваю я –
Об этом знаю только я да небо.
...Характер у него – не сахар был.
Ох, сколько от него терпела зла я!
Любить – любил. Но беспрестанно пил.
Устала я от пьянства Николая.
Он стал стихи мои критиковать,
Выискивать ошибки в каждом слоге.
Двум соловьям на ветке не певать,
Медведям двум не жить в одной берлоге.
Он жил собой, не думая о нас.
Ругалась мать: «Когда займётся делом?»
Я заглянула в бездну его глаз
И ужаснулась, и оцепенела.
Там всё сгорело в пламени огня.
Предчувствием и болью сердце сжалось.
Я в тех глазах не видела меня.
Там лишь одна бутылка отражалась.
Он весь был – к людям обращенный зов.
Они ж его услышать не хотели.
Тогда Рубцов срывался с тормозов,
И только пух и перья прочь летели.
Никто его не в силах был унять.
Шли в дело сковородки, чашки, блюдца.
Кидал в меня – что только мог поднять,
Я еле успевала увернуться.
Вконец измучив ревностью слепой,
Он на меня бросался с кулаками,
И я вздымала руки над судьбой!
Как говорят, нашла коса на камень...
Последний год сумятиц и невзгод.
Рубцов с утра не просыхал от пьяни.
Как следует отметив Новый год,
Был завязать уже не в состоянии.

Я вспоминаю эту ночь теперь –
И не одну, а две бессонных ночи!
Он на меня кидался, точно зверь,
А я сопротивлялась что есть мочи.
Как будто бес тогда вселился в нас,
Мы в ярости катались по паркету.
Вдруг со стены упал иконостас...
Я вздрогнула – то страшная примета.
Он, кажется, зарезаться хотел.
Мы бросились отчаянно друг к другу,
И – вновь клубок катающихся тел...
Чтоб вырвать нож, впилась зубами в руку.
Мы оба были словно во хмелю,
Запутываясь в собственные сети.
Рубцов кричал мне: «Я тебя люблю!»
От крика пробудились все соседи.
Любовь его – погибель для меня.
Как вытерпеть, когда ломают душу?
Я видела, что это – западня.
И знала я, что я её разрушу!
Крещенские тогда стояли дни...
Теперь тот стих – навеки мне укором.
Я сорвала замки у западни,
Смела её затворы и запоры.
О, сколько бы ни минуло времён –
Мне никогда не быть собой прощённой.
Но каждый раб к свободе устремлён.
Я не хотела быть порабощенной.
Как это всё случилось – не пойму.
В глазах лицо – белее, чем бумага...
Ну почему он умер, почему?!
Худой петух! Ледащий доходяга!
Опомнилась. Потом весь этот бред –
В милиции, каким-то рожам сытым...
Потом был суд. Мне дали восемь лет.
Набор последней книжки был рассыпан.
И после всех страданий и потерь,
После всего, что жизнь мою разбило,
Одно лишь имя у меня теперь:
«А это та, которая убила»...

Слова проклятий, словно камни вслед,
И липкий деготь клеветы печатной.
Но есть суды страшнее на земле:
Суд памяти и сердца беспощадный.
Как будто надо мною вечный рок.
Не минет чаша, хоть иною стань я...
Тюремный срок – тяжёлый был урок.
Но самым мне тяжёлым испытаньем
Окошко было камеры моей,
Что выходило на окно Рубцова.
О, пытки не придумаешь сильнее! –
И каждый вечер я смотрела снова
На то окно, где были мы – одно,
Пока не разлучила злая сила,
На то окно, где нет его давно,
Окно, в котором жизнь я погасила...
Всей жизнью я отмаливала грех.
Три года простояла на коленях.
Я поняла, что был он лучше всех,
Как этот снег, как этот свет весенний...
Всё кажется, он там, на берегу,
Появится откуда-то оттуда.
Я по воде навстречу побегу...
Как хочется мне верить в это чудо.
...А в Тотьме Коле памятник давно.
Весь бронзовый, его узнала еле.
Обули в туфли модные – смешно!
Пальто ему изящное надели.
Не столько людям, сколь самой себе,
Я написала книгу о Рубцове.
О нашей неудавшейся судьбе,
Короткой и трагической любви.
А в день рожденья он приснился мне.
Так хорошо приснился, просветлённо...
Мне показалось, это он в окне
Тихонько машет веточкой зелёной.
Пусть в землю жизнь вколачивает злей, –
Я знаю, отворится в небо дверца.
И светит мне вдали звезда полей,
Звезда его единственного сердца.

По ту сторону света

поэма

*Я люблю тебя так, словно я умерла,
То есть будто смотрю на тебя с того света,
Где нам каждая жилочка будет мила,
Где любовь так полна, что не надо ответа.*
И. Кабыш

*Просто стою я, просто смотрю я,
Как на земле без меня.*

И. Снегова

*Мы оба умираем, все умираем, всегда умираем.
Я – пока пишу, ты – пока читаешь, другие –
пока слушают или пока не слушают...*

Ф. Петрарка

1.

Я пишу ниоткуда и не ожидаю ответа.
Только чувствую: нам объясниться настала пора.
Не пугайся, прошу, я пишу тебе с этого света.
Это лишь репетиция финиша, проба пера.

Когда кто-то навеки уходит, до судорог дорог,
Поглощаемый прорвой, холодной её чернотой,
Мы стремимся протиснуться в тьму эту мысленным взором,
Тщетно силясь познать, что же там, за последней чертой.

Что нас ждёт за туннелем? Возмездие? Лепет любовный?
Воскрешенье души? Продолжение кошмарного сна?
Что услышим там? Райскую музыку? Скрежет зубовой?
Или дальше, как водится, там лишь одна тишина?

Этот мир мною издавна истово вызнан и признан.
Если нам доведётся увидеться – где б ни была –
Это буду не я, а всего лишь подобие, призрак.
Та, кого ты когда-то встречал – та давно умерла.

Я живу здесь обратно. Я рыскаю в поисках следа.
Дни, как комья земли, засыпают ушедшие дни.
Я живу по ту сторону сна, по ту сторону света.
Я ищу свою душу и то, что ей было сродни.

И, сама себе суд, разрушитель себя и создатель,
Между свежестью утра и свежестью новых утрат,
Я живу по ту сторону жительство, правительств, предательств,
По ту сторону были и небыли, зла и добра.

Я пишу на песке, я долблю тебе буквы на камне,
И бутылки бросаю в неизбежность Стиксовых вод.
Может, всё это в бездну бесследно по-прежнему канет,
А быть может – кто знает? – по адресу сердца дойдёт.

Здесь вселенная молча взирает глазами пустыми,
Отдалённость твою не давая нарушить во мгле.
Мне беспомощно и нелюдимо, как гласу в пустыне,
Но не так одиноко и холодно, как на земле.

Я брожу здесь по улицам, днями прошедшими полным,
Не ведущим в грядущее и увязавшим в бреду.
Набегают на берег безлюдный свинцовые волны,
Волны памяти, и наблюдаю я их череду.

Я впервые свободна. Исполнясь нездешней отваги,
Закаливши и выстудив душу на звёздных ветрах,
Я пишу, как дышу, на сгоревшей до пепла бумаге
И пером, превратившимся вместе с чернилами в прах.

Здесь со мною Ничто. Это память о том, что с тобою
Было, не было и не случится теперь уже впредь.
Я тебя – не поверила б – здесь вспоминаю без боли.
Я теперь поняла – это и называется Смерть.

2.

Мы бродили с тобою по лезвию тайны, по кромке
Невесомого льда, ту погибель слегка пригубя.
Я себе представляла уход в никуда как воронку.
А теперь я из этой воронки смотрю на тебя.

С каждым днём расстояние меж нами растёт многократно.
Я-то думала, жизнь – это путь, что куда-то ведёт,
А она – только ветер, который всё дует обратно
И мешая вернуться, меня у себя же крадёт.

Ничего не прошло. Всё по-прежнему там, где когда-то
Мы всё это оставили. Там это всё до сих пор.
Как по листьям опавшим, бреду я по канувшим датам.
Это тень моя с тенью твоею ведёт разговор.

Ты лишь призрак, лишь тень моей мысли, больной и невольной,
Что скользит неотвязно, все мысли в себе погребя.
Эта тень всё растёт, вырастая длинней колокольни,
Затмевая всю жизнь, что когда-то была до тебя.

Когда ты появился, то мир, пребывавший в покое,
Приобрёл направление, потоком стремительным стал.
Ну а ты был воронкой, в которую вместе с водою
Этот мир у меня утекал, уплывал, улетал...
Всюду свадьбы, карьеры, веселье, обилье, богатство...
Шепчут море, деревья, трава: «Ну чего ты блажишь?»
Я тяну к тебе руки. Путь узок. Нельзя отвлекаться.
Шаг чуть вправо, чуть влево – и ты оступаешь в жизнь.

Сатана или Бог так безрадостно правили бал сей?
Чья-то карма или кара вершилась, велев: «не живи»?
Мир под цвет твоих глаз так старательно маскировался,
Под оттенок стальной невозможности нашей любви.

Это чувство отсутствия, невосполнения, утраты
Всё въедалось в меня, словно тьма в однобокость луны,
Но чем больше она забирала, тем больше пространства
Оставалось душе для высокой её тишины.

3.

Я пишу в никуда. Я живу по ту сторону света.
Только память опять наплывает волна за волной.
Почему я сейчас так отчётливо вижу всё это?
Почему же всё это не умерло вместе со мной?

Что тайлось самой от себя, здесь так явно и ярко.
Разве можно от ока Всевышнего что-нибудь скрыть?
Мне хотелось тогда на земле где-то выкопать ямку,
Прошептать туда всё, а потом, как могилку, зарыть.

А тебе интересно, скажи, – да ведь я не услышу –
Услыхать про мой мир, про мой город, деревья, дома?
Человек, умирая, уносит всё это под крышу
Настоящего дома, в глухие его закрома.

Мир беднеет на скверы, автобусы, улицы, парки,
На соседок и кошек, стихи, акварели, моря.
Но я знаю, что ты бы не принял такие подарки.
Ни к чему тебе там запоздалая щедрость моя.

Я её отпускаю пожизненно в замок воздушный.
Пусть парит над тобою всегда об едином крыле,
Даже здесь охраняя тебя от того равнодушия,
Что пытается нас окружить, задушить на земле.

Не вмещает мой разум понятия смерти и трети.
Ты – её отрицанье, изнанка её, антипод.
Приближенье к тебе – это как приближенье к бессмертью, –
Вот полшага ещё – и разгадан таинственный код.

4.

Смерть нежна. Я всё жду, что она разомкнёт свои веки
И с улыбкою лживою вымолвит мне: «Добрый день!»
Может быть, наши души там переплетутся навеки,
Если нашим телам не дано это было нигде.

Мне печально и радостно знать про свою обречённость,
Про победу бесплодную горного света над тьмой.
Что-то есть во мне больше, чем просто в слова облечённость,
Что сильнее повседневности, больше меня же самой.

Ах, как кружатся мысли, и чьи-то уставшие лица
Окружают меня, в них печаль и какой-то надлом.
Души умерших мимо плывут, как опавшие листья,
И, из Леты испив, забывают навек о былом.

Но, чем больше судьба отнимает, тем больше ты любишь
То, что нам остаётся: застенчивый шум тополей,
Шелестящее поле, аллеи вечерней безлюдье ...
Чем сгущеннее мрак, тем все это сияет светлей.

Как хотелось прожить много жизней, удвоя, утрая
Всё, что втайне копилось и кануло в ночь без следа,
Но одной оказалось достаточно, да и её я
Отдала бы легко, чтоб тебя не забыть никогда.

5.

Я живу по ту сторону дней, по ту сторону буден.
Здесь дома, где когда-то жила, что давно снесены.
Здесь забытые мной и меня не забывшие люди,
Запах талого снега давно отшумевшей весны.

Небо ясно здесь, море прозрачно, и кажется будто
Нарисованным. Словно пейзажи в манере Руссо.
Нереальна волна, нереальна глубокая бухта.
Это видится мне Зазеркальем, похожим на сон.

Если кажется что – всё меняется здесь нам в угоду...
Перед Млечной мечтой отступает хлопот круговерть.
Здесь отсутствуют беды, обеды, политика, моды –
Всё, что делает жизнь неживой и похожей на смерть.

Здесь сирены поют, услаждая нездешнее ухо.
А умерших язык не похож на живущих язык:
Слишком грубы и плотны слова для бессмертного духа,
И к бумаге шершавой невидимый глаз не привык.

Здесь высокие шпили утоплены в зелени лета.
В этих замках, возможно, скрываются души, как знать?
А в окошечках башен так много небесного света,
Что ни грязь и ни низость не могут тебя запятнать.

Я стою на холме. Предо мной расстилается поле,
Где сраженья велись... Это было когда-то, давно...
Сильный ветер, и пахнет полынью. Я, кажется, в Трое.
Или в Греции, в Риме – не все ли теперь мне равно?..

Пред глазами проносятся мифы, предания, даты.
Здесь ходил Демосфен, здесь любили Сафо и Катулл...
Я не больше реальна, чем те, что здесь были когда-то.
Бесконечное время вмещает в себя пустоту.

Где-то брезжит неведомый разуму берег туманный.
Я стою на корме неизвестного мне корабля.
На борту его умерли все. Он плывёт без команды,
Лишь теченьем влеком, далеко, без ветрил и руля.

И куда-то везёт он мою одинокую душу...
В темноте всё слилось, погружая весь мир в забытьё.
И не видно границы, которую можно нарушить,
Между морем и небом, меж жизнью и небытием.

Мёртвый штиль уступает стихии безудержно-шквальной,
И потоки бушующих волн заливают каркас.
Фразу «сколько воды утекло» постигаешь буквально.
(Уж не та ли вода, что меня окружает сейчас?)

Стрелки здешних часов, над каким-то штрихом замирая,
То встают, то порой норовят поворачивать вспять.
Циферблаты – как солнце, что время пригоршней вбирают,
Но оно сквозь лучи, как сквозь пальцы, уходит опять.

Всё течёт. Всё на дно бесконечного канет колодца.
«Всё проходит», – сказал ещё, помнится, царь Соломон.
Только письма мои – это то, что всегда остаётся.
Если ты их читаешь – то призрак уже оживлён.

Полетит поцелуй невесомый в воздушном конверте,
И во мраке ночном задрожит, как бубенчик, звезда...
Есть какая-то связь, что не может прерваться со смертью.
А раз так – то она не прервётся уже никогда.

Нам в себе этот мир никогда не избыть и не выжечь.
Да пребудет же вечно всё, что невозможно забыть!
Может, надо однажды нам всем умереть, чтобы выжить,
Через небытие возродившись воистину Быть.

Четверостишия

Вся жизнь моя – это письмо,
Длинною в её дорогу.
Кому-то, себе самой,
А в сущности – Богу.

Когда надо мною отдёрнулся занавес,
Явив всему свету судьбы моей малость –
На этой земле все места были заняты,
И мне только небо одно оставалось.

Слова, которых я не написала –
Перетекают в звёзды за окном.
Как ночь в невыразимости блистала!
Как сладко с нею думать об одном.

Мир в серебряном озаренье,
Неподвластный карандашу.
Как бессмертное стихотворенье,
Что когда-нибудь напишу.

Ломтик пространства звёздною солью посыпъ,
Сверху укрась полукружьем луны крутолобой.
Вот натюрморт-бутерброд. А взамен колбасы
Свежее мясо стиха моего попробуй.

Какая бледная луна...
Она, наверное, больна.
А может, потому бледна,
Что в эту землю влюблена?

Кому-то – лампадка, иконка и чётки,
Кому-то – луны ободочек нечёткий,
Дворовый ли тополь, в лесу – соловьи...
У каждого поиски смысла свои.

Одна среди улиц голых
Бреду по пустым дорогам.
Как речка, оденусь в холод,
Чтобы никто не трогал.

Ей говорят, что он не пара,
Что он не вспомнит, не придет.
Ассоль все ждет заветный парус.
А парус... в море бури ждет.

О первый утренний снежок,
Что чистотой мой взгляд ожёг!
Такой пушистый, словно вата,
Такой ни в чём не виноватый.

Хотя весной на волю
Я вышла в белый свет,
Мне выпал снег на долю,
Как на голову снег.

У дождя подкосились ноги
И скосились глаза на висок.
Переходит он все дороги
Не по правилам – наискосок.

Весна. Ручей забулькал.
От солнышка тепло.
И даже у сосульки
Из носу потекло.

Жизнь соткана из пустяков:
Осколков, капелек, безделок.
Их без поэзии очков
Не разглядеть. Рисунок мелок.

Так одиноко петь мне про это.
Ты хоть согрей.
Люди не понимают поэтов,
Точно зверей.

Бог у поэтов ходит в суфлёрах.
Что ни поэт – продавец плагиата.
Я не участвую в этих аферах:
В том, что пишу – лишь сама виновата.

Разрожусь ли строчкой элегической
Иль сама их выброшу за борт –
Только б не цензуры хирургической
Идеологический аборт.

Пусть у нас не случилось союза –
Всё равно ей не отвертеться:
Возвращается блудная Муза,
Потому что ей некуда деться.

Печаль, которой правит метр,
Просчитанная боль...
Неужто стих – игра химер,
И нарочит любой?

Когда опять удушьем занедужишь,
И станет жизнь до мёртвого тиха –
Спаси свою безжизненную душу
Искусственным дыханием стиха.

Бабочкой, припиленной к листу,
Я живу на боевом посту.
Радует ваш взор узоров сеть,
Но уж не взлететь мне, не взлететь.

Десять лет несбывшейся мечте.
Праздную печальный юбилей.
Десять лет обиде и беде.
Что же ты замешкался? Налей!

Сломана мачта. Погибла мечта.
Радуйся, зависть.
Вот и кто пели «Феличита» –
Тоже расстались.

Сильна ль моя слабость иль сила слаба?
Опять я в себе убиваю раба.
А раб не сдаётся, как гордый варяг.
И с этой проблемою вечный напруг.

Мы все виновны в том, что меньше
Самих себя, мужчин и женщин,
Таких, как Бог задумал нас
В один прекрасный день и час.

«Проходит молодость, проходит», –
Вздыхала Гурченко в гримёрке
На семьдесят четвёртом годе,
А журналист глядел в восторге.

Чем ближе к нам приход зимы,
Что сушит и кукожит кожу,
Тем больше делаемся мы
На снимки в паспорте похожи.

Что вы с нами сделали, года!
Кто в себе ту горечь не носил?
Говорят, что всё, мол, молода...
Да ведь это из последних сил!

Хоть время метит,
(На лицах – борозды),
Все люди – дети
Разного возраста.

Пусть тебе одиноко в ночи –
Будет утро мудрее, добрее.
Наша жизнь – как поленья в печи,
Прогорят, но кого-то согреют.

А ещё говорят, что нету души!
Но что же тогда болит?
И сжатому горлу велит: не дыши.
Ни есть, ни спать не велит.

Сниму губами капельки с листа я.
Рассвет окрепнет, темень превзойдя.
Сквозь боль утрат надежды прорастают,
Политые слезинками дождя.

Чуть тлеет сердца костерок,
Но в нём – миллионы ватт!
И тайный маленький мирок
Вселенною чреват.

Не каждое чрево чреватое,
И разочарует умы ж
Вулкан, извергающий вату,
Гора, породившая мышь.

Графоман прикинулся поэтом.
Густо тень наводит на плетень.
И не каждый видит, что ведь это
Не поэт, а о-бо-ро-тень.

Кобыла непомерной сивости
Нам демонстрирует свой бред,
А критик видит в нем красоты,
Многозначительности след.

Сокол окольцованный в ужа
Превратится, извиваясь юзом.
И вольно ж Вам, певчая душа,
Пресмыкаться в творческих союзах.

Стих пахнет кровью, а не мёдом,
Когда не врёт.
Залью чернилами, как йодом.
Пусть заживет.

На аккуратных рытвинах аллея –
Замедленные взрывы тополей.
Сегодня даже мирная земля
Напоминает минные поля.

Хозяин неба и земли
Однажды скажет смерти: «Пли!»
И что тогда предстанет глазу –
С овчинку небо иль в алмазах?

Планета не для чистоплюев.
Давно преступлена черта.
Бог (или чёрт) зарю малюет,
Автограф кровью начертав.

Со страхом жду, когда придёт мессия,
И мир уже предстанет без прикрас.
В какой же цвет окрасится Россия
На этот раз?

Проспект с названием нелепым
«Пятидесятилетия Ок-
тября», где не единым хлебом
Живу я, женщина-совок.

Средь множества людей
Всегда найдётся тот,
Кто будет не злодей,
А просто идиот.

В реанимации, в рай не доехав,
Очнувшись, спросила: «Пойман бен Ладен?»
Так вот и надо жить, кроме смеха.
Полною грудью дышать на ладан.

Вода живая с мёртвою водой
Ведут свой спор над трупом охладелым.
Живое тело с мёртвою душой
Куда страшнее неживого тела.

«Балерина на сцене» Эдгара Дега.
Эфемерна, возвышенна, полунага.
Как им схвачена вмиг характерная поза,
Как изящно изогнута эта нога!

373

Рвётся бельё, как птица,
Всё в верёвочной власти.
Вот у кого учиться
Танцу, порыву, страсти!

Я несу стихи в ладонях робко
В ореоле вспыхнувшей свечи.
Только с сердца, как со сковородки.
Не взыщите, если горячи!

На руках поэзии в веках
Прошагать бы, тишину тревожа,
Чтобы в перевёрнутых зрачках
Мир предстал иным и непохожим.

Декарта мысль ценю живую,
Но я иначе назову:
«Любима – значит существую».
Люблю – и значит, я живу.

По-польски встреча – «спотыкание».
Ещё словом словарь украсится.
Споткнулась о тебя в тумане я,
И вот теперь хромаю на сердце.

Ты мне – как роскошь, как с небес звезда.
А тут – кошёлки, книжки, стирка, ужин...
Ты нужен очень, очень иногда.
А может быть, и вовсе мне не нужен.

Разлука – без страдания,
Как встреча – без нирваны.
Ну что ж, до несвидания,
Несуженый незванный.

Доля умудрённых жизнью женщин –
Ради пира полюбить чуму
И мужчин, как братьев наших меньших,
По душе встречать, не по уму.

374

Может быть, ещё всё возможно
И не поздно счастливой быть.
Я шепчу Вам вслед безнадежно:
«Подождите меня не любить!»

Мне без веры не прожить и дня,
А в любви – ни года без премьеры.
Если не полюбите меня –
Я приму решительные меры.

Мне показалось: чуть раздался лёд,
Душа приотворилась, став разъятей.
Пустите в этот узенький пролет,
Примите в переплет своих объятий!

Возьмите жизнь мою на память
И что хотите с ней творите.
Играйте сердцем, как словами,
Но никому не говорите.

Лучше не быть, чем с тобою не быть,
Чем разлюбить, разрубить, позабыть.
Лучше саму себя смерти предать,
Чем свою душу продать и предать.

«Жених» и «петух» – на слух и на дух
Слова эти очень схожи.
Кто б ни был из двух – и в прах ты и в пух
Разделанным будешь все же.

Только зря удачу кличешь
В наркоте азарта.
Не охотник ты – добыча,
Не игрок, а карта.

Я закрываю глаза на весну,
Ставлю на прошлом крест.
Не попадусь уже на блесну,
Чёрт и свинья не съест.

Обернётся грязь воздушным замком,
Терем ада – раем в шалаше.
Синька неба отстирает за ночь
То, что было чёрным на душе.

По жизни вдоль – два-три шажка,
Вложив юдоль в размер стишка.
За поединком воль и доля
Душа следит исподтишка.

Выклёвываю радость
Из грязи бытия.
Выплёвываю гадость,
А сладость вся моя.

Вся суета, вся злость и грязь
Бессильно выпадет в осадок.
Очищенный от пут и дряг,
Вкус жизни первозданно сладок.

Наш ужин скуден и нехитр:
Овсянка, сыр, Сырок, кефир.
О трапеза и затрапеза!
Да, далеко же нам до Креза.

Моешь, драишь, чистишь –
Ужас моих утр.
Это вам почище
Всяких камасутр!

Что было когда-то, отбросив прочь,
Блаженно сожмёшь виски.
Единственный взгляд. Единая ночь.
И целая жизнь тоски.

Безотчётное чудо ночное...
Из каких лунных снов тебя звать?
Это все-таки было со мною,
Чтоб уже никогда не бывать.

Никто не знает, я – о ком,
И что в себе ношу.
Никто не знает, на каком
Я волоске вишу.

На счастье иль беду
В костёр бросаю сердце.
Пускай сгорю в аду –
Мне только бы согреться.

Дар ли се небес?
Иль попутал бес?
Невозможность с,
Невозможность без.

Выплакалось счастье из весны
И бурлит, не зная про усталость.
Сколько ещё надо тишины,
Чтобы эта пена отстоялась.

Солнцу – не грей, огню – не гори,
Ветру – не вей, морю – замри,
Сердцу – не бейся. Отбой.
Вот что творю я с собой.

Жизнь смешала были, небыли –
И слила в одну посуду.
То, чего со мною не было –
Никогда не позабуду.

Мне приснился чудный сон невнятный –
То, чего на свете быть не может.
А сегодня стало мне понятно:
Этот самый лучший сон мой – прожит.

Как ничтожен зазор меж любовью,
Её счастьем и горькой бедой.
Это всё лишь одно троесловье,
Что нельзя разделить запятой.

Ум неразумен, а зрячесть – слепа.
Я постигаю вновь:
Зорко лишь сердце, его волшба.
Умна лишь одна любовь.

Тех сестёр разлучила суровая жизнь.
Веру мудрость София сомненьями гложет.
А Надежда на цыпочках тянется ввысь
И никак до Любви дотянуться не может.

Так мне с руки и на руку
Переживать отлучку.
Хочется взяться за руку –
И я берусь за ручку.

Вздыхаю, вглядываясь в черты:
И я была хороша...
От всей когдатошной красоты
Осталась одна душа.

Не прихорашивается для встречи
Любовь. Речей её просторечье
Не выдаёт в ней ума колосса.
Стоит боса и простоволоса.

Отрада моя и растрava.
Я вся – лишь любви оправа.
Растрескавшаяся рама,
Где вместо картины – рана.

Жизнь расколота, как льдина.
Стой и холодей.
Это непереводимо
На язык людей.

Пусть это лето длится, длится...
В душе с него снимаю слепок.
Гляжу вослед любимым лицам:
О, только бы не напоследок.

Они ушли в глухую небель.
И глаз их слеп, и рот их нем.
А надо мною только небо,
Неумолимое ко всем.

Разгадывать звёздный ребус,
Подслушивать Божий глас...
Мне кажется, что всё небо –
Из чьих-то любимых глаз.

Дорожки морщин от яркого солнца
У жизни на свежем лице.
Тропинка бежит. Верёвочка вьётся,
Не зная о скором конце.

Жизнь к тебе, как покупатель,
Всё приценивается.
Ну а смерть-завоеватель
Всё прицеливается.

Холодно, холодно жить на ветру.
Птаха лесная,
Скоро ли, скоро ли тоже умру?
Скоро узнаю.

Стою одна среди могил,
Разбросанных по белу свету.
Здесь каждый жив, любим и мил.
И лишь меня на свете нету.

Кладбище от слова «класть»? Нет, от слова «клад»!
Там зарытые мои столько лет лежат.
Золотые там сердца, ясные умы.
Не оценим до конца никогда их мы.

Мне в облаках лежит письмо.
От мамы? От отца? От Бога?
И, кажется, ещё немного –
Оно прочтётся мне само.

Чёрным ходом, подземным лазом
Пробираюсь я раз за разом
Снов извилистым коридором.
Я возьму эту смерть измором.

Страдаю, мучусь – не играю,
И жалею, и слёзы лью.
Я не живу, а умираю,
Спасая этим жизнь свою.

Как волны, беды прибывают.
Один белеет только парус.
У счастья паузы бывают.
У горя не бывает пауз.

Больничной зимы негашёная известь
Не выбелит – выжжет тебя добела.
О Боже, спаси мою душу и выведь!
Высокого света прошу, не тепла.

Возможна ли женщине мёртвой хула?
Что ей имидж теперь и престиж?
Пусть много тебе она сделала зла,
Но представишь в гробу – и простишь.

Упругие прутья – деревьев усердья.
В тот свет устремившиеся бессмертья.
Природы артерии, жилы, предсердья.
Спасенье. Везенье. Судьбы милосердье.

День прожит, проскользнул, как вор,
Украва, чем быть могла богата.
И вечер пишет приговор
Кровавым почерком заката.

Мир – словно тир, а я – как мишень,
Живу без покоя и сна я.
Какое-то горе большое в душе.
А вот какое – не знаю...

У меня собачья тоска,
Что не знает, куда излиться.
У людей звериный оскал.
У собак человечьи лица.

От заездившей тоски
Не уедешь на такси.
А немилый сердцу мир –
Он везде и сер, и сир.

Душа моя, пожалуйста, нишкни!
Не жалуйся, хозяева – они.
Уткнись в пальто, молчи себе в кулак.
Ты здесь никто, и звать тебя никак.

На сотни тысяч вёрст –
О, где их только нету –
Разбросан бисер звёзд
Пред свиньями планеты.

Расхристан ворот. Настежь рот:
«Я патриот! Я – патриот!!!»
Ну почему, как патриот –
Всегда дурак или урод?

Вино превратится в укус,
А поцелуй – в укус,
Когда испускает русскость
Антисемит и скунс.

Любимым – любви моей мёд, нектар,
А недругам – не обессудьте.
Я вся, по сути, – ответный удар.
Но вся я – как дар, по сути.

Как бы жизнь ни гнула долго нас –
Её стержень прям и прост.
Там, где согнута – я солгана.
Выпрямляюсь в полный рост.

Ввысь неуклонно – рецепты просты –
И весь мир пред тобою у ног...
Страшно подняться до той высоты,
Где ты будешь совсем одинок.

Вдоль дорог и аллей – фонарей многоточья
Тихий свет изливают во мгле.
Как инъекции в тело простёртое ночи,
Чтобы теплилась жизнь на земле.

У оборванных лепестков ромашек,
У листков оторванных календарей
Что-то общее – от смертельных промашек
Облетевших лесов, обмелевших морей.

Следит недрёманое око,
Чтоб радость вечно вышла боком,
Чтобы даров не перепало,
Чтоб зла не показалось мало.

Мы слова порой бросаем всуе,
Прикрываясь ими, как плащом.
– Как живёшь? – Мучительно живу я.
– Эй, как жизнь? – Не кончилась ещё.

Когда экзамен жизни жалкой
Тебе держать уж силы нет –
Швыряет смерть свою шпаргалку,
Даря спасительный ответ.

Долька радости ушла.
Мандариновая долька.
Кто мне скажет, сколько их
Там ещё осталось, сколько?

Обогащаюсь – и нищаю, –
Шагреньевый закон ума.
Чем больше мир в себя вмещаю,
Тем меньше делаюсь сама.

Чем, какую уловкой
Нам выжить совместно –
Чечевичной похлёбкой
Или манной небесной?

Туманен судьбы негатив.
И страшно его проявление:
А вдруг там сплошной негатив?
Уж лучше незнания томление.

Что там, в этой мёртвой остуди –
Божья милость или месть?
Ненавижу Тебя, Господи,
Так, как будто бы Ты есть.

Господи, надеюсь, что Ты есть,
И Твой белый флаг над нами реет.
Как надежда, искренность и честь,
Небо никогда не устареет.

Снова надежда безумная гложет,
Опровергая мудрый закон.
Ставлю на чудо, как ставят на лошадь.
Всё, что имею, ставлю на кон.

Поверь, возможны варианты.

Л.Миллер

Есть варианты судьбы и возможностей.

А.Кушнер

Как ни вставай на цыпочки-пуанты,
Танцуя жизни трепетный балет,
Твой лебединый час пробьют куранты,
И ты увидишь: вариантов нет.

Опять не сплю. Не сон, а сплин,
А сплю – плохое видится.
Жизнь комом, словно первый блин.
Второй же не предвидится.

Душное, топкое слово «тоска»
Мушкой тонко жужжит у виска.
Ряской болотной пахнуло во мгле.
Как я неплотно стою на земле.

Кармы путь извилист и обманчив,
Как хитросплетенья душ и тел.
Прохудился у судьбы карманчик.
Одуванчик жизни облетел.

То, что прежде было – где ж ты?
Одиноким стал рассвет.
Утро красит в цвет надежды
То, чего на свете нет.

*Золотистого мёда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела...
О.Мандельштам*

Не успела подумать – зачем и о чём
Так томилась душа и чего так хотела.
«Как тягуче и медленно время течёт!» –
Не успела промолвить, а жизнь пролетела.

Встать на углу шумящей стрит,
Смотреть, как мир бурлит, пестрит,
Течёт, трамваями звеня,
И знать, что это – без меня.

Трагедия? Власть рока? Полноте!
Не громоздитесь на котурны.
Уйти из жизни – как из комнаты,
В которой пахнет слишком дурно.

Стихи – мой первый шаг к небытию.
Когда-нибудь сию галиматью
Писать я перестану, и – не вру –
Тогда умру.

Почему не спускается занавес?
Пьеса жизни проиграна в прах.
И на бис не сыграть её заново,
Разве только в грядущих мирах.

Свет от звезд идет миллионы лет,
Озаряя будущее буден.
Души тоже излучают свет.
Он дойдет, когда меня не будет.

«Постарею, побелею...»
Заболею, околею.
Вешние воды, тёмные аллеи...
Ни о чём не жалею.

Как сорными лопухами,
Которых никто не ждёт,
Мои стихи
Бесхозными зарастёт.

Облетели листья, потемнели дни.
Вот мы и остались на земле одни.
Я тебя жалею. Я тебя лелею.
Я тобой болею. Боже, сохрани.

Свой мир лелея и лепя,
Жила в себе и из себя.
Теперь, устав от пустоты,
Моя душа – не я, а ты.

К тебе летит мой каждый час и сон.
Мы переходим плавно в сны друг друга.
Наш общий сон нас держит, невесом,
С надёжностью спасательного круга.

Я буду с тобой, пока буду жива.
А пока я с тобой – не умру.
Так думает сердце, проснусь едва
На твоём плече поутру.

Нет посвящений над стихами,
Но нужно ли тебе оно?
Ведь вся я вместе с потрохами
Тебе посвящена давно.

Ни о чём не печалься на свете,
Чёрной бездною вечно влеком.
Всё прекрасно при утреннем свете,
А до вечера так далеко.

Двустихия

Где мы окажемся в завтрашнем дне?
Жизни ли вне? На коне? Иль на дне?

Мужским или женским нас дарит природа –
Мы все существа только детского рода.

Был бы облик девушки прекрасный,
Если бы не взгляд зверообразный.

Нет ничего за душой, но запасливо –
Фиги в кармане и камни за пазухой.

Таких миазмов полный смог,
В котором дух дышать не смог.

С голодным сердцем, не холодным
Живи, чтобы не быть бесплодным.

 Поэты мечут бисер слов
 Среди свиней, среди ослов.

 Враг, бывает, покажется другом,
 Как петля – спасательным кругом.

 Жизнь непривычно тиха.
 Стихла стихия стиха.

 Мелочь дождика, серебро и медь
 Учат жизнь ценить, быть, а не иметь.

 Бессмысленна весна и дождик слеп.
 И мой порыв наивен и нелеп.

 Медовый месяц в вышине
 Льёт медный мёд на душу мне.

 Кто мы, что мы в этой жизни тленной?
 Малые подобиа вселенной.

 По-кащеевски хранить
 Жизни золотую нить.

 Умереть, пока ещё не поздно,
 Чтобы на земле не быть нам розно.

 Кольшется на холмике трава.
 Прости за то, что я ещё жива.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
СОКРОВЕННОЕ	
Копилка	6
«Многим в жизни правлю...»	7
Белой ночью	7
Небо	8
«Ночь неслышно спустилась к земле...»	8
«Твои лукавые глаза...»	8
«Мой мир первобытен и прост...»	9
«О дождя откровенье...»	9
«Невидимка, Невидаль, Никто...»	10
«В сугробах валенки топя...»	10
«Выше окон, выше крыши...»	10
«Среди шума, среди смеха...»	11
«Кончился день. Опускается занавес...»	11
«Искренность – искромётна...»	12
«А память печатает чётко...»	12
Олегу Соколову	12
«Опять с тоской своею спорю...»	13
«Казалось, что солнцу не будет конца...»	13
«Мой дом небесный, неземной...»	13
«Было что меж вами или нет?...»	14
«Дождик шёл, беспокойно стуча о стекло...»	14
«Не трогай, душа, не буди...»	15
«Я о тебе давно не плачу...»	15
«Раньше света вставала заря...»	16
«Ледяное царство одиночества...»	16
«Сердце – одинокий остров в океане...»	17
«Ночь даёт обет молчанья...»	17
Зелье	17
«Разноцветное счастье лоскутное...»	18
«Тайная музыка, голос души...»	18
«Весна началась не ростком, не цветком...»	19
«Пью за всё, что в себе я убила...»	19
Рождество	20
Утоли моя печали	20
«В душе моей утешенной...»	21
«Хранили привычно молчанье глаза...»	21
«Засыпаю я, засыпаю...»	22
«В душе есть озеро из сна...»	22

«На дно души спускаюсь я во сне...»	22
«Во сне не лгут самой себе...»	23
Памяти В. Козачи	23
В поисках дождя	24
«В этот раз природа промолчала...»	24
«Любовь без ответа. Вернее, ответ без вопроса...»	25
«Снова не отогреться...»	25
«Поверх барьеров и наречий...»	26
«Прячу в сердца копилку, в тайник от людей...»	26
«Я не хочу припасть к твоей груди...»	26
«Проникло вещество любви...»	27
«Это азбука без букв, музыка без нот...»	27
«Глаголов не люблю: они так грубы...»	27
«Моя любовь – неизданная строчка...»	28
«Вы где-то у самого сердца...»	28
«Волшебный мёд таится в жизни сотах...»	28
«По-польски дружба так: «пшиязнь»...»	28
«Пишу неизвестно зачем и кому...»	29
«Пишу среди трезвого белого дня...»	29
«Я – Кассандра, слепая провидица...»	30
«Капель дождя свои диктует гаммы...»	30
«Ещё не явь... ещё предсонье...»	30
«Я не помню цвета Ваших глаз...»	31
«Образ Ваш леплю я и малую...»	31
«Моим стихом опять заговорила ночь...»	31
«Вам хоть соври я, хоть умри я...»	32
«Прочитайте меня как строку между строк...»	32
«Вы прозвучали мне нотой доверия...»	33
«Скажите мне слова, что мне – одной...»	33
«О музыка, поэзия, нирвана!...»	33
«Внутри, на той свободе сна...»	34
«Не свысока, а с высоты...»	34
«В любую минуту – тихую, шумную...»	34
«Живу под гнётом Вашей немоты...»	35
«Ах, не востребовал мой адресат...»	36
«Живём лишь дважды» – Вы сказали...»	36
«Моток из несбывшихся снов и надежд...»	36
«Весну мою уносит в просинь...»	37
Песня («Колокольный звон печалится...»)	38
«Неграмотно, неопытно живу...»	38
Прощайте навсегда (романс)	38
«Любовь – всегда протянутые руки...»	39

«Милый мой выдумщик Андерсен!...»	39
«Настанет Судный День Рождения...»	39
«Снова буду вилами писать по воде...»	40

ЧУЖАЯ ДУША

«На встречу с таинственным Некто...»	40
«Вы не такой, как мечталось – не лучше, не хуже...»	40
«С утра в моё жилище...»	40
«Вот гудок... ещё гудок...»	41
«Я Вам записывала музыку...»	41
«И опять телефонная трубка в руке...»	42
«Под сенью Вашего портрета...»	42
«Когда скажу, что ни строки...»	42
«Ну как Вы живёте, отшельник и маг?...»	42
«Я не расслышала, что Вы сказали...»	43
«Я ловлю последний отблеск мая...»	43
«Моя любовь тщетна, тщедушна...»	44
«Сердца деревьев устилают землю...»	44
«Даже в летучем несбыточном сне...»	44
«За тридевять земель живу от сказки...»	45
«Полюбите меня, посадите...»	45
«От сиреновой страсти обуглясь...»	45
«Так кто же Вы? Любимый враг?...»	45
«Люблю, как в первый день творенья...»	45
«Быть нам вечно порознь...»	46
«Не нужен муляж из тепла и участия...»	46
«Ах, оставьте шаблоны речей...»	46
«Последние взгляды лета...»	46
«Вы не вписались в круг моей любви...»	47
«Душе не перелиться в душу...»	47
«Каждое слово – словно в перчатках...»	47
«Вы опечалили меня...»	48
«Никогда не была я с Вами...»	48
«Вы смотрите глазами нелюбви...»	48
«Обезвреживаю Вас...»	49
«Я сама не своя, и не Ваша...»	49
«На мой немотный нищенский вопрос...»	49
«Ошалев от любви и обиды...»	50
«Моим посланьям тёплых гнёзд...»	50
«Не прошу я милости у Бога...»	50
«Полые дни, пустотелые ночи...»	51
«День никакой (декабря? маргобря?)...»	51
«Мой балкон, моя утлая лодочка, чёлн...»	51
«Дождинки ударялись оземь...»	51
«Как был хорош он, зряшный мир вчерашний!...»	52

«Я привыкла к зиме и весны не ждала...»	52
«Лицо, обглоданное страстью...»	53
«Я бесплодием сердца Бога гневлю...»	53
«Любовь начинается с Красной строки...»	53
«Как с забытых вымерших Галактик...»	54
«Без пяти минут любовь...»	54
«С полувзгляда, с полуслова...»	54
«Вечный зазор, не пускающий в грудь...»	54
«На висках не затихнуть пальцам...»	55
«Как хорошо с тобой в стихах...»	55
«Забытый плёс. Застывший лес...»	55
«Набираю этот номер снова...»	56
«Незаконнорожденное слово...»	56
«На задворках души, где потёмки...»	56
«Пью вино ледяное твоей нелюбви...»	56
«Не убивай меня – шепчу из сказки...»	57
«Не настигнутый биотоками...»	57
«Земля – наш дом, который Бог покинул...»	57
Чучело	58
«Оставайся дальше невлюблённым...»	58
«Любовь, отбой! Долой порфиры...»	59
«Утро – самый нежный час...»	59
«Я ищу магическое слово...»	60
Баллада о мёртвой любви	60
«А всплеск твоих глаз всё мне голову кружит...»	62
«У тебя – неастрата, у меня – неастрата...»	62
«Ну можно ль по душе – пешком...»	62
«Пока ещё не проклята...»	62
«Надену старый свитер чёрный...»	63
«Это были не мы, это были не мы...»	63
«Свидетели были у нашей разлуки...»	63
«Ночи чёрный крепдешин...»	64
«Лишь недавно всё плыло и лучилось...»	64
«Взошло светило, сжалившись над рощей...»	64
«Всё, от чего морщилась – принять...»	65
«Новое русло моей души...»	65
«Звёзд горящий уголёк...»	65
«Гроздь грез, словно майских гроз...»	65
«Поменяла душевный покой...»	66
«Случайно подслушанный шёпот на плёнке...»	66
«Уравнения строк не сходились с небесным ответом...»	67
«Не малодушие-великодушие...»	67
«Ещё твои молитву шепчут губы...»	68

«Меж наших душ, их полярным сиянием...»	68
«Наверно, ослепил неон...»	69
«Свеча не горела. Горела, действительно, люстра...»	69
«А был ли мальчик? Что Гекубе...»	70
«Жизнь движется вперёд, обозначая вехи...»	70
«Не их, а что-то через них...»	71
«Привыкать к стезе земной...»	71
«Два полюса земного бытия...»	72
«Сейчас, пытаюсь проиграть...»	72
«Пусть будет всё, что было не с тобою...»	73

ЭТО ВРЕМЯ – НЕ МОЕ

«Это время – не моё...»	74
«Виват, перестройка! Мечты идиота...»	75
«Убожество, неандертальство...»	76
«Купите Дворец!» – объявление гласит	76
Вспоминая август 1991-го	77
«На спектакль Петера Штайна...»	78
«Мы – почва, перегнутой, навоз...»	79
«Я расскажу вам о Цветаевой...»	79
«Пунктир звезды прочерчивает след...»	80
«Внутри иначе жизнь течёт...»	81
«Вне времени и вне планеты...»	81
«Жизнь оказалась мне не по росту...»	81
«Земле глядеться в зеркала небес...»	82
«Нам выстудил душу вселенский сквозняк...»	82
«Бог – ничто. Струя песка...»	93
Утро	83
«Страны и дома добровольный пленник...»	84
«Сонно нащупаю тапок...»	84
«Нет хлеба. Что ж, не страшно...»	84
«На верёвке сохнут вещи...»	85
Нищий	85
«Выключаю телевизор...»	86
«Душа глухонемая, безъязыкая...»	86
«О где тот младенческий пир...»	86
«Здесь раньше чебуречная была...»	86
«Прощание с веком, прощание с веком...»	87
«В прошедшем веке куплено пальто...»	88
«Обиды – на обед...»	88
«Скажи мне, кто не одинок?...»	88
«Пестрят и рвутся тут и там...»	89

«Поздравительные открытки...»	89
«Потёмки собственной души...»	90
«Под луной ничто не вечно...»	90
«Диск телефонный. Терпенья зенит...»	90
Любовь.	91
Молитва.	91
«Сменит неба тревожную алость...»	91
«Гражданин, человечек, прохожий...»	92
На лекции.	92
Моим слушателям	92
Острые углы.	93
«Весь мир – театр, актеры – люди...»	96
«Я это постигла не сразу...»	96
Саратову.	97
«Аллея улицы Лесной...»	98
«Улочки Саратова...»	98
Первомай 2004-го	99
«Когда включаю телевизор...»	100
«То, что добро потоплено во зле...»	101
«Чем дальше в жизни – тем трудней...»	101
«Небо давит, как на атлантов...»	102
«Ты склонись надо мною в молитве...»	102
«Берегите же душу!» О, я берегу...»	102
«Поперёк политических прописей...»	103
«Я никуда не вступаю...»	103
«Один не воин в поле...»	104
«Между землёй и небом...»	104
«Земля или небо? Не то и не сё...»	104
«Я ёжик, плывущий в тумане...»	105
«Она летит, свободная от пут...»	105
«Зазвенело утра серебро...»	106
«Этот день ещё мной ненадѣван...»	106
«Рисунок дня. Небрежный росчерк буден...»	106
«Когда-нибудь планида, как планета...»	107
«Жизнь жмёт в плечах...»	107
«У моей печали нет предела...»	107
«Я вырвусь за эти страницы...»	108
«Чья вина или Божья немилость...»	108

ВСЕ ОНИ УМЕРЛИ, УМЕРЛИ, УМЕРЛИ

«Настало утро. Вось светла...»	108
«Все они умерли, умерли, умерли...»	109
«Насытился, Господь? Теперь доволен?...»	109
«Лес тонул в жужжании и гуле...»	109
«Береза, вяз, акация, каштан...»	110
«Горе нарастает постепенно...»	110

«Как звучит поэтично: «летальный исход»!...»	110
«Ты умирал на пике декабря...»	111
«Как не хватает мне отца...»	111
«Зову тебя. Ау! – кричу. – Алё!...»	112
«В альбоме старом дремлет времечко...»	113
«Где ты? Где воды Стиксовы...»	113
«В недоступное измерение...»	115
«На удочку – ах! – уличного сходства...»	115
«Как под окном деревья разрослись!...»	115
«Этот месяц, полный тьмы...»	115
«Очнись во мне хоть как-нибудь, хоть как-то...»	116
«На небе полночном горят письма...»	116
«Вся я родом из нашего общего прошлого...»	117
Письмо отцу.	117
«Какое странное посланье...»	118
«Мне снились фотографии отца...»	119
«Опять между нами беседа ведётся немая...»	119
«Как поздно я выучилась любить...»	120
«Девочка на доньшке тарелки...»	120
«Мне стыдно это рифмовать...»	120
«Я задыхаюсь в боли и вине...»	121
«Никак не привыкну, никак не привыкну...»	121
«Ну как же мне отнять тебя, оттаять?...»	121
«Просила ты шампанского в тот день...»	122
«Не снимая, ношу твой халат...»	122
«Вот колокольчик. Ты в него звонила...»	122
«Дом твой на Сакко-Ванцетти...»	123
«Как ты меня просила...»	123
«Поскрипывает мебель по ночам...»	123
«Всё не идёт из головы...»	124
«Снился мамин голос в телефоне...»	124
«Я маленькою видела тебя...»	125
«О стрелок перевод назад!...»	125
«Карман вселенной прохудится...»	126
«Хоть всё, что есть, поставь на кон...»	126
«Как страшно никому не верить...»	126
«Отец – каштан, а мама – акация...»	126
«Стихотропные средства не помогут уже...»	127
«То, что отцом и мамой...»	127
На кладбище.	129
«Спешу я к родной могилке...»	129
«Этот дождь над твоей могилой...»	130
«Ослабилось кладбище, рвы разевая...»	132

«Всё дальше, слабее их отзвук и свет...»	132
«Ждѣшь Божьего ответа...»	132
«Их души за нами следят...»	132

Я, КАК НАЛЕДЬЮ, СКОВАНА ПАМЯТЬЮ

«Я, как наледью, скована памятью...»	133
«Старые, беспомощные, мѣртвые...»	133
«Моѣ коммунальное детство...»	134
«У Бога в заначке есть тихие улочки детства...»	134
«Цветастое кресло, облезлый буфет...»	134
«Клеѣнка. Маслѣнка. В тарелке салат...»	135
«Пароходик у причала...»	136
Стасику	136
«Брат мой, близкий и чужой...»	138
«Мне город Шахты видится сквозь дни...»	138
«Моя бабка, донская казачка, красотка, горячка...»	139
«Нет очевидцев той меня...»	139
«Бездомный мир за окнами пуржит...»	140
«Всѣ у бережливой Мнемозины...»	140
На Новом кладбище	141
«Тянешься ко мне стебельками трав...»	141
«Вновь гадалки дотошные...»	142
«Всѣ умерло. И только память...»	142
«У декабря твои виски седые...»	143
«Память, закоулки обнажи...»	144
«Обман, ошибка, печатка...»	144
«Забинтована снегом земля января...»	145
«Непрошедшее время не знает деленья...»	145
«Я знаю, истина в вине...»	145
Снег («Медленный, тихий, небесно-жемчужный...»)	146
«Я беру, как собака, след...»	146
«Мне прошлое дышит в затылок...»	147
«Прошлыми днями, как льдами, затѣртый...»	147
«Моя душа распята, проклята...»	147
«Под воду океана времени...»	147
«Души легко переходят границы...»	148
«Когда умру, куда я дену вас...»	149
«Безмолвные воды Стикса...»	149
«Запахи, звуки, шорохи, тени...»	149
«Пролетела весна мотыльковой беспечной мечты...»	150
«Кому-то – посох жизнь моя...»	150
«Сумеречный вечер...»	151
«Эта ночь адресована мне...»	152

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И МНОЮ

«Между смертью и мною...»	152
«Ещё не вечер» – не скажу уже...»	153
«День умирает молодым...»	153
«Ветер, мой побратим...»	153
«Когда идѣшь по улице моей...»	154
«Я читаю Акутагаву...»	154
«Героизм бессребренных стрекоз...»	154
«Всѣ та же синь, всѣ та же цветъ...»	155
«Пространство жизни, где рождѣн...»	155
«Не в жизни живу, а, скорей, в метафизике...»	155
«Жизнь – свободное время от смерти...»	155
«На краешке любви, как на морской мели...»	156
«Я скоро уволюсь из штата живых...»	156
«Я хотела бы на кладбище еврейском...»	157
«Ружьѣ судьбы висит над головой...»	157
«Закат окинул мир прощальным взором...»	157
«Слепая ночь глядит на нас в упор...»	158
«О, голоса моих друзей...»	158
«А телеграммы радости скупы...»	159
«Всѣ чаще в тисках усталости...»	159
«Душа не стареет, как мудрые книги...»	159
«Как я узнаю старость...»	160
«Счастье юных, тѣмное, неверное...»	160
«На старость лет пошли мне сад...»	160
«В эту ночь выли псы и немного знобило...»	161
«Весенней грозы отрезвляющий душ...»	161
«И в затрапезной шапке-невидимке...»	162
«Какое-то грустное счастье...»	162
Прародина	162
«Ночь – многоточие... Тайн средоточие...»	163
«Дверь покосилась. Змеиные трещины...»	163
«Я разучилась чувствовать, как все...»	164
«За окошком ветра вой...»	164
«Сумерки сгущаются...»	164
«Что нас держит в сем мире утробном?...»	164
«Настигает безумный амок...»	165
«Перепутались чѣрные даты...»	165
«На клеѣнке блик играет...»	165
«Когда-нибудь накроет прессом...»	166
«Стара для жизни, молода для смерти...»	166
«Я стучу в себя, как в стену...»	166

В больнице	
1. «Чур, зараза, не тронь меня!...»	167
2. «Что сказать ей, чтоб её утешить?...»	168
«Я на перроне ночи...»	168
Арифметика («Сложение и умноженье...»	169
Геометрия («Дано: стихи, тоска, вино...»)	169
Одиночество («А ночь черна, как совесть мира...»)	169
«Дитя, глупыш, зверёныш, чадо...»	170
«Дорожу твоей жизнью, нелепой такой...»	170
«Ты – на целую тоску...»	171
Памяти А. Ханьжова	171
«Увядая, облетая...»	172
«Лес в ноябре. Осыпавшийся, чёрный...»	172
«Трижды проклятая жизнь...»	172
«Умирает мой день. Переходит между...»	173
«Я продлевала вечера...»	173
«Знаю, чувствую каждым суставом...»	173
«С этим нежности грузом в груди тону...»	174
«Я в этом мире только случай...»	174
«Ни с орбиты ещё, ни с ума я...»	174
«Восхода нищая полоска...»	175
«В окне квадрат Малевича...»	175
«Я видела ад. Это мир без любви...»	175
«Только одно непреложно: тоска...»	176
«В реанимации лежала...»	176
«В кофейной ли гуще, в стихах, во сне...»	176
«Порой пронзит ночами ужас...»	177
«В окне черно. Луна исходит жёлчью...»	177
«Начинаю вживаться в смерть...»	177
«Как завести мне свой волчок...»	177
«Тень Офелии храня...»	178
«Я не выйду на сцену с поклоном...»	178

ТАК БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ЛЮБИТЬ

«Так беспрепятственно любить...»	179
«Сегодня Вы будете гостем...»	179
«Ах, всё это глупости, что Вы погубите...»	179
«Ожиданье горше, чем рыданье...»	180
«Всё мне снится тот же самый сон...»	180
«Лучше плакать, но только не тешиться!»	180
«Сколько можно ходить зарёванной?...»	181
«Мой милый, поцелуй меня на память...»	181
«Любовь моя, сокровище...»	181

«О любовь моя, чудо чудное!...»	182
«Это счастье далось мне с кровью...»	182
«Ты да я, да дождь над головой...»	182
«Я люблю тебя всюю своей подноготной...»	183
«Я в тебя впадаю, словно речка...»	183
«Ты помнишь этот дождь, нас обвенчавший...»	183
«У счастливой любви не бывает стихов?...»	184
«Не отличала ночь от дня...»	184
«Лица улиц, троллейбусов морды...»	184
«На душе оранжево и жарко...»	185
Полнолуние	185
«Ах, какая луна шальная...»	186
«Люби меня, какою я бываю...»	186
«В конце концов мне наплевать...»	186
«Мы вместе – о чудо! – пускай ненадолго...»	187
«Не знала ни стыда, ни горя...»	187
«Я целую твою голову...»	187
«Схожу с ума, как снег в апреле...»	188
«Не судите то, что вам неведомо...»	188
«Господи, прости мне это счастье...»	188
«Предсонный сумрак тонок и непрочен...»	189
Ночной дождь	189
«Я мечтала о свадьбе, о снежной фате...»	189
«Часы тихонько тикают: тик-так...»	189
«Не стыжусь штампованности слов...»	190
«Как чудно всё – жемчужины снежинок...»	190
«Я за это счастье нашей встречи...»	191
«А то, что было всё «по правде»...»	191
«Высокое – и земное...»	191

ВДВОЁМ

«Сбылось всё то, что пела флейта...»	192
«Наконец-то мы вместе. Окончилось бегство...»	192
«Я – спутница беспутная твоя...»	192
«Манят миры законные...»	194
«Ради чуда нашей встречи...»	194
«Мы сошлись на дорожке узенькой...»	195
«Мы мечтаем о высоком...»	195
«На вокзале толчея...»	196
«Двенадцать лет ношу тебя в себе...»	196
«Если мне чего-то не хватало...»	197
«Всё ищем мы заоблачную твердь...»	197
«Ты стал моим берегом и оберегом...»	197

«Это так удивительно...»	197
«Мы – две системы, формы бытия...»	198
Счастье	198
«Под аркой радуги, в кольце обнявших рук...»	198
«Как трудно оставаться тою...»	198
Низкая истина	
1. «Лохматое, неприбранное счастье...»	199
2. «Душу возвышающий обман...»	199
«Мы так близки, что наши имена...»	199
«Я споткнусь на каком-то слог...»	200
«Как бы вы вашу душу в страстях ни метелили...»	200
«Сквозь тернии и шипы...»	201
«Тетрадь, акацию в окне...»	201
Ночь («Профиль древней лепки...»)	201
«Мы как будто плывём и плывём по реке...»	201
Колыбельная	202
«Отлетают котурны возвышенных фраз...»	202
«Я помню все слова, что ты мне говорил...»	203
«Опять наговорила на червонец...»	203
«Уткнуться в тёплое плечо...»	204
«Проснулась: слава богу, сон!...»	204
«Я руку тебе отлежала?...»	205
«Глазели в окна злые лица улиц...»	205
«В волосах – ни сединки, в глазах – ни грустинки...»	206
«Мой пастырь, царь мой, поводырь!...»	206
«Ты мне такое счастье принёс...»	207
«Я поставила лишь на тебя одного...»	207
«Жизнь коротка, не ухватиться...»	208
«На улицах, в домах и в душах...»	208
«Мой дом, мой кров, моя пещера...»	208
«Нам вечность не грозит...»	209
«Всего лишь жизнь отдать тебе хочу...»	210
«Всё повторимо: почки и грачи...»	211
Комната («Моё логово-угол...»)	211

РОДИНА КРОМЕШНАЯ МОЯ

«И вгрызается в горло нам век-бультерьер...»	212
«Что творят эти взрослые дети?!...»	212
«Некогда бескрайняя, безбрежная...»	212
«Страна больна смертельно. И преступно...»	213
Национал-патриотам	213
«На перекрёстке двух эпох...»	214

Новая Россия	214
«Кричит на митинге мессия...»	215
«Трёхцветный флаг нам счастья не принёс...»	215
«Этот пошлый мир не стоит песен...»	216
«Тупая, кровавая родина...»	217
«Когда души высокий градус...»	217
«Нет, не былью, а антиутопией...»	217
«Русь – огромная деревня...»	218
Выборы («Вновь рабы выбирают хозяев...»)	218
«Без работы нынче Дон-Кихоты...»	218
«Пышно взбиты сливки облаков...»	218
«Мы будем платить по кровавому счёту...»	219
Междутурье	219
Встреча («Она была с утра уже поддатой...»)	220
«Этот сквер от слова скверна...»	220
В булочной («Старушка шептала, купюры считала...»)	221
«До свиданья, крутая эпоха...»	222
«В стране, где голый властвует король...»	222
«Помню какую-то передачу...»	222
«Я тобою ранена...»	223
«Как там у Вильяма Шекспира?...»	224
«На улице сыро и серо...»	224
«Ни Онегина, ни Ленского...»	224
Новые русские	225
Музыка	225
«У Бога – в цейтноте...»	226
«Мир расслоился с недавних пор...»	227
«Не для меня газетного вранья...»	227
«Все мы дети грязной и безумной...»	228
«Грезим мы об алых парусах...»	228
«История – истерика времён...»	228
«Когда не взвидишь света до зари...»	229
«В глазу окна – соринка месяца...»	229
«Грязные статейки в пафосе дурном...»	229
«Идёт погоня за душой...»	230
«Исторгнув утро из нутра...»	231

МНЕ ПИШЕТ ПРИРОДА

«Мне пишет природа волной на песке...»	232
«Неутомимо, неотвязно...»	232
Окно	232
«Дерево заглядывает в окна...»	233

«В природе неодушевлённой...»	233
«Во всём приметы близкого родства...»	233
«Осенний лист упал, целуя землю...»	234
«За углом берёза загадочная...»	234
Липки	234
«Меж светом и тенью – драка...»	235
Деревья («В такую бурю не пройти и метра...»)	235
«Земля страданиями полна...»	235
«Меня не обманывали деревья...»	236
«Я читаю письмо дождя...»	236
«Расплакался дождь. Не от боли...»	236
«Не погубите тишину!..»	237
«О Волга, ты – лекарство от истерик...»	237
«Лес встречает соловьиною свирелью...»	237
«Акацию срубило ТСЖ...»	237
Дерево («Оно шумело только мне...»)	238
«Веточка от срубленной акации...»	238
Весна.	239
Моему дню рождения	239
«Весна» Боттичелли, «Весна» Боттичелли...»	240
«Меня уже те рощи позабыли...»	240
«Когда цветов лежит копна...»	240
«О сирень четырёхстопная!..»	241
«Опустошенья, как после любви...»	241
«Заносчивый город карнизы домов задирает...»	241
«У тоски моей взяв выходной, я шатаюсь по скверу...»	242
«Я столкнулась с дождем беспределом...»	242
«Какой-то допотопный ливень...»	243
Дождь	
1. «Этот дождь – как вино...»	243
2. «Как этот дождь идёт в охотку!..»	243
3. «Дождь неизменно шёл четыре дня...»	244
«Осень, осень, розовое небо!..»	244
«А на пороге осень...»	245
«Я осень люблю и в природе, и в людях...»	245
«Как слёзы по лицу, струятся годы...»	246
«Осень в душе и очки на носу...»	246
«Мокрая осень стучится в окно...»	246
Дождь по крыше («Эту ночь осторожно пальпирует дождь...»)	247
«Осыпается лес. Засыпает, шурша...»	247
«Золотая моя природа!..»	247

Кормление птиц	248
Воробышек	248
Рецепт («Кусочек радуги, шепотку тишины...»)	249
«Если очень тошно или больно...»	249
Первый снег	249
«Зимы лебединый балет...»	249
Снег («Жизнь, всё круче твой разбег...»)	250
Зима («Всё, что заснежено, остужено...»)	250
«О подснежник, весны зародыш...»	215
«А небо беременно радугой...»	215

ЗВЕРИНОЕ ТЕПЛО

«Се человек: слабак, байбак...»	252
Зверьё	252
«Милый пёсик, чёрный носик...»	253
«Я читаю запоем старую книжку...»	254
«Мой пёс, чертяка, черномордик...»	255
Дендик	255
На смерть Дендика	257
Линда	257
«Ваше востромордие...»	258
«Иду, со сна полуслепа...»	258
Она («Собачники приехали во вторник...»)	260
«Маленькая девочка Олеся...»	260
«Мир мой смирен, одномерен...»	261

ПОРТРЕТЫ

«Читаю случайные встречные лица...»	262
«Историю эту однажды в письме...»	262
Старушка	263
«Своей жизни несчастной виновники...»	264
Анкета	264
Поэт	265
«Ты весь – как заросший запущенный сад...»	265
«Детской слабостью твоей обезоружена...»	265
«Под этим небом, выпитым до дна...»	266
«А что осталось? В общем, ничего...»	266
«Дворник Павел Николаич...»	267
Попрыгунья	268
Сергей Эфрон	268
«Ну сколько можно о Марине!..»	270
«Любовь нахлынула внепланово...»	271
«Для маски нет умения и сил...»	271

«Женщина, влюблённая в природу...»	271
Памяти Лены Тарасовой.	272
«Меня никто не любит, только Бог...»	273
Бабье лето.	274
Критикесса.	274
Сосед.	275
«Пройти по жизни невидимкой...»	275
На могиле вдовы Некрасова.	275
Авдотья Панаева	276
Из дневника Ю. Нагибина	277

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

«Трёхкомнатное логово души...»	279
«Школьная контрольная...»	279
«Мой мирок, мой рай запечный...»	280
«Я возвращаюсь в знакомый контекст...»	280
«Как грубо чувствуют плебеи...»	281
Стихи в защиту таракана	281
«Как камень с плеч свалился враз...»	282
«Иных миров благая весть...»	282
«Жизнь не отоваришь...»	282
«Нет, не в вине она, а в чае...»	283
«Снова на чьей-то улыбки крючок...»	283
«Перед зеркалом красуюсь...»	283
«Жизни нет от полноты...»	284
«В автобусе мне место уступили...»	284
«С крыльев бабочки пыльца...»	284
Тает...	285
«Никто уже не смотрит вслед...»	285
«Прекрасная Дама любила другого...»	285
«Толстой страдал, что он не любит крыс...»	285
«В моей жизни – жирным курсивом...»	286
«И некому послушать...»	286
«Телефон звонит в передней...»	286
«Как дела? Какие планы?...»	287
«Дождик плюёт и сморкается...»	287
«Кончался дождик. Шёл на убыль...»	287
«Как близоруко призрачное счастье...»	288
В кафе «Манеж».	288
Ода лоху	289
«И в сердце вдруг кольнуло, как ножом...»	289
«Поэту не внимал народ...»	290
«Вот поэт, зовётся Цветик...»	290

«О Боже правый, из каких помоек...»	291
«Обрастаю книгами...»	292
В книжном магазине	292
«Лелею искомые строчки...»	292
«В наряд из слов благоуханных...»	293
«Стихи – какой-то нонсенс, казус...»	293
«Писать уж больше не могу...»	293
«Порой иду и вижу в страхе...»	294
«Стих мой рождённый...»	294
«Пророки вечно в дураках...»	294
«Пусть кто-то будет резок крайне...»	295
«Экстрасенсы и суггестологи...»	295
«Говорят, что есть они, флюиды...»	296
«Вы мне сказали: «Тема закрыта...»	296
«Друзья по Интернету...»	297
«На языке бульварных площадей...»	297
«Что значит – на картошку посылать...»	298
«Я голошу и гоношусь...»	298
«Деспоты не любят диспутов...»	298
«Меня от Достоевского знобит...»	299

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА ТВОРЧЕСТВА

«Шагреновая кожа творчества!...»	299
«Цель жизни – самовыраженье...»	300
«Порой мы пишем паче чаянья...»	300
«Вновь мои заоблачные бредни...»	301
«В стихах живу я в полный рост...»	301
«Одиночество, книги и мысли...»	301
«Поэзия границ не знает...»	302
«Первая капля дождя зазвенела...»	302
«Как только снова небо вызвездит...»	303
«Как тебе там?» – я спрошу у звезды...»	303
«Не нужен повод для стиха...»	303
Горит заря до радостного крика...»	304
«Надвигается час роковой...»	304
«Я соловей, что кормится лишь баснями...»	304
«Раньше знали их и птицы, и листва...»	305
«Поэзия не знает дня рожденья...»	305
«Грамматика вовсе не так уж суха...»	305
«Стихи растут из сора и из ссор...»	306
«Стихи – не чувства, это опыт...»	306
«Мы голые люди, весёлые люди...»	307
«Неисправимый интроверт...»	307
«А если чуточку совру...»	307

«Сообщница души, ослушница ума...»	307
«Есть вещи, что боятся слов...»	308
«Недо-весна: недо-вода...»	308
Кораблик	308
«Поэзия должна быть делом личным...»	309
«Сиянье солнечного дня...»	309
«Комната о четырёх углах...»	309
«Мне пишет зэк, что всё находит отклик...»	310
«Где найти козла отпущения...»	310
«Я схороню себя в своих стихах...»	310
«В своём соку закишая строка...»	311
«Я не поэт, что б там ни говорили...»	311
«Я всего лишь кустарь-одиночка...»	311
«Ночь в слезах, как в своём соку...»	311
«Без сучка и задоринки гладкая ложь...»	312
Снобы	312
«А рыба каждого стиха...»	312
«На задворках российской империи...»	312
«Мелькают лица: тёти, дяди...»	313
«Пока пишу – дышу...»	313
«Ироничная старая дура...»	313
«Шагрень поэзии моей...»	314
«На чёрный день», «на худой конец»...	314
«Раскроет память старые блокноты...»	314

ПОЭТЫ

«Неподвластная духу тленья...»	315
Лермонтов	
1. «Потомок старинного рода...»	315
2. «Кто мне поверит, что я знал любовь...»	316
Баратынский	317
Иннокентий Анненский	318
Фёдор Сологуб	319
Серебряный век	320
Блок	321
Письмо Елизаветы Кузьминой-Караваевой Блоку...	322
Хлебников	323
Коктебель Волошина	324
Черубина	324
Бальмонт	325
Андрей Белый	
1. «Белым облаком снега и пуха...»...	326
2. «Глаза – цвета голубя и серебра...»	327
3. «Испепелённое лицо...»	327
4.«Баловень, фантаст, капризник...»	327
5. «Серебряный мой голубь, альбатрос...»	327
Кузмин	328

Мандельштам	329
Соперницы	330
«Пастернак не заехал к родителям...»	331
Франсуа Вийон	331
Артур Рембо	333
Борис Поплавский	334
Забывтым поэтам	335
Мария Шкапская	335
Леонид Губанов	336
Бродский («Оставил в Питере её подмену...»)	337
Сергей Чудаков	337
«Смотрела вечер Евтушенко...»	338
Владимир Соколов	339
Александр Кушнеру	340
«Здесь до меня он был, он плакал в коридоре...»...	342

ПОЭМЫ

Марина Цветаева и её адресаты	343
Петр Эфрон	346
Осип Мандельштам	346
Александр Блок	347
Никодим Плуцер-Сарна	347
Юрий Завадский	348
Николай Вышеславцев	349
Евгений Ланн	349
Сергей Волконский	350
Абрам Вишняк	351
Александр Бахрах	352
Константин Родзевич	353
Борис Пастернак	354
Райнер Мария Рильке	355
Монолог Людмилы Дербиной, невенчанной жены Николая Рубцова	359
По ту сторону света	363

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

ДВУСТИШИЯ

368

386

КНИГИ НАТАЛИИ КРАВЧЕНКО

1. **Любовь моя, сокровище...** Стихи. – Саратов: Кварк, 1993.
2. **В логове души.** Стихи. – Саратов: Валёр, 1994.
3. **Сокровенное.** Стихи. – Саратов: Кварк, 1996.
4. **Будьте Вы благословенны.** Быль, эпистолярная повесть, стихи. – Саратов: Надежда, 1997.
5. **Публичная профессия.** Непридуманные рассказы. – Саратов: Издательство СГУ, 1998.
6. **Собачья жизнь.** Рассказы. – Саратов: Надежда, 1999.
7. **Звезда или хлеб?** Лекции, заметки, эссе. – Саратов: Надежда, 1999.
8. **Письмо в пустоту.** – Стихи, реквиемы, заметки. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2001.
9. **Чужая жизнь.** Стихи, поэма. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.
10. **Фрагменты счастья.** Стихи. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.
11. **По горячим следам.** Стихи, новеллы, эссе, памфлеты, заметки. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2003.
12. **Ангелы ада.** Статьи, эссе, заметки. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2004.
13. **Непрошедшее время.** Стихи, непридуманные истории, литературные эссе. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2005.
14. **Острые углы.** Стихи. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2006.
15. **Признаки (призраки) жизни.** Стихи, реквиемы, эссе, памфлеты, заметки. – Саратов: ООО Приволжское издательство, 2007.

Литературно-художественное издание

Кравченко Наталия Максимовна

О Ч А Г

Оригинал-макет подготовлен Т.Ю. Обуховой

Подписано в печать 1.07.2007. Формат – 60x84 1/16
Бумага офсетная № 1 Гарнитура Таймс. Усл.п.л. 19,4
Тираж 100 экз.

ООО Приволжское издательство
г. Саратов, ул. Кутякова, д. 9